

2.(с 137)-1
П-99

СВЯТОМЪ КУКШЪ,

КАКЪ

просвѣтителъ Орловскаго края.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

СОСТАВИЛЪ

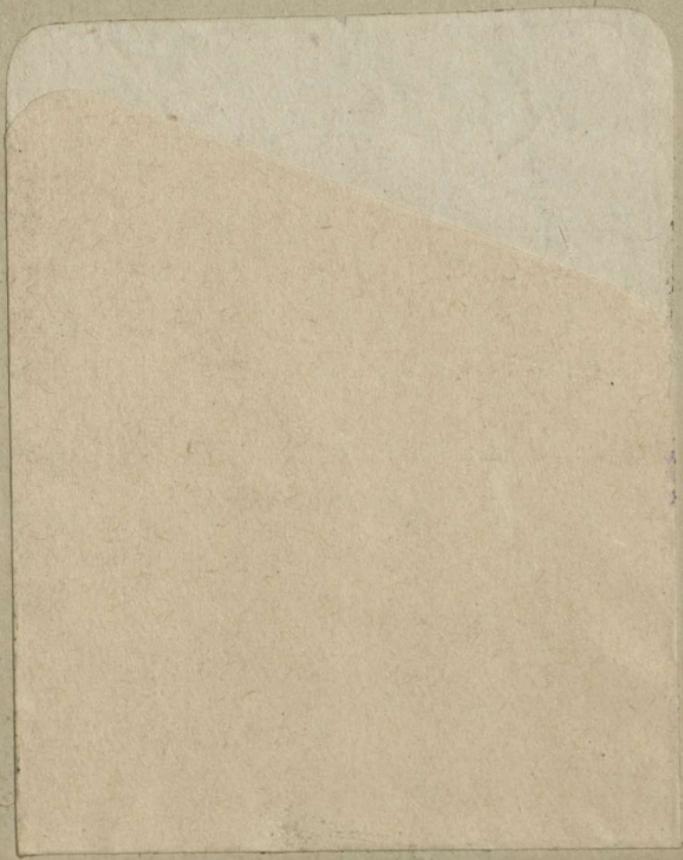
на основаніи «Очерковъ религіозно-нравственнаго состоянія Орловскаго края,» напечатанныхъ въ Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1880—1883 годы и въ настоящее время вновь пересмотрѣнныхъ и частью пополненныхъ,

*Преподаватель Орловской Духовной Семинаріи
Гавріиль Пясецкій.*

ОРЕЛЪ.

Типо-Литографія В. П. Матвѣева.

1894.

НЛОХЪВННЦШЕ

2
2
12-99

О

1799

СВЯТОМЪ КУКШЪ,

КАКЪ
просвѣтителъ Орловскаго края.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

СОСТАВИЛЪ

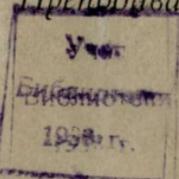
на основаніи «Очерковъ религіозно-нравственнаго состоянія Орловскаго края,» напечатанныхъ въ Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1880—1883 годы и въ настоящее время вновь пересмотрѣнныхъ и частью пополненныхъ,

и 16657

и 16657

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

Преподаватель Орловской Духовной Семинаріи
Гавріиль Пясеукій.

КРАСНОЕ

ОРЕЛЪ.
Типо-Литографія В. П. Матвѣва.
1894.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ книгѣ житій Святыхъ подѣ 27 днемъ мѣсяца Августа читаемъ: «Въ той же день память преподобныхъ отецъ нашихъ Кукши священномученика и Пимена постника. Не подобаетъ глаголати много, идѣ же дѣла свидѣтельствуютъ ясно, яко же и о сихъ блаженныхъ: блаженный (бо) священномученикъ, нарицаемый Кукша, единъ отъ отецъ святаго Печерскаго монастыря, всѣмъ знаемъ бѣ, зане Вятчанъ, людей невѣрствіемъ помраченныхъ крести, и многихъ вѣрою просвѣти. Многа же и велика чудеса сотвори, бѣсы прогна, дождь съ небесе сведе, езеро изсуши, и ина различна удивительная знаменія послѣдоваша ему. Таже по многихъ мукахъ отъ невѣрныхъ усѣченъ бысть со ученикомъ своимъ. Въ то же время блаженный Пименъ постникъ въ томъ же Печерскомъ святомъ монастырѣ подвизашеся Богоугодно, иже великаго ради своего пощенія и труда прія отъ Бога дарованіе толикое, яко просіяти ему не токмо исцѣленіемъ недужныхъ, но и прозрѣніемъ грядущихъ и отстоящихъ далече, безвѣстныхъ же и тайныхъ: ибо многихъ болящихъ чудотворно исцѣливъ, и многая пророчествовавъ, проувѣдѣ отшествіе свое ко Господу прежде двухъ лѣтъ. Таже прозрѣвъ усѣченіе блаженнаго Кукши, отстоящаго далече, посреди церкви Печерскія велегласно возопи: братъ нашъ Кукша въ сей день противо свѣта убиенъ есть. И сія рекъ, преставися

во едиийъ день съ Кукшею святымъ и ученикомъ его. И тако тріе купно воспріяша радованія тричисленна, ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце чловѣку не взыдоша, яже уготова любящимъ Его Богъ въ Троицѣ: Ему же слава, нѣнѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.»

Вотъ все, что сохранила намъ древность о личности Св. Кукши и его просвѣтительной дѣятельности въ странѣ Вятчей. Къ этимъ немногимъ даннымъ, приводимымъ Св. Димитріемъ Ростовскимъ изъ Печерскаго Патерика, наши извѣстнѣйшіе историки при-совокупляютъ только краткія свои сужденія и предположенія, которыя, однакожъ, въ совокупности своей немало способствуютъ выясненію предъ мысленнымъ взоромъ нашимъ высокаго образа просвѣтителя Вятчей и вполне убѣждаютъ насъ въ той истинѣ, что Св. Кукша былъ просвѣтителемъ и Орловскаго края. Раскрыть эту послѣднюю истину, въ доступной для насъ полнотѣ, и составляетъ предметъ настоящаго историческаго изслѣдованія, предпринятаго нами въ видахъ благочестивой любознательности обитателей Орловскаго края, посвятившихъ одно изъ Церковныхъ своихъ Братствъ (въ г. Мценскѣ) имени Священномученика Кукши. Пусть только читатель помнитъ, что намъ предстоитъ путь по неизслѣдованному полю, гдѣ никто еще не проходилъ со свѣточемъ въ рукѣ; тогда онъ снисходительнѣе отнесется къ первымъ шагамъ на пути къ желанной цѣли.

О СВЯТОМЪ КУКШѢ,

КАКЪ ПРОСВѢТИТЕЛѢ ОРЛОВСКАГО КРАЯ.

Послѣ смѣны многочисленныхъ и разноплеменныхъ кочевниковъ, тѣснившихся въ началѣ среднихъ вѣковъ на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи и оттѣснявшихъ другъ друга къ западу, прочными осѣдлыми обитателями Орловскаго края явились Славянскія племена — *Вятичи* и *Сѣверяне*. Первые, называвшіеся такъ по имени родоначальника своего — *Вятко*, утвердились въ области рѣкъ Оки и Сосны, а послѣдніе, пришедши съ *сѣвера*, заняли теченіе р. Десны и ея притоковъ. Приблизительною границею ихъ поселеній служилъ возвышенный кряжъ, образующій собою водораздѣлъ двухъ бассейновъ — Окскаго и Деснинскаго и извѣстный съ глубокой древности подъ названіемъ *Свиной дороги* (1). Заселеніе Орловскаго края Вятичами и Сѣверянами послѣдовало за-долго до основанія Русскаго государства, когда на всемъ его пространствѣ царилъ еще глубокой мракъ язычества; почему и наши предки были вначалѣ грубыми идолопоклонниками. Они жили отдѣльно другъ отъ друга и управлялись особыми родоначальниками; тѣмъ не менѣе, по замѣчанію перваго русскаго лѣтописца, «одинъ обычай имяху» и вообще, за немногими исключеніями, держались однихъ и тѣхъ же ре-

(1) „А Свиная дорога отъ Рыльска до Болхова“,—говорится въ *Книжѣ Большому Чертежу*. См. изд. 2. 1838 г., стр. 83, 84, 107, 108, 113.

лигіозныхъ вѣрованій. Многоразличныя стороны ихъ языческаго быта не утратили своего значенія и по принятіи ими христіанства, но долго еще сохранялись между ними, какъ завѣтныя преданія отеческой старины, и, смѣшавшись съ новыми понятіями и вѣрованіями христіанскими, породили ту темную область предразсудковъ и суевѣрій, отъ которой не вполне свободно и современное намъ простонародіе. Потому, прежде чѣмъ приступимъ къ нашему изслѣдованію о проповѣднической дѣятельности Св. Кукши и просвѣщеніи имъ нашихъ предковъ, считаемъ не лишнимъ ознакомиться съ ихъ языческимъ міровоззрѣніемъ и многоразличными культами, а также съ ихъ первобытными нравами и обычаями, съ которыми необходимо было бороться христіанскому проповѣднику и просвѣтителю языческаго края.

Древніе обитатели Орловскаго края—Вятичи и Сѣверяне, подобно прочимъ Русскимъ славянамъ, держались языческаго многобожія. Вся природа, по ихъ вѣрованіямъ, была населена богами; всѣ стихіи и явленія видимаго міра олицетворялись ими подъ образомъ особыхъ божествъ, изъ которыхъ одни, по суевѣрному представленію ихъ, направляютъ свою дѣятельность на пользу человѣка (и потому считались божествами благодѣтельными), другія стараются всячески вредить людямъ и ищутъ ихъ гибели, а третьи соображаются въ своей дѣятельности съ такимъ или инымъ отношеніемъ къ нимъ самого человѣка. Отсюда возникаетъ потребность умилоствленія и какъ бы задобриванія божествъ въ свою пользу; образуются культы жертвоприношенія и религіозныхъ празднествъ. У нашихъ предковъ не было жрецовъ, какъ отдѣль-

наго сословія или касты (2). Посредниками между божествомъ и человѣкомъ были старшіе въ родѣ и главы семействъ, что еще болѣе освящало ихъ естественную власть и возвышало авторитетъ въ глазахъ младшихъ членовъ семьи. Они обыкновенно приносили свои жертвы или на высокой горѣ, подъ густыми вѣтвями широколиственныхъ деревьевъ, или надъ водою, у берега озеръ, рѣкъ, проточныхъ ручьевъ и колодезей; при чемъ алтаремъ для жертвы служила или зеленая мурава, или какой-нибудь камень. Мѣсто, гдѣ приносилась жертва, считалось священнымъ, и жертвенные камни составляли предметъ особеннаго почитанія; это были своего рода кумирни, — мѣсто преимущественнаго пребыванія боговъ (3). Матеріаломъ для жертвы служили земные плоды, различныя печенья и мясо домашнихъ животныхъ; все это клали на жертвенный алтарь и оставляли до утра; если на другой день здѣсь ничего уже не было, это служило признакомъ, что жертва принята божествомъ, или, — что предпріятіе, въ виду котораго приносилась она, будетъ успѣшно....

(2) Впрочемъ, они вѣрили, что нѣкоторые люди находятся въ особенной близости къ богамъ и получаютъ отъ нихъ сверхъ-естественную силу; это — такъ называемые — волхвы, кудесники и вѣдьмы — колдуньи, которые производили гаданія и заклинанія. Вѣра въ колдовство доселѣ еще находитъ себѣ поклонниковъ въ средѣ простонародія, а къ знахарству обращаются не только жители сель, но и городовъ; оно отвѣчаетъ имъ на вопросы: „гдѣ искать уворованное“? „женится ли на мнѣ тотъ, кого я люблю“? снабжаетъ суевѣровъ совѣтами и средствами, какъ приворожить къ себѣ любимое существо и заставить его выдти замужъ или жениться, и т. п.

(3) Въ городѣ Мценскѣ, въ Николаевскомъ Соборѣ хранится камень особой породы, отысканный у подошвы соборной горы въ 1415 г., при обращеніи многихъ жителей этого города въ христіанство. Есть нѣкоторыя основанія думать, что это былъ одинъ изъ жертвенныхъ камней языческаго времени.

Главнымъ божествомъ почитался у нашихъ предковъ *Перунъ*; онъ посылалъ на землю громъ и молнію. Эти внушительныя явленія природы, жертвою которыхъ дѣлается иногда человѣкъ и его дорогое достояніе, придавали виновнику ихъ, въ глазахъ грубыхъ язычниковъ, грозный характеръ; его по преимуществу старались умиловать жертвами; въ честь его устраивались истуканы изъ дерева, камня и металла (4). Послѣ Перуна наибольшимъ почитаніемъ пользовались: *Волосъ* или *Велесъ*,—податель всѣхъ благъ на землю и въ особенности покровитель домашняго скота; его чествовали при снятіи жатвы съ полей и завивали колосья «*на бородку Волосу*». *Стрибогъ*—главный виновникъ и прародитель вѣтровъ, отъ которыхъ много зависятъ какъ урожай, такъ бесплодіе полей и огородовъ. *Купало*—божество, представлявшееся воображенію язычниковъ въ видѣ старика, увѣнчаннаго тростникомъ и съ сѣдою бородою; думаютъ, что въ этомъ божествѣ олицетворялась водная стихія, играющая важную роль въ дѣлѣ плодородія земли. *Дажбогъ*—главный виновникъ и распорядитель богат-

(4) Время не сохранило ни одного изъ такихъ памятниковъ нашего мѣстнаго язычества; но едва ли это обстоятельство можетъ доказывать то, что подобныхъ истукановъ у нашихъ предковъ вообще не было. Наши предки позднѣе другихъ приняли христіанство; послѣднее успѣло одержать здѣсь полную побѣду надъ язычествомъ не ранѣе 15-го вѣка. Съ другой стороны, по принятіи христіанства, наши предки оказывали особенное почтеніе къ рѣзнымъ иконамъ; онѣ во множествѣ наполняли наши храмы и были запрещены не позже второй половины 18 вѣка; а теперь и онѣ составляютъ уже величайшую рѣдкость, въ родѣ Мценской чудотворной иконы Николая Угодника. Что же удивительнаго, если христіанство, столько вѣковъ боровшееся здѣсь съ язычествомъ, успѣло истребить языческіе кумиры... Позволеніе имѣть рѣзныя изображенія святыхъ въ значительной степени облегчало задачу искорененія древняго идолопоклонства.

ства между людьми. *Коляда* — божество мира и празднествъ. *Осладъ* или *Усладъ* — богъ веселія, пиршествъ и забавъ, которыя разгоняють горе, освѣжаютъ душу и укрѣпляютъ силы человѣка... *Ладю*, *Лели* и *Полели* — божества молодости, любви, красоты и супружескаго счастья; они пользовались общимъ почтеніемъ юношей и дѣвицъ, мужей и женщинъ, стариковъ и старухъ, потому что потребность любви присуща природѣ человѣка, проходитъ чрезъ всѣ возрасты человѣческой жизни и никогда не оставляетъ человѣка; въ честь ихъ слагались пѣсни, которыя вмѣстѣ съ именами самыхъ божествъ и доселѣ живутъ еще въ устахъ нашего простонародія. *Чуръ* завѣдывалъ границами и межами; его вліяніе на людей сказывалось въ томъ, что онъ могъ отвлекать ихъ отъ цѣли, сбивать съ дороги и заводить въ непроходимыя мѣстности. *Кикимора* — божество сна; оно могло насылать на человѣка сонъ не въ урочитое время, къ явному его вреду и даже гибели; люди сонливые считались одержимыми Кикиморой; такіе люди «просыпали свое счастье», т. е., энергію, трудолюбіе и умѣнье пользоваться обстоятельствами для собственнаго счастья. *Баба-Яга* воображалась ѣдущею въ ступѣ, помеломъ погоняющею, а лопатою слѣдъ заметающею; это — олицетвореніе зимы съ ея бурями и мятелями. *Кощей* — представитель зимнихъ холодовъ; онъ держитъ у себя красныхъ дѣвицъ, т. е., солнце, какъ источникъ тепла... *Сварогъ* — богъ неба и родоначальникъ боговъ. *Золотая Баба* — мать боговъ. *Морена* — богиня смерти; она служила также олицетвореніемъ смѣны дня и ночи, зимы и лѣта. Въ числѣ божествъ полагалась и *Мать-сырая земля*; оттого клятва сырою землею считалась самою страшною; въ доказательство непреложности обѣтовъ — дружбы, вѣрности или чистосердечнаго при-

знанія заставляли иногда проглотить кусокъ земли (5). *Черно — богъ* считался богомъ злымъ, виновникомъ людскаго мора и скотскаго падежа (6).

За этими божествами у нашихъ предковъ слѣдовали еще цѣлыя группы низшихъ божествъ, или полу-боговъ. Таковы: *Лѣшіе*, обитавшіе въ дремучихъ лѣсахъ; по суевѣрному представленію язычниковъ, они нерѣдко дѣйствовали ко вреду путешественниковъ, — переставляли деревья, переносили кусты и цѣлыя рощи, чтобы сбить путника съ дороги и потѣшиться надъ его безсиліемъ среди заповѣднаго своего царства (7). *Водяные*, жившіе на днѣ рѣкъ, озеръ и болотъ; язычникъ особенно боялся водоворотовъ въ рѣкѣ, откуда Водяной легко могъ увлечь его на дно подводнаго своего жилища. *Русалки*, населявшія поля и рощи, не менѣе Водяныхъ страшны были въ своей заповѣдной области: кто становился жертвою ихъ потѣхъ, тотъ долженъ былъ проститься съ жизнію (8). Онѣ наполняли также собою рѣки и озера. *Доловые*, — эти жили въ домахъ людей; одни изъ нихъ благопріятствовали хозяину дома, а другіе разстраивали его хозяйство и старались какъ бы выжить хозяина изъ дома; въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно говорили:

(5) Здѣсь получаетъ свой смыслъ и эта фраза въ устахъ нашего простонародія: „божись, не божись, хоть землю ѣшь,—а я тебѣ не повѣрю“...

(6) Во время скотскаго падежа наши предки прибѣгали къ такъ—называемому „опахиванію“. См. Историч. очерки г. Орла на стр. 164.

(7) Въ простонародіи доселѣ указываютъ на лѣсное эхо, какъ на голосъ Лѣшаго, откликающагося изъ глубины дебрей и увлекающаго туда довѣрчиваго путника.

(8) Внезапная смерть, постигавшая человѣка въ рощѣ, приписывалась суевѣрами дѣйствию Русалокъ. По вѣрованію нашихъ предковъ, души дѣтей становились Русалками.

«хата не на мѣстѣ, домъ не по Домовому, и хозяйство такому человѣку не пойдетъ въ руку»... При переходѣ изъ одного дома въ другой, старались перезвать съ собою и Домоваго, при чемъ проводили его съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ и непременно заднимъ надворнымъ ходомъ ⁽⁹⁾. Было и еще какое-то блуждающее, мрачное божество *Бука*; это страшилище представлялось съ огромною пастью и чрезвычайно длиннымъ языкомъ; оно обходило по ночамъ дворы и избы, и если внѣ избы находило дѣтей, то хватало ихъ своимъ языкомъ и немедленно пожирало. Этимъ привидѣніемъ язычники пугали своихъ дѣтей, чтобы послѣднія не выходили изъ избы по ночамъ; «не ходи,—говорила мать своему дитяти,—тамъ Бука; она съѣстъ тебя!» Имя это доселѣ живетъ въ памяти нашего простонародія и сохраняетъ тотъ же характеръ дѣтскаго страшилища ⁽¹⁰⁾.

Въ честь нѣкоторыхъ божествъ наши предки устраивали различныя празднества, которыя пережили самое язычество и многими своими сторонами удержались въ быту простонародія до настоящаго времени. Такъ, весною совершались праздники въ честь рѣкъ и источниковъ, которые заканчивались торжествомъ въ честь Купала, приготавливащаго землю къ плодородію. Въ это время было обязательно купанье и, какъ

⁽⁹⁾ Хозяйка дома брала новый горшокъ съ угольями и, обращаясь къ Домовому, говорила: „милости просимъ, Дѣдушка, пожаловать съ нами на новое житье“...

⁽¹⁰⁾ Возникновеніе этого божества, по всей вѣроятности, имѣетъ связь съ первоначальнымъ поселеніемъ нашихъ предковъ среди дѣвственныхъ, дремучихъ лѣсовъ, въ кругу безчисленнаго множества дикихъ звѣрей, когда поздній выходъ изъ дома могъ быть особенно опаснымъ для дѣтей. Въ Болховскомъ уѣздѣ есть дер. *Буки* при Кащѣевскомъ Болотѣ, также въ Карачевскомъ, въ Орловскомъ—Буковище.

полагаютъ нѣкоторые, даже утопленіе людей въ жертву идола (11). Остатки этого обычая сохраняются у простолюдиновъ въ такъ—называемомъ «обливаніи водою на Великъ день», когда проспавшихъ заутреню, подъ видомъ наказанія, обливаютъ водою или бросаютъ въ воду. Къ остаткамъ языческаго празднованія весны принадлежитъ также выкликиванье весны на Радуницѣ (Өомино воскресеніе): «весна красна, на чемъ пришла»... Особенною торжественностью и нарядностью отличался языческій весенній праздникъ въ честь бога сладострастія (Тора), около Семика и Троицына дня. Въ этотъ день дѣвушки и женщины, въ сопровожденіи многочисленной толпы мужчинъ, въ лучшемъ праздничномъ нарядѣ, отправлялись въ ближайшую рощу; онѣ держали въ рукахъ древесныя вѣтви, украшенныя разноцвѣтными лентами и лоскутами; за ними шель хороводъ съ пѣснями и плясками. Когда процессія достигала заповѣднаго мѣста, дѣвушки плели вѣнки изъ зелени и цвѣтовъ и начинали соблазнительныя пѣсни и пляски, во время которыхъ цѣловались чрезъ вѣнки съ мужчинами. Это веселье заканчивалось гаданьемъ: дѣвушки бросали свои вѣнки въ воду,—чей вѣнокъ удержится на водѣ и поплыветъ, той скоро быть замужемъ, а чей потонетъ, та еще надолго останется въ дѣвушкахъ (12).

Лѣтомъ, предъ началомъ сѣнокоса и жатвы, совершалось новое празднество въ честь бога Купала; оно состояло въ сожиганіи костровъ, въ пѣсняхъ, прославлявшихъ благодѣтельную силу теплоты, и перепрыгиваніи чрезъ огонь. Память объ этомъ празднествѣ доселѣ сохраняется въ народѣ, который день рождества

(11) Ломоносовъ, Исторія Русск. гл. VII.

(12) Время это извѣстно въ народѣ подъ именемъ Семика.

Св. Іоанна Предтечи, т. е. 24 іюня, называетъ праздникомъ Івана—Купала, а 23 того же мѣсяца—днемъ Аграфены—Купальницы (13). Осенью наши предки праздновали въ честь всѣхъ божествъ, выражая тѣмъ свою благодарность имъ за обильную жатву и благополучное собраніе плодовъ земныхъ; особенное же почтеніе воздавалось теперь богинѣ Ладѣ и ея двумъ сыновьямъ—Лели и Полели, покровителямъ любви и браковъ; имъ приносились тучныя жертвы и возсылались усердныя молитвы не только отъ дѣвицъ и юношей, но и отъ стариковъ и старухъ. Въ обычаѣ нашего простонародія—заключатъ браки преимущественно осенью, нѣкоторые не безъ основанія видятъ наслѣдіе глубокой старины. Въ зимнее время языческіе предки наши праздновали Коляду; предъ этимъ они нѣсколько дней сряду постились и наканунѣ праздника, до восхожденія луны и звѣздъ, не принимали никакой пищи; затѣмъ, собравшись на улицѣ, дѣвушки и женщины прославляли Коляду, обращаясь въ своихъ пѣсняхъ къ солнцу, лунѣ и звѣздамъ (14). Въ это время сжигали дубовую колоду въ домашнемъ очагѣ, гадали о плодородіи будущаго лѣта, переряжались и т. под. Другой зимній языческій праздникъ состоялъ въ очистительныхъ жертвахъ. Время этого празднества, какъ видно, совпадало съ христіанскимъ праздникомъ Богоявленія Господня, въ который и доселѣ можно

(13) Въ нашемъ народѣ сохраняется суевѣріе, что травы, сорванныя въ ночь на 24-е іюня, имѣютъ чудодѣйственную силу.

(14) Коляда празднуется, когда, по пословицѣ, солнце пойдетъ на лѣто, а зима на морозъ; или: „когда дня прибавится на куриный шагъ“.

встрѣтить купающихся въ рѣкахъ не только по селамъ, но и по городамъ (15).

Таковы въ общихъ чертахъ были религіозныя вѣрованія нашихъ предковъ и ихъ отношенія къ своимъ богамъ. Эта религія не возвышала ихъ до сознанія нравственнаго долга предъ божествомъ; ихъ боги раскиданы были въ видимой природѣ, во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, въ безразличныхъ, случайныхъ или капризныхъ отношеніяхъ къ людямъ; потому язычники не могли любить своихъ боговъ. Въ основаніи отношеній человѣка къ божеству лежала не внутренняя потребность перваго, а чисто внѣшнія, житейскія, матеріальныя побужденія; наши предки легко забыли бы своихъ боговъ, отказались бы отъ почитанія ихъ, если бы не боялись, что Перунъ убьетъ ихъ своею молніею, что прочіе боги лишатъ ихъ жатвы, поразятъ ихъ голодомъ, помѣшаютъ ихъ счастію и благополучію. Погруженные въ заботу о насущномъ, руководясь въ своей жизни и дѣятельности интересами дня, наши язычествующіе предки не имѣли понятія о высшихъ, духовныхъ потребностяхъ человѣка. Правда, идея безсмертія человѣка не была чужда нашимъ предкамъ,—они надѣялись жить и по смерти; но представленія ихъ о загробной жизни были темны, мрачны и во всякомъ случаѣ не могли возвысить ихъ до пониманія нравственныхъ обязанностей человѣка. По ихъ вѣрованію, душа человѣка, по смерти, оставалась здѣсь же, на землѣ; она не лишена была потребности въ пищѣ и питьи, почему у изголовья покойника ставили воду, медъ и т. п.; во время помина, или тризны, ставили особыя блюда для покойника; въ брачныхъ и другихъ

(15) Богоявленское купанье не составляетъ рѣдкости и для жителей г. Орла.

пиршествахъ приглашались къ веселью и души умершихъ родственниковъ; на ихъ долю выбрасывались блины за окно (16). Души покойниковъ не теряли прежнихъ отношеній къ своимъ родственникамъ: онѣ сочувствовали ихъ радостямъ, сострадали горю, иногда помогали имъ въ разныхъ бѣдахъ и напастяхъ; онѣ сами были неравнодушны къ атмосферическимъ явленіямъ, т. е., къ теплу и холоду; почему у нашихъ языческихъ предковъ существовалъ обрядъ такъ—называемаго «обогрѣванія покойниковъ». Остатки этого языческаго обряда сохранялись въ быту мѣстнаго нашего простонародія почти до послѣдняго времени. Обыкновенно, въ день Рождества Христова, а также на Новый годъ и въ праздникъ Крещенія, хозяинъ дома бралъ новый горшокъ съ огнемъ и кулъ соломы; выходя изъ хаты, онъ прощался съ домашними и отправлялся на огородъ; здѣсь, ставши лицомъ къ востоку, онъ полагалъ три поклона, зажигалъ солому, бросалъ въ огонь ладонъ и приговаривалъ: «ты святой ладонокъ и сѣренькій дымокъ,—несись на небо, гдѣ живутъ наши родители, поклонись имъ отъ насъ и повѣдай, какъ мы всѣ здѣсь поживаемъ» (17).

Поселившись въ странѣ лѣсной и дикой, наши предки, особенно вначалѣ, ничѣмъ не отличались отъ дикарей. Первый русскій лѣтописецъ, преподобный

(16) Обыкновенно, это былъ первый блинъ, котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и доселѣ не ѣдятъ въ простонародіи.

(17) Душу умершаго человѣка наши предки представляли въ матеріальномъ видѣ,—то подъ образомъ огня и дыма, то подъ видомъ летающей бабочки. И теперь еще, если бабочка, въ лѣтнюю пору, залетаетъ въ хижину простолюдина, а дѣти бросаются за нею въ погоню, мать часто останавливаетъ ихъ, говоря: „не троньте, дѣти! пусть она летаетъ себѣ; кто знаетъ, можетъ стать, это душечка вашего дѣдушки или бабушки—захотѣла провѣдать родное свое гнѣздышко да и на васъ полюбоваться“.

Несторъ, такъ отзывается объ ихъ образѣ жизни: «они живутъ въ лѣсахъ, какъ всякій звѣрь, и ѣдятъ все нечистое». Главное занятіе ихъ состояло первоначально въ охотѣ за горностаями, бѣлками, бобрами, лисицами и другими звѣрями, которыми тогда были богаты наши первобытные лѣса; мясо дикихъ звѣрей служило имъ пищею, а кожи—одеждою. Такимъ образомъ пушной промыселъ удовлетворялъ ихъ первымъ потребностямъ въ жизни и составлялъ ихъ главное богатство. Потому-то, когда наши предки принуждены были признать надъ собою власть Козаръ, они, за неимѣніемъ у себя денегъ, платили дань мѣхами «по бѣлкѣ и горностаю отъ жилаго дома» (18). Впослѣдствіи, когда они успѣли уже прочно утвердиться на своемъ мѣстѣ, расчистили лѣса, обзавелись пашнями и стали сбывать свои произведенія другимъ племенамъ и народамъ,— у нихъ явились деньги; почему и дань ихъ Козарамъ была замѣнена на «шеляги отъ рала», т. е. «съсохи» (19).

О семейномъ началѣ нашихъ предковъ лѣтописецъ говоритъ: «браки не бываютъ въ нихъ; а сходятся между селами на игрища и на плясанія и на всякія бѣсовскія пѣсни, и тутъ умыкають себѣ женъ,

(18) Лѣтописецъ въ первый разъ упоминаетъ о дани Вятичей и Сѣверянъ Козарамъ подъ 859 годомъ; но самое покореніе ихъ Козарами послѣдовало раньше этого времени.

(19) Первое извѣстіе о существованіи денегъ у Вятичей встрѣчается въ лѣтописи подъ 964 годомъ. Извѣстная въ нашемъ простонародіи поговорка: „У него денегъ—какъ у Грека“, т. е. много,—показываетъ, что монета впервые проникла къ намъ изъ Греціи. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы наши предки уже въ то время вели торговлю съ Византійскою имперіей; греческая монета могла переходить къ нимъ отъ Козаръ, находившихся въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Константинополемъ еще со временъ императора Гераклія (660—641).

съ какою кто совѣщался прежде; имѣли же они и по двѣ и по три жены; и срамословіе въ нихъ предъ отцы и снохами». Нѣтъ сомнѣнія, что умыканіе или похищеніе женъ во время игръ существовало у нашихъ предковъ какъ обрядъ, унаслѣдованный отъ глубокой старины и не возбуждавшій враждебныхъ столкновеній между родами. Обычай многоженства показываетъ, что женщина не пользовалась у нашихъ предковъ особеннымъ уваженіемъ и правами въ семейномъ быту; надъ нею тяготѣлъ не только обычный деспотизмъ мужа, но и животный произволъ старшаго въ семействѣ—свекра, что лѣтописецъ, по скромности, называетъ «срамословіемъ» (20). Если женщина въ средѣ простонародія и доселѣ не пользуется собственными ей правами—жены и матери, если она осуждена на деспотическое обращеніе съ нею мужа и свекра, то въ этомъ виновна не одна грубость нашихъ простолюдиновъ, но и сложившійся отъ временъ язычества взглядъ на женщину, какъ безправную работницу семьи своего мужа. Какъ живучи въ быту мѣстнаго нашего населенія преданія темной старины, идущія отъ временъ умыканія,—это довольно наглядно показываютъ свадебные обряды и обычаи, состоящіе въ продажѣ дѣвичьей косы, въ окупѣ женихомъ невесты предъ ея братомъ или другимъ родственникомъ, въ различныхъ при этомъ подаркахъ и т. под.

Обрядъ погребенія у древнихъ обитателей Орловскаго края состоялъ въ слѣдующемъ: когда кто изъ нихъ умиралъ, то прахъ его не зарывали въ землю, а сожигали; обыкновенно, для этого устраивали большой костеръ (кладу велику), клали на этотъ костеръ

(20) Христіанство облагородило отношенія старшихъ въ родѣ къ женщинамъ; но слово „снохачъ“, какъ бранное, живетъ еще въ устахъ народа.

мертвое тѣло и поджигали его со всѣхъ четырехъ сторонъ; чѣмъ скорѣе, при помощи вѣтра, воспламенялся костеръ и истреблялъ останки мертвеца, тѣмъ это пріятнѣе было для родственниковъ и друзей умершаго: это считалось явнымъ благоволеніемъ къ нему боговъ... Когда пламя унималось и костеръ погасалъ, тогда принимались разыскивать кости покойнаго, тщательно собирали ихъ въ особые глиняные сосуды (урны) и эти сосуды ставили на столбахъ у того мѣста, гдѣ сходилась нѣсколько дорогъ вмѣстѣ (на перекресткахъ). Въ заключеніе всего, надъ покойникомъ устраивали тризну, т. е. поминки, состоявшія въ угощеніяхъ и пѣсняхъ. Оттого перекрестки дорогъ (или распутья) имѣютъ для нашего простонародія характеръ чего-то темнаго и таинственнаго; тутъ суевѣрамъ являются привидѣнія, приключается порча, происходитъ несчастье... Нѣкоторые полагаютъ, что обычай выставлять прахъ мертвецовъ на виду у всѣхъ имѣлъ то значеніе, чтобы этими знаками человѣческой тлѣнности пріучить живыхъ сродниться съ мыслию о смерти и быть безстрашными въ виду самой смерти (21).

Жизнь среди дремучихъ лѣсовъ, борьба съ дикими звѣрями и долговременная отчужденность отъ сообщенія съ сосѣдями были причиною того, что наши предки развили въ себѣ большую физическую силу, сдѣлались безстрашными и храбрыми. Между прочимъ они яснѣе всего доказали свою храбрость въ борьбѣ съ Русскими князьями. Тогда какъ прочія славянскія племена еще при Олегѣ вошли въ составъ Русской

(21) Историкъ Карамзинъ говоритъ: „сей обрядъ изъявляетъ воинственный духъ народа, который праздновалъ смерть, чтобы не страшиться ее въ битвахъ, и печальными урнами окружалъ дороги, чтобы пріучить глаза и мысли свои къ симъ знакамъ человѣческой тлѣнности“.

державы и почти безропотно подчинились своимъ завоевателямъ, Вятичи потребовали отъ нихъ для своего покоренія многихъ походовъ и побѣдъ, и только тогда смирились предъ ихъ властью, когда въ своей землѣ увидѣли крѣпкіе города, снабженные княжескими гарнизонами. Такъ первый проникъ въ землю Вятичей Святославъ Игоревичъ; онъ побѣдилъ ихъ и наложилъ дань по шелягу съ сохи; но едва онъ вышелъ изъ ихъ предѣловъ, какъ Вятичи отказались уже отъ покорности. Потребовался новый походъ на нихъ со стороны Русскаго князя. Скоро потомъ Святославъ ушелъ въ южную Болгарію, и Вятичи отложились отъ Русской зависимости. Утвердившись на княжескомъ престолѣ, Св. Владиміръ своимъ походомъ и побѣдами заставилъ смириться Вятичей, но не надолго: «они заратились» снова и отказались отъ дани въ Кіевъ.

Не разъ испытывъ на себѣ силу Русскаго оружія, наши предки задумали теперь подкрѣпить себя союзомъ съ степнымъ народомъ—Печенѣгами, которые, живя по сосѣдству съ ними, находились въ постоянной войнѣ съ Владиміромъ. Предпріятіе ихъ не удалось,—они были снова побѣждены и обложены болѣею данью; тѣмъ не менѣе и послѣ этого они не утратили еще самоуправленія и внутренней независимости: платя дань въ Кіевъ, они продолжали имѣть своихъ собственныхъ князей. Эти послѣдніе не разъ еще поднимали оружіе противъ своихъ властителей и требовали усмирения ⁽²²⁾. Такъ было до конца XI вѣка. Земля Вятичей считалась поэтому какою-то заповѣдною страной, въ которую боялись проникать

⁽²²⁾ Владиміръ Мономахъ говоритъ въ своемъ поученіи: „Въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимы на Ходату и на сына его и по Корьдну“ (Лавр. 103).

Русскіе князья съ своею дружиною; даже такіе князья, какъ Владиміръ Мономахъ, считали за подвигъ для себя «пройти сквозѣ Вятичъ».

Область Оки произвела на свѣтъ не одного богатыря. Отсюда былъ родомъ сказочный Илья Муромецъ, который «однимъ духомъ выпивалъ чару зелена—вина въ полтора ведра,» вырывалъ деревья съ корнемъ изъ земли и въ битвѣ съ непріятелями—схватитъ бывало татарина за ноги и начинаетъ имъ помахивать: куда махнетъ, тутъ улицы лежатъ, куда отвернетъ—съ переулками.... На пути въ Кіевъ Илья встрѣтился съ другимъ богатыремъ, Зюзею, который одинъ бичевою ташилъ барку по Окѣ. Послѣдній не зналъ дотолѣ себѣ соперника и потому грозно закричалъ Ильѣ: «прочь съ дороги!» «Самъ съ дороги!» отвѣчалъ ему Илья. Тогда Зюзя бросаетъ барку и идетъ прямо къ Ильѣ, чтобы дать ему почувствовать своей богатырской силы. Но Илья схватываетъ Зюзю и бросаетъ вверхъ. Тутъ Зюзя увидѣлъ, что есть богатыри постарше его, и во время полета своего успѣлъ сто разъ проговорить: «виноватъ! впередъ не буду». Великодушный побѣдитель подхватилъ Зюзю на руки и поставилъ на землю. Въ Орловской губерніи сохраняется преданіе, что извѣстный въ русскихъ сказкахъ Соловей—разбойникъ имѣлъ свое логовище въ темныхъ Карачевскихъ лѣсахъ; онъ жилъ на девяти сросшихся дубахъ (23) и убивалъ своимъ посвистомъ всякого, кто еще издали осмѣливался приближаться къ нему. Этотъ разбойникъ былъ истребленъ Ильею Муромцемъ.

(23) Мѣстопребываніе Соловья—разбойника пріурочивается, по этому преданію, къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ теперь село Десятидубы, въ 12-ти верстахъ отъ города Карачева; вообще же эти лѣса называются Брянскими.

Такъ бѣдна и жалка была жизнь нашихъ предковъ, пока они оставались подъ мракомъ язычества. Для нихъ существовалъ одинъ лишь внѣшній міръ радостей—матеріальнаго довольства и тѣлесныхъ ощущеній, но и въ этомъ отношеніи они были подавлены тяжелымъ трудомъ, опасною борьбою съ дикими звѣрями, отстаивавшими свои логовища среди заповѣдныхъ лѣсовъ, и съ враждебными сосѣдями, силившимися наложить на нихъ печать рабства. Самый міръ семейныхъ радостей стѣснялся многоженствомъ, естественною ревностью и взаимнымъ недоувѣріемъ матерей семейства, животнымъ произволомъ свекра и отсутствіемъ нѣжныхъ чувствъ въ средѣ самыхъ дѣтей. Конечно, тотъ, кто живетъ чувственнымъ міромъ, не считаетъ еще себя по одному этому несчастнымъ; такой человѣкъ и не подозреваетъ, что кромѣ чувственнаго міра есть еще для него міръ другой—высшій, духовный, откуда истекаетъ истинное счастье и возможное для ограниченнаго существа блаженство на землѣ. За то такому человѣку начинаютъ сочувствовать другіе,—тѣ, кого коснулся уже лучъ изъ духовнаго міра, чье сердце согрѣлъ этотъ лучъ своею живительною теплотою и подарилъ его тою небесною любовію, которая для блага ближняго готова жертвовать всѣмъ и самую жизнь. Этому-то сочувствію, этой любви наши предки были обязаны тѣмъ, что и среди ихъ раздался наконецъ голосъ евангельскаго благовѣстія, призывавшій ихъ къ новой жизни въ духѣ святой вѣры, отрадной надежды и всеобъемлющей любви,—той высокой любви, которая можетъ усладить всякую горечь на землѣ.

Послѣ крещенія св. Владиміра, въ 988 г., язычество, въ которое дотолѣ погружены были всѣ пле-

мена и народы Русскаго государства, должно было уступить свое мѣсто животворному свѣту вѣры Христовой. Христіанство быстро распространялось въ Россіи; еще при жизни равноапостольнаго Владиміра, въ ней основано было до 7-ми епархій съ Кіевскою митрополіей во главѣ. Но въ то время, какъ въ области Днѣпра процвѣтала христіанская вѣра и благочестіе, у береговъ Оки царила глубокая, непроглядная тьма язычества, и отрадные лучи свѣта евангельскаго долго еще не доходили до обитателей Орловскаго края. Преподобный Несторъ, описывая языческіе нравы и обычаи Вятичей, замѣчаетъ, что они оставались вѣрными своему быту даже въ его время, т. е., въ концѣ XI и началѣ XII вѣка; почему онъ называетъ ихъ наравнѣ со всѣми язычниками «погаными, невѣдущими закона Божія, но творящими себѣ законъ» (24).

Много было причинъ, по которымъ обитателямъ Орловскаго края суждено было позже другихъ славянскихъ племенъ услышать и принять спасительную проповѣдь о христіанствѣ.

Прежде всего, въ объясненіе этого историческаго явленія, слѣдуетъ указать на дикость и грубость Вятичей. Мы видѣли, какъ жалокъ и низокъ былъ уровень ихъ внутренней, психической жизни... А кто живетъ чувственно и всецѣло погруженъ въ матеріальные интересы; тотъ не постигаетъ красоту міра нравственнаго и не можетъ плѣняться ими, какъ высшими мотивами человѣческой жизни и дѣятельности. Въ комъ неудержимо кипятъ страсти, преобладаютъ животные инстинкты; тому не сродны смиреніе, терпѣніе, кротость и другія добродѣтели, внушаемая и поддерживаемая христіанствомъ. Кто ходитъ во тьмѣ, сроднился съ

(24) Библіотека Россійская Историческая, ч. 1, стр. 12.

нею и водится лишь злобою дня; тотъ, естественно, самъ сторонится отъ свѣта, намѣренно закрываетъ себѣ глаза, чтобы не придти къ самосознанію и какимъ — либо образомъ не разсѣять той нравственной мглы, съ которою онъ сжился всѣмъ существомъ своимъ и которая такъ льститъ *ветхому человеку*. Одинъ древній учитель церкви замѣтилъ, что душа человѣка есть по природѣ христіанка (25). И дѣйствительно, нѣтъ религіи, которая была бы такъ родственна человѣку, какъ христіанство; оно указываетъ тотъ самый идеалъ, который предначертанъ Творцемъ въ глубинѣ духа человѣческаго. Но теперь, когда человѣкъ палъ и помрачилъ первозданную свою красоту, этотъ самый идеалъ сдѣлался для него какъ бы чѣмъ-то внѣшнимъ, стоящимъ отъ него въ сторонѣ; для того, чтобы сдѣлать поворотъ отъ чувственнаго къ духовному, перейти отъ язычества къ христіанству, — нужна извѣстная нравственная подготовка, самособранность и крѣпость воли, необходима предваряющая благодать. Безъ этихъ условій проповѣдь евангельская не принесетъ спасительнаго плода; слово ея разсѣется въ воздухѣ и замретъ на устахъ проповѣдника, какъ замираетъ безплодно всякое сѣмя, если оно падаетъ на невоздѣланную и каменистую почву. Такъ, въ то время, когда жилъ и дѣйствовалъ просвѣтитель Россіи — св. Владиміръ, наши предки не были еще готовы къ принятію и усвоенію евангельскаго ученія; да они не могли тогда и услышать его какъ по географическимъ, такъ и политическимъ условіямъ своего быта.

Въ дѣлѣ распространенія христіанства въ нашемъ отечествѣ, равно какъ и при утвержденіи Русскаго владычества, большое значеніе имѣли географическія

(25). Тертуліанъ въ книгѣ о свидѣтельствѣ души.

условія. Тѣ изъ славянскихъ племенъ, которыя жили «у великаго воднаго пути» ⁽²⁶⁾, сближавшаго ихъ между собою и знакомившаго съ просвѣщенной Византіей, скорѣе другихъ вошли въ составъ Русскаго государства и первыя озарились свѣтомъ евангельскаго ученія. Недостатокъ внутренней, самодѣтельной подготовки къ переходу отъ язычества къ христіанству восполнялся для нихъ, въ извѣстной мѣрѣ, внѣшнимъ знакомствомъ, нагляднымъ примѣромъ, простымъ слухомъ и другими случайными обстоятельствами, которыя промыслъ Божій обращаетъ къ спасенію людей. И вотъ мы знаемъ, что въ Кіевѣ были христіане еще до крещенія равноапостольной Ольги, бабки св. Владиміра. Не въ такихъ условіяхъ находились обитатели Орловскаго края. Они жили въ сторонѣ отъ этого пути, посреди дремучихъ лѣсовъ, непроходимыхъ топей и болотъ, въ сосѣдствѣ съ Финнами, Козарами и Печенѣгами, которые стояли къ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ и, во всякомъ случаѣ, не могли служить для нихъ хотя бы косвенными проводниками христіанства. Россія ждала себѣ просвѣщенія съ юга, со стороны православнаго Царь-града; а географическія условія ставили нашихъ предковъ лицомъ то къ мрачному сѣверу, гдѣ они должны были завоевывать у Финновъ мѣсто для своихъ поселеній, то къ варварскому востоку, который готовился сдѣлать ихъ своими данниками. Вятичи первые изъ южно-русскихъ славянъ должны были признать надъ собою власть Козаръ и послѣдними вышли изъ—подъ ихъ зависимости. Козарское владычество тяготѣло надъ ними болѣе вѣка. А жизнь въ кругу враждебныхъ сосѣдей, чуждыхъ

⁽²⁶⁾ Такъ называется водной путь изъ Балтійскаго въ Черное море—посредствомъ р. Невы, Ладожскаго озера, р. Волхова, оз. Ильменя, р. Ловати и наконецъ Днѣпра.

имъ по языку, нравамъ и обычаямъ, при полномъ разобщеніи съ единоплеменниками, группировавшимися у Днѣпровскаго бассейна, развивала въ Вятичахъ исключительную самозамкнутость, строгій племенной сепаратизмъ и слѣпую преданность своимъ началамъ. Вотъ почему, когда, подъ грозными ударами Святослава Игоревича, сокрушилось могущество Козаръ и пало ихъ царство, наши предки съ такою энергіею принялись защищать свою свободу отъ Русскихъ князей, и послѣ, когда они принуждены были уступить силѣ русскаго меча, такъ долго и упорно отстаивали еще свой языческой бытъ и свои преданія.

Покореніе Вятичей Русскими князьями, начатое Святославомъ Игоревичемъ, установлено было при св. Владимірѣ. Съ этого времени земля Вятичей считается уже въ чертѣ Русскаго государства; тѣмъ не менѣе, при св. Владимірѣ, она не входила еще надлежащимъ образомъ въ составъ этого государства. Владиміръ смирилъ мятежный духъ Вятичей и заставилъ ихъ платить дань въ Кіевъ, но не покорилъ ихъ окончательно, т. е., не лишилъ ихъ самоуправленія и внутренней независимости; у нихъ оставались свои правители, свой судъ и свои князья; словомъ, во внутреннемъ быту Вятичей не произошло никакой перемѣны и все шло такъ же, какъ было до Святослава и Владиміра, при господствѣ надъ ними Козаръ. Св. Владиміръ, какъ извѣстно, дѣятельно занимался устройствомъ своего государства и укрѣпленіемъ его границъ; однако онъ не нашелъ еще возможнымъ строить города въ землѣ Вятичей и не имѣлъ здѣсь ни одного опорнаго пункта для своей власти. Вятичи держались русской зависимости только потому, что не надѣялись на свои силы и боялись новыхъ походовъ со стороны Кіевскаго князя. Что земля Вятичей считалась при св.

Владимірѣ не болѣе, какъ данницею Русскаго государства, видно и изъ того, что предъ своею смертию онъ не назначилъ сюда ни одного изъ своихъ сыновей на княженіе. Понятно, что при такихъ условіяхъ политической жизни Вятичей, ни самъ Владимірѣ, ни духовная власть не могли направить христіанской миссіи къ берегамъ Оки; это значило бы предать мирныхъ проповѣдниковъ въ руки грубыхъ язычниковъ, безъ надежды на обращеніе послѣднихъ; къ тому же, столь отдаленная миссія была и не по средствамъ для юной Русской церкви, у которой много было дѣла вблизи самага Кіева. Не благопріятствовали успѣхамъ христіанства среди Вятичей и послѣдующія обстоятельства, наставшія на Руси по смерти св. Владиміра.

Какъ при св. Владимірѣ, такъ и послѣ него, Вятичи долго еще сомнѣвались въ прочности русскихъ узъ, создавшихъ наше государство, и сторожили удобнаго случая для сверженія даннической зависимости. Они съ злорадствомъ смотрѣли на то, какъ это государство, не окрѣпшее въ организмѣ, теряло свои силы во внутреннихъ междоусобіяхъ потомковъ св. Владиміра,—какъ совнѣ, на югѣ Россіи, скоплялись многочисленныя орды хищныхъ кочевниковъ, объявившихъ смертельную вражду всему русскому и грозившихъ разореніемъ самому Кіеву, этому центру нашей государственной жизни, и какъ, наконецъ, сами Русскіе князья стали дружить съ степными варварами, чтобы сообща губить Русскую землю. Все это позволяло Вятичамъ время—отъ—времени забывать о своей зависимости и не платить дани. Едва Ярославъ Владиміровичъ, по выраженію лѣтописца, «отеръ потъ съ лица своего», послѣ трудной борьбы съ Святополкомъ окаяннымъ, какъ принужденъ былъ съ бою

уступить половину Русскаго государства брату своему, Мстиславу Тмутараканскому (1026 г.); это была вся лѣвая сторона Днѣпра, къ которой относилась и земля Вятичей. Въ короткое свое княженіе въ Черниговѣ (— 1036), Мстиславъ не успѣлъ ничего сдѣлать для усиленія своей власти въ землѣ Вятичей. Ярославъ мудрый, возстановившій по смерти Мстислава единоедержавіе, продолжалъ владѣть этою землею издалека, довольствуясь съ нея одною данью и предоставляя ей полное самоуправленіе, какъ было прежде. Въ 1054 году Ярославъ раздѣлилъ Русскую землю между пятью своими сыновьями и такимъ образомъ узаконилъ въ ней удѣльно—вѣчевой порядокъ. Земля Вятичей, по этому раздѣлу, опять вошла въ составъ Черниговскаго княжества, доставшагося второму изъ сыновей Ярослава, Святославу. Теперь, съ приближеніемъ главнаго центра, къ которому должны были тяготѣть своею зависимостью Вятичи, можно было надѣяться, что Черниговскіе владѣтели приберутъ ихъ къ своимъ рукамъ и проложатъ пути къ водворенію между ними самага христіанства; но эти надежды парализовались смутами въ семьѣ Ярославичей. Возникшія тогда на Руси междоусобія доставили Святославу Ярославичу возможность, еще при жизни старшаго своего брата, занять велико-княжескій престолъ. Святославъ скоро умеръ въ Кіевѣ, а дѣти его были объявлены *изгоями* и лишились даже наслѣдственной своей волости. Земля Вятичей перешла въ другія руки; покорность ея ослабѣла; новымъ владѣтелямъ пришлось опять бороться съ Вятичами изъ—за дани и брать ее только съ помощью оружія. Къ этому—то времени относятся походы воинственнаго Владиміра Мономаха противъ Вятичей «на Ходату и на сына его и по Корьдну.» Въ такихъ политическихъ условіяхъ находились обитатели

нашей Оки до съѣзда князей въ Любечѣ, происшедшаго въ 1097 году. До этого времени земля Вятичей не поступала еще въ составъ какой—либо епархіи, и потому некому было заботиться о насажденіи въ ней христіанства.

На съѣздѣ въ Любечѣ, который устроенъ былъ для прекращенія княжескихъ междоусобій, Святославичамъ возвращена была наслѣдственная ихъ волость—Черниговское княжество. Это обстоятельство имѣло важное значеніе въ судьбѣ Вятичей и въ частности—обитателей Орловскаго края. Первымъ дѣломъ Святославичей былъ дѣлежъ между собою обширной Черниговской волости, при чемъ земля Вятичей распалась на части и навсегда утратила уже свою цѣльность. Разъединенные въ силахъ, Вятичи не могли болѣе отстаивать своей независимости. Лѣсная и почти недоступная дотолѣ страна ихъ покрылась множествомъ городовъ, служившихъ не только опорными пунктами для Русской власти, но и проводниками для самаго христіанства. У Вятичей не стало теперь своихъ князей; мѣсто ихъ заняли Русскіе князья и ихъ посадники; вездѣ начали водворяться русскіе порядки; скоро утратилось самое названіе Вятичей, и они слились въ одну великую русскую семью.

Послѣ Любецкаго съѣзда Орловскій край вошелъ въ составъ двухъ удѣловъ Черниговской волости—Сѣверскаго и Рязанскаго; къ первому отошли земли, лежащія по Деснѣ и Окѣ, а къ второму—все теченіе р. Сосны. Основателемъ Сѣверскаго княжества былъ Олегъ Святославичъ, прозванный за свои несчастія Гориславичемъ, а Рязанскаго—Ярославъ, младшій изъ сыновей Святослава; на долю этихъ—то князей выпала первая забота объ устройствѣ нашего края и полномъ подчиненіи обитателей его Русскому влады-

честву. И вотъ, уже въ первой половинѣ XII вѣка, мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлую сѣть городовъ, изъ которыхъ одни дѣлаются даже резиденціями князей, а другіе получаютъ отъ нихъ намѣстниковъ или посадниковъ. Теперь Орловскій край поступилъ въ вѣдѣніе Черниговской каѳедры, которая, при поддержкѣ свѣтской власти, могла уже взять на себя великое дѣло распространенія и утвержденія христіанства среди Вятичей. Такъ созидались пути, которыми промысль Божій велъ нашихъ предковъ отъ язычества къ христіанству.

Послѣ того, какъ Вятичи лишились самоуправленія и надъ ними утвердилась Русская власть, Черниговскимъ архипастырямъ представилось уже широкое поле для просвѣтительной дѣятельности. Но средства Черниговской каѳедры были недостаточны для того, чтобы разсѣять сплошную мглу язычества въ огромной странѣ Вятичей. Жатва предстояла многая, а дѣлателей было мало. Въ Черниговской епархіи не находилось лицъ, которыя рѣшились бы взять на себя проповѣдь въ землѣ Вятичей и подготовить ихъ къ принятію евангельской истины. И нельзя удивляться этому. Если гдѣ, то особенно въ Черниговѣ хорошо извѣстны были Вятичи. Здѣсь знали, какъ они были своенравны и грубы,—какъ долго и упорно сопротивлялись Русской власти,—сколько разъ ратились и клялись въ вѣчной, нерушимой покорности Русскимъ князьямъ и потомъ, при удобномъ случаѣ, отрекались отъ клятвы и брались за оружіе. Не оставалось для Чернигова тайною и то, что потеря политической независимости не примирила еще Вятичей съ побѣдителями, что они по прежнему враждовали противъ всего русскаго и въ особенности чуждались христіан-

ства, которое должно было переменить ихъ вѣру, изменить семейный бытъ, уничтожить излюбленные обычаи языческой старины и сдѣлать ихъ самихъ исполнѣ русскими. Дѣло христіанской миссіи среди язычниковъ во всѣ времена принималось и будетъ приниматься людьми не безъ нѣкотораго призванія свыше; особенно же нуждался въ такомъ призваніи тотъ, кто отважился бы на первую борьбу съ упорнымъ язычествомъ Вятичей. Идти къ нимъ на проповѣдь—значило нести имъ войну и притомъ болѣе трудную и опасную, чѣмъ та, какую вели съ ними Русскіе князья, начиная съ вѣщаго Олега и кончая храбрымъ Владиміромъ Мономахомъ (27). Говоря такъ, мы не преувеличиваемъ дѣла. При князьяхъ всегда находилось войско; за ними безотлучно на войнѣ слѣдовала вѣрная дружина. Она готова была раздѣлить съ ними жизнь и смерть,—готова для спасенія ихъ броситься въ огонь и въ воду. А у христіанскаго проповѣдника одно оружіе въ борьбѣ съ невѣрными: это святыи крестъ, который враги Христовы вмѣняютъ себѣ ни во что, да чистая безкорыстная любовь, которой закоренѣлые язычники не цѣнятъ и не уважаютъ, потому что сами не имѣютъ ее въ своемъ омраченномъ и одebelломъ сердцѣ. Съ такимъ оружіемъ всякій, кто рѣшился бы взять на себя дѣло христіанской миссіи въ землѣ Вятичей, долженъ напередъ отречься отъ всего земнаго и предаться одному небесному, приготовить себя на всѣ роды мученій и съ радостью встрѣтить самую смерть за имя Христово. Вотъ какія

(27) Авторъ Исторіи Русской Церкви Е. Голубинскій замѣчаетъ, что Вятичи—эти древніе Поляки въ землѣ Русской (т. е. выходцы изъ Польши) потребовали отъ Русскихъ князей не меньшихъ усилій для покоренія ихъ, какъ и современные намъ Поляки. См. Томъ 1, пер. 1, 1880 г., на стр. 180.

качества требовались отъ проповѣдника въ странѣ нашихъ предковъ! Потому-то послѣ Любецкаго съѣзда, когда могла и должна была начаться здѣсь просвѣтительная дѣятельность Черниговскихъ архипастырей, проходили годы за годами, а такой проповѣдникъ, съ истинно—апостольскимъ самоотверженіемъ и безстрашіемъ, не являлся среди Вятичей, и они, по свидѣтельству преподобнаго Нестора, все еще оставались въ невѣдѣніи истиннаго Бога.

Впрочемъ, теперь недалеко было уже то время, когда и надъ мрачнымъ горизонтомъ Вятичей должна была взойти отрадная заря евангельскаго свѣта, когда и въ этой, по выраженію лѣтописцевъ, «искони погибельной странѣ» имѣлъ раздаться громкій голосъ христіанскаго проповѣдника, призывающій всѣхъ къ познанію живота вѣчнаго, и начаться день великаго возрожденія и спасенія. Ту зарю свѣта несъ съ собою дивный проповѣдникъ и чудотворецъ; тотъ спасительный голосъ былъ Св. Кукши; этотъ день спасенія предуготованъ самымъ Провидѣніемъ. Недостатокъ человѣческихъ средствъ къ спасенію Вятичей восполненъ былъ непосредственнымъ дѣйствіемъ всесильнаго Промысла, который воздвигъ для нихъ чрезвычайнаго провозвѣстника истины и располагалъ человѣческія обстоятельства такъ, чтобы все клонилось къ скорѣйшему введенію заблудшихъ во дворъ Христовъ. «Идѣ же умножися грѣхъ, ту избыточествова и благодать» (28).

Съ половины XI вѣка существовала въ Кіевѣ Печерская обитель. Она служила для юной Русской церкви питомникомъ вѣры и благочестія, разсадникомъ богомудрыхъ пастырей и учителей и тѣмъ бла-

(28) Посланіе къ Римлянамъ, гл. V, ст. 20.

годатно—зеленѣющимъ садомъ, подъ сѣнію котораго спѣшили укрыться всѣ, желавшіе еще на землѣ вести равно-ангельскую жизнь. «Иноки ея,—говоритъ преподобный Несторъ,—какъ свѣтила сіяли на Руси». Въ этомъ—то прекрасномъ саду Божіемъ, въ сообществѣ съ великими подвижниками, сіявшими святостью и чудотвореніями, получилъ свое воспитаніе о Христѣ и просвѣтитель Вятичей—Св. Кукша. При немъ Печерская обитель переживала лучшіе свои дни, цвѣтущую пору, когда свѣтлый образъ основателей ея, преподобныхъ Антонія и Θεодосія, былъ еще на виду у многихъ ея отцевъ, а высокіе, равно-ангельскіе подвиги ихъ служили живымъ примѣромъ для общаго подражанія. «Одни изъ иноковъ ея были крѣпкіе постники, другіе подвизались въ бдѣніи, иные на земныхъ поклонахъ... И жили всѣ въ постоянной любви. Меньшіе покорялись старшимъ и не смѣли говорить передъ ними; но все дѣлали съ покорностью и великимъ послушаніемъ. Также и старшіе имѣли любовь къ меньшимъ, научали и утѣшали, какъ дѣтей возлюбленныхъ. Если братъ впадалъ въ какое—либо прегрѣшеніе, другіе утѣшали его, и по великой любви своей епитимію раздѣляли трое, или четверо. Такова-то,—восклицаетъ преподобный лѣтописецъ,—была любовь между (Печерскою) братією (29)!» Среди такогото сонма праведниковъ проводилъ жизнь свою блаженный Кукша, подвизаясь въ непрестанной молитвѣ, постѣ и бдѣніи, пока не воспиталъ въ себѣ той великой ревности о славѣ имени Божія, которая сдѣлала потомъ тѣсною для него самую обитель и указала ему болѣе широкой путь для дѣятельности. Жизнь

(29) „Сказаніе преподобнаго Нестора о святыхъ первыхъ черноризцахъ Печерскихъ“. Печерскій Патерикъ въ русскомъ переводѣ М. Викторовой, стр. 10 и 11.

этого ревнителя вѣры извѣстна только по отношенію къ апостольскимъ его подвигамъ между Вятичами; а то, откуда онъ былъ родомъ, чей сынъ, когда и по какому случаю оставилъ міръ и вступилъ въ святую Печерскую обитель, отъ кого и когда получилъ священно-иноческій санъ,—все это и многое другое, на что такъ естественно напрашивается благоговѣйная любознательность, остается для насъ тайною, такъ какъ никто еще не приподнялъ историческаго покрывала, скрывающаго отъ насъ чудный ликъ этого Угодника Божія... А быть можетъ, такія свѣдѣнія сокрыты отъ насъ и не безъ особенныхъ видовъ и цѣлей божественнаго Провидѣнія... Потому, въ благоговѣйномъ вниманіи къ великой личности просвѣтителя нашего края, остановимся нашими соображеніями на тѣхъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ могла явиться и окрѣпнуть рѣшимость блаженнаго Кукши—оставить Печерскую обитель и, подъ знаменемъ имени Христова, слѣдовать въ далекую и опасную страну Вятичей.

Что Вятичи обязаны были своимъ просвѣщеніемъ преподобному Кукшѣ,—это историческій фактъ, котораго никто и никогда еще не подвергалъ сомнѣнію. Но если будемъ смотрѣть на проповѣдь Св. Кукши только какъ на личный его подвигъ, безъ всякаго отношенія къ нему другихъ вспомогательныхъ силъ и средствъ церкви и государства, то мы не поймемъ и не оцѣнимъ надлежащимъ образомъ заслугъ нашего просвѣтителя. Въ самомъ дѣлѣ, могла ли проповѣдь одного человѣка, хотя и облеченнаго силою чудотвореній, при несомнѣнной строптивости и слѣпой преданности Вятичей своимъ началамъ, сопровождаться тѣми практически-благодѣтельными послѣдствіями въ огромной странѣ язычества, которыя всегда признавались за нею и предъ которыми благоговѣли совре-

менники Св. Кукши! По нашему мнѣнію, это была, давно желанная, духовная миссія, въ которой, подъ настоятельствомъ преподобнаго Кукши, во славу имени Христова, соединились высшія дарованія и духовныя богатства Кіево-печерской лавры съ лучшими силами Черниговской епархіи, при живомъ сочувствіи и видимомъ содѣйствіи имъ со стороны свѣтской власти. Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ приходимъ мы къ такому именно взгляду на дѣло проповѣди Св. Кукши въ землѣ Вятичей.

Какъ нужды дѣтей открыты сердцу матери, такъ и многовѣковое ослѣпленіе Вятичей не было сокрыто отъ боголюбивой, святой Печерской обители. Къ нему не безъ участія относился уже преподобный Несторъ, когда описывалъ мрачные языческіе нравы Вятичей, возмущался нѣкоторыми гнусными ихъ обычаями (30) и добавлялъ, что «все это дѣлаютъ они и до настоящаго дня, оставаясь не вѣдущими закона Божія и творящими себѣ законъ». Объ этомъ не могли не скорбѣть и всѣ сподвижники преподобнаго Нестора, душа которыхъ пылала любовію къ Богу и ближнему. Между тѣмъ въ Печерскую обитель вступилъ еще одинъ инокъ, которому духовныя немощи Вятичей особенно были извѣстны и близки. Это былъ «блаженный и благовѣрный князь Черниговскій Святоша, въ иночествѣ Николай, сынъ Давида и внукъ Святослава. «И помыслилъ онъ, какъ все въ этой суетной жизни обманчиво, и что все земное протекаетъ, мимо проходить, а будущія блага непреходящи и вѣчны, и безконечно царство небесное, приготовленное Богомъ любящимъ Его. И оставивъ княженіе, и честь, и славу, и власть, и все то ни во что вмѣнивъ, при-

(30) „И срамословіе въ нихъ предъ отцы и снохами“...

шелъ онъ въ Печерскій монастырь и сдѣлался инокомъ. Это было въ лѣто 6614 (1106), февраля 17» (31). Этого новаго инока Св. Кукша могъ видѣть ежедневно то на поварнѣ, гдѣ онъ работалъ на братію цѣлыхъ три года, то носящимъ съ берега дрова на плечахъ своихъ и колящимъ ихъ для приготовленія пищи, то приставникомъ у монастырскихъ воротъ, у которыхъ онъ пробылъ три года, не отходя никуда, кромѣ церкви. Посѣщенія Печерскаго монастыря Черниговскими князьями, княгинями и боярами, участвовавшими теперь вслѣдствіе пребыванія въ немъ ихъ сына, брата и князя, служили, въ свою очередь, проводниками духовныхъ нуждъ Вятичей до свѣтлаго сознанія и любящаго сердца Печерской братіи. И вотъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что во дни Св. Кукши просвѣщеніе Вятичей становилось для Печерской обители вопросомъ дня. Она давала Русской церкви многихъ святителей и проповѣдниковъ, которые, «какъ свѣтлыя свѣтила, освятили русскую землю святымъ крещеніемъ» (32); она считала своею обязанностью подать руку христіанской помощи и нашимъ предкамъ, такъ долго оставшимся во тьмѣ и сѣни смертной. Подъ вліяніемъ такихъ-то обстоятельствъ, въ душѣ Св. Кукши явилась ревность о славѣ Божіей и рѣшимость взять на себя проповѣдь въ суровой странѣ язычества. Такъ Печерская обитель возростила и извела изъ своего сада эту плодоносную лозу, посредствомъ которой имѣли привиться къ благодатному винограднику—церкви Христовой многія тысячи дикихъ маслинъ, прозябавшихъ дотолѣ безъ живительной влаги, свѣта и теп-

(31) См. Печерскій Патерикъ о препод. Святошѣ, князѣ Черниговскомъ.

(32) Посл. Симона, епископа Владимірскаго, къ Поликарпу. Тамъ же, въ русскомъ переводѣ М. Викторовой, на стр. 27 и 28.

лоты. Она своимъ сочувствіемъ подготовила и указала блаженному Кукшѣ путь къ апостольской дѣятельности на дальнемъ востокѣ, благословила его на предлежащій подвигъ, молитвами своими поддерживала въ борьбѣ съ безчисленными искушеніями и опасностями, а своею любовію и духовнымъ взоромъ провожала его до того мѣста, гдѣ онъ, оканчивая уже земное свое теченіе, стоялъ подъ ударами меча, чтобы предать святую душу свою въ руки небснаго Учителя и Господа и получить отъ Него неувядаемый вѣнецъ мученической славы (33).

Но участіе Кіево-печерской лавры въ дѣлѣ христіанской миссіи, имѣвшей просвѣтити Вятичей, не ограничивалось назначеніемъ въ настоятели ея одного изъ великихъ своихъ подвижниковъ и оказаніемъ ему нравственной поддержки. Успѣхъ проповѣди среди сплошной массы язычниковъ требовалъ того, чтобы, въ случаѣ обращенія ихъ ко Христу, при проповѣдникѣ находились и всѣ необходимыя принадлежности христіанскихъ храмовъ и богослуженія, какъ-то: антимины, священные сосуды, богослужебныя книги, святыя иконы, церковная утварь и т. п. Нельзя же было на долгое время оставлять новообращенныхъ христіанъ однихъ, безъ посторонняго водительства на новомъ ихъ пути, въ виду языческихъ капищъ и соблазнительныхъ обычаевъ старины; въ такомъ случаѣ они легко могли бы отложиться отъ Христа и снова уклониться на путь языческаго нечестія. Надо было въ новообращенной странѣ спѣшить устройствомъ христіанскихъ храмовъ и подобающаго имъ благолѣпія; необходимо было, какъ можно скорѣе, создать эти училища вѣры и благочестія, въ которыхъ умъ христіанина отъ видимыхъ образовъ домостроительства Божія восходилъ бы

(33) Печерскій Патерикъ, на славянскомъ языкѣ, стр. 137.

къ познанію и созерцанію невидимаго Творца всяческихъ. Между тѣмъ всѣми принадлежностями христіанскихъ храмовъ въ то время была богата одна Кіево-печерская лавра. Она изготовляла все это посредствомъ своихъ же иноковъ, изъ которыхъ одни посвящали свою жизнь на переписываніе богослужебныхъ книгъ, другіе подвизались въ иконописаніи, иные трудились надъ приготовленіемъ священническихъ облаченій, церковныхъ сосудовъ. Отсюда, какъ изъ богатаго склада, расходились всѣ эти сокровища по огромнымъ пространствамъ Русской церкви и государства. Кто же могъ снабдить Св. Кукшу всѣми необходимыми принадлежностями христіанской миссіи въ языческой странѣ Вятичей, какъ не Печерская обитель, коей представителемъ являлся онъ въ своемъ благовѣстіи и которая въ просвѣщеніи невѣрныхъ видѣла собственное призваніе и служеніе Богу? Въ этихъ жертвахъ обители, безъ сомнѣнія, участвовалъ и преподобный Святоша, о которомъ св. Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій, говоритъ, что «хотя онъ и много имѣлъ, но все то отдавалъ на нужды странныхъ и нищихъ и на церковное строеніе. Книгъ его и донинѣ (т. е. въ XIII вѣкѣ) много въ монастырѣ»⁽³⁴⁾... Какая же жертва могла быть цѣннѣе и любезнѣе Богу той, которая предназначалась къ прославленію имени Божія и спасенію заблуждающихъ! Итакъ не можетъ подлежать сомнѣнію то, что въ дѣлѣ просвѣщенія Вятичей Кіево-печерская лавра принимала самое живое и дѣятельное участіе, безъ котораго, быть можетъ, они долго бы еще оставались въ язычествѣ.

⁽³⁴⁾ Въ сказаніи о преподобномъ Святошѣ, князѣ Черниговскомъ.

Но какъ ни велика была заслуга Печерской обители въ дѣлѣ просвѣщенія нашихъ предковъ, инициатива христіанской миссіи для обращенія ихъ ко Христу должна была принадлежать не Кіеву, а Чернигову, не братіи Печерскаго монастыря, а Черниговскимъ архипастырямъ, въ епархіи которыхъ состояла первоначально вся область Вятичей ⁽³⁵⁾. Преосвященный Черниговскій Филаретъ такъ опредѣляетъ составъ этой епархіи: «Она, какъ и Черниговское княжество, заключала въ себѣ нынѣшнія губерніи: Черниговскую, Орловскую, часть Могилевской, южный клинъ Смоленской, Калужскую, Курскую, Тульскую, Рязанскую, часть Владимірской, Московской и Воронежской» ⁽³⁶⁾. Такимъ образомъ на Черниговскихъ архипастыряхъ лежала прямая обязанность просвѣщенія Вятичей и отвѣтственность за ихъ спасеніе; въ ихъ душѣ прежде всего должно было зародиться состраданіе къ участи омраченныхъ язычниковъ и явиться скорбь о томъ, что они одними средствами своей кафедръ, безъ посторонней помощи, не въ состояніи исполнить возложенной на нихъ Промысломъ задачи. Кому же они могли довѣриться въ своихъ духовныхъ нуждахъ, какъ не первосвятителю Русской церкви?—съ кѣмъ могли подѣлиться душевными скорбями, какъ не съ сонмомъ Печерскихъ подвижниковъ, этихъ облагодатствованныхъ цѣлителей душъ и тѣлесъ человѣческихъ? и откуда они могли ожидать себѣ помощи, какъ не изъ Кіева, этого новаго Іерусалима въ землѣ

⁽³⁵⁾ Такой взглядъ на участіе Черниговской епархіальной власти въ дѣлѣ крещенія Вятичей устанавливаетъ отчасти и профессоръ Е. Голубинскій въ своей Исторіи Русской Церкви. См. томъ 1, пер. 1, 1880 г., на стр. 180.

⁽³⁶⁾ Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, стр. 100.

Русской? А близость Черниговской кафедры давала имъ возможность часто посѣщать эту столицу, всякій разъ видѣться тамъ съ митрополитомъ, бесѣдовать съ великими подвижниками лавры и участвовать въ духовныхъ ихъ торжествахъ. Такъ, въ 1088 г., Черниговскій епископъ Іоаннъ, вмѣстѣ съ св. Іоанномъ митрополитомъ, освящалъ въ Кіевѣ церковь св. Михаила; въ слѣдующемъ году, онъ, въ присутствіи великаго князя Всеволода Ярославича и сыновей его, участвовалъ въ освященіи Кіево-печерской церкви Успенія Богородицы (37); въ 1091 году мы опять встрѣчаемъ его въ Кіевѣ на праздникъ перенесенія мощей преподобнаго Θεодосія изъ пещеры въ новоустроенный храмъ (38). Такими путями живыя, настоятельныя нужды Черниговской кафедры достигали Кіева и раздѣлялись тамъ всѣми, кому дороги были интересы вѣры и церкви Христовой. Между тѣмъ, по смерти епископа Іоанна, на Черниговскую кафедру вступилъ Θεоктистъ, бывший предъ тѣмъ игуменомъ Печерскаго монастыря. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе сближало Печерскую обитель съ Черниговскою кафедрою и было истиннымъ даромъ Неба въ дѣлѣ просвѣщенія Вятичей.

Преподобный Θεоктистъ былъ мужъ, исполненный высокихъ духовныхъ дарованій и пользовавшійся общимъ уваженіемъ среди Печерскихъ подвижниковъ. Насколько успѣлъ онъ здѣсь въ духовной жизни, это доказываетъ его участіе въ сонмѣ тѣхъ великихъ старцевъ, которые своими молитвами исцѣлили пре-

(37) Это было въ 14 день августа. „Пришли съ митрополитомъ Іоанномъ и епископы: Іоаннъ Черниговскій, Исаія Ростовскій, Лука Бѣлогородскій. Никѣмъ незваные пришли они на чинъ освященія“. См. о созданіи Печерской церкви Св. Богородицы, въ Печ. Патерикѣ.

(38) Преподобнаго Нестора Слово о перенесеніи мощей Θεодосія Печерскаго.

подобнаго Никиту затворника отъ обольщеній діавола (39). Въ 1103 году, по кончинѣ игумена Іоанна, онъ былъ избранъ въ игумена Кіево—печерской лавры. Преподобный Теокистъ оказалъ Печерской обители многія незабвенныя услуги. Благоговѣя предъ великими подвигами основателя ея и убѣжденный многочисленными опытами близости его къ Господу, онъ упросилъ великаго князя Святополка и митрополита Никифора, дабы имя преподобнаго Θεодосія внесено было въ списки Святыхъ во всей Россіи, что и было исполнено. Въ 1108 году имъ построена была въ обители Θεодосіевой каменная трапезница. Посвященіе его въ санъ Черниговскаго епископа изъ игуменовъ лавры послѣдовало въ 1113 году января 12 дня (40). Тѣсная духовная связь, въ которой Теокистъ находился съ братією Печерскаго монастыря во время 40—лѣтняго своего здѣсь пребыванія, не прерывалась имъ и по принятіи святительскаго сана; она дѣлала доступъ его въ эту обитель болѣе свободнымъ, чѣмъ для всякаго другаго, а ходатайство его предъ нею — особенно близкимъ и, такъ сказать, обязательнымъ для благодарнаго ему сердца иноковъ. И вотъ теперь, когда на святительскомъ престолѣ Чернигова сидѣлъ воспитанникъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія, зна-

(39) „Не могли стерпѣть этого преподобные отцы: Никонъ, игумень Пимень, постникъ Исаія, что былъ епископомъ въ Ростовѣ, Матѳей прозорливецъ, Исаакій святой, печерникъ, Агапить врачъ, Григорій чудотворецъ, Никола, бывшій послѣ епископомъ въ Тмуторакани, Несторъ, который писалъ лѣтопись, Григорій, творецъ каноновъ, Теокистъ, бывшій послѣ епископомъ Черниговскимъ, Онисифоръ прозорливецъ. И всѣ эти благопріятные пришли къ прельщенному, помолились Богу и отогнали бѣса отъ затворника, и послѣ того онъ не видалъ его болѣе“. Кіевопечерскій Патерикъ въ переводѣ М. Викторовой, стр. 85.

(40) Описаніе Черниговской епархіи, на стр. 13—14.

менитый игуменъ и благодѣтель лавры, предъ нею болѣе, чѣмъ когда либо, могли выясниться нужды Черниговской каѳедры и встрѣтить живѣйшее съ ея стороны сочувствіе. Призваніе Теооктиста на новомъ его служеніи церкви становилось задачею и для возростившей его обители. Кіевскій митрополитъ не могъ не радоваться этому союзу духовныхъ силъ, устроенному Промысломъ во славу имени Божія и для обращенія невѣрующихъ. Въ виду такого сближенія интересовъ Черниговской каѳедры и Печерской обители еще болѣе дѣлается понятнымъ для насъ то, почему во главѣ просвѣтительной миссіи сталъ Св. Кукша: его влекла на проповѣдь въ предѣлахъ Черниговской епархіи сколько ревность о славѣ Божіей, столько и высокооблагодатствованная дружба съ Черниговскимъ святителемъ, коему онъ желалъ быть полезнымъ въ исполненіи архипастырскаго его долга. вмѣстѣ съ нимъ на широкое поле духовнаго сѣянія пошелъ и преподобный Никонъ. Этотъ достойный ученикъ не желалъ отстать отъ великаго учителя своего въ подвигахъ вѣры и рѣшился дѣлать съ нимъ не однѣ радости благодатной жатвы, но и неразлучныя съ нею въ суровой странѣ язычниковъ скорби, лишенія и опасности.

Исторія и преданіе не говорятъ о томъ, принималъ ли въ этой просвѣтительной миссіи участіе еще кто—либо изъ братіи Печерскаго монастыря, кромѣ Св. Кукши и его ученика Никона... Однако едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что при Св. Кукшѣ, какъ духовномъ сѣятелѣ, находились и другіе спутники, которые должны были присматривать за всходомъ и ростомъ благодатныхъ сѣмянъ, во-время поливать ихъ, возвращать и оберегать отъ хищныхъ враговъ. Безъ благовременнаго досмотра и ухода все,

посѣянное на каменистой почвѣ, легко засыхаетъ отъ зноя и вара солнечнаго, можетъ заглохнуть посреди тернія и волчцевъ, или быть похищеннымъ и исторгнутымъ изъ нѣдръ земли. Если такъ бываетъ въ мірѣ видимомъ, и мудрый земледѣлецъ всячески охраняетъ свое поле, чтобы не остались тщетными всѣ его труды, усилія и надежды; то не то же ли самое должно наблюдаться и въ мірѣ нравственномъ, на нивѣ душъ человѣческихъ, воздѣлываніе которой представляетъ притомъ несравненно болѣе трудностей и плоды которой, въ глазахъ духовнаго труженика, драгоцѣннѣе всякой пшеницы и выручаемаго на ней серебра? Объ этомъ—то, въ виду проповѣди Св. Кукши, долженъ былъ позаботиться теперь епископъ Теоктистъ; и онъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, могъ собрать эти охранительныя и воспитательныя силы въ средѣ собственной паствы.

Черниговская епархія существовала уже болѣе вѣка (41). При ея каѳедрѣ находилась Ильинская обитель, считавшая своимъ основателемъ преподобнаго Антонія Печерскаго (42); существовалъ Елецкій монастырь; много было церквей, устроенныхъ благоговѣйнымъ клиромъ и украшенныхъ всякимъ благолѣпіемъ; между этими церквами каменный соборъ Св. Спаса своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ уступалъ только двумъ соборамъ въ цѣлой Россіи—Кіевскому

(41) Черниговская епископія учреждена была въ 992 году.

(42) Извѣстны обстоятельства, по которымъ преподобный Антоній, во время в. к. Изяслава, принужденъ былъ удалиться въ Черниговъ... „Когда Антоній пришелъ въ Черниговъ,—говоритъ преп. Несторъ,—полюбились ему Болдины горы; онъ вырылъ тутъ себѣ пещеру и поселился въ ней. И до сихъ поръ стоитъ тутъ на Болдиныхъ горахъ монастырь пресвятой Богородицы“. См. Сказаніе о черноризцахъ Печерскихъ.

и Новгородскому. При самомъ Θεоктистѣ, близъ большаго Спасскаго собора построень былъ еще другой каменный храмъ—во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба, служащій теперь теплымъ соборомъ. Вообще Черниговскіе князья, владѣвшіе огромною волостью, не щадили богатыхъ своихъ средствъ какъ на украшеніе христіанскихъ храмовъ, такъ на содержаніе архіерейской кафедры и самага духовенства. Безъ сомнѣнія, было въ Черниговѣ и училище, гдѣ получали необходимое образованіе будущіе священно—и церковно-служители. Такимъ образомъ, если Черниговская епархія не имѣла высокихъ и богопросвѣщенныхъ проповѣдниковъ, которые бы самостоятельно могли выступить на первую борьбу съ упорнымъ язычествомъ, то въ ней, во всякомъ случаѣ, могли найтись уже лица, достойныя, по волѣ и усмотрѣнію архипастыря, исполнять священно—церковно—служительскія обязанности среди новообращенныхъ христіанъ. Они-то должны были увеличить собою необходимый составъ миссіи Св. Кукши въ землѣ Вятичей. И эти лица не были искателями духовной карьеры, не могли задаваться въ своемъ посольствѣ ни повышеніемъ сана, ни большими удобствами и выгодами житейскими. Предъ ними шелъ подвижникъ, который своимъ примѣромъ поучалъ ихъ одному небесному и святому,—чудотворецъ, предъ которымъ невольно преклонялись всѣ его спутники,—богопросвѣщенный учитель и проповѣдникъ, раскрывавшій предъ ними высокія обязанности ихъ стоять на стражѣ человѣческаго спасенія, блюсти свѣтильникъ вѣры Христовой въ новообращенной странѣ, пасти и приумножать новособранное стадо Христово среди язычниковъ...

Такъ, при тѣсномъ только единеніи великихъ центровъ христіанской жизни—въ Кіевѣ и Черниговѣ,

могла наконецъ образоваться духовная миссія, имѣвшая своею задачею насадить и утвердить христіанство въ предѣлахъ Орловскаго края и смежныхъ съ нимъ мѣстностяхъ. Въ этомъ благодѣтельномъ взаимодействіи не сомнѣвается и Черниговскій архіепископъ Филаретъ, когда, относя проповѣдь Св. Кукши ко времени святительства въ Черниговѣ блаженнаго Теокиста, онъ говоритъ: «По времени, къ которому должны быть отнесены подвиги просвѣтителя Вятчанъ преподобнаго Кукши, по благочестію преподобнаго епископа Теокиста и по духовной любви, связывавшей Печерскихъ подвижниковъ, не можемъ сомнѣваться въ томъ, что Черниговскій святитель Теокистъ принималъ живое участіе въ апостольскомъ подвигѣ преподобнаго Кукши и содѣйствовалъ ему всѣми способами, зависѣвшими отъ него» (43). Авторъ Исторіи Русской Церкви, профессоръ Е. Голубинскій, не входя въ изслѣдованіе обстоятельствъ, вызвавшихъ Св. Кукшу на проповѣдь Вятчанъ, тѣмъ не менѣе ставитъ дѣятельность его въ связи съ стараніемъ о томъ Черниговской епархіальной власти и считаетъ Св. Кукшу только однимъ изъ многихъ проповѣдниковъ въ землѣ Вятчей; онъ говоритъ: «изъ немалаго, вѣроятно, числа проповѣдниковъ, трудившихся надъ обращеніемъ особенно упорныхъ въ язычествѣ людей, мы знаемъ только одного сторонняго.—это монаха Печерскаго монастыря Св. Кукшу» (44).

Благочестивыя стремленія иноковъ Печерскаго монастыря и Черниговскихъ святителей къ распространенію вѣры Христовой въ землѣ Вятчей вполне со-

(43) См. Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, стр. 14.

(44) Исторія Р. Церкви Е. Голубинскаго, т. 1, стр. 180.

гласовались съ политическими видами владѣтелей этой страны. Христіанство имѣетъ въ самомъ себѣ великую цивилизующую силу, которую признаетъ за нимъ самая исторія. Оно обуздывало дикіе инстинкты первобытныхъ народовъ, смягчало грубые ихъ нравы, приучало къ мирной гражданственности и служило для христіанскихъ владѣтелей могучимъ средствомъ къ утвержденію своей власти надъ покоренными языческими племенами. Этого не могли не сознавать и Русскіе князья, владѣтели Вятичей. Долговременное и упорное сопротивленіе Вятичей Русской власти, ихъ частыя возстанія и клятвопреступленія должны были убѣдить Русскихъ князей, что пока надъ этимъ племенемъ будетъ господствовать мракъ язычества, до тѣхъ поръ самая власть ихъ надъ нимъ будетъ подвергаться разнымъ случайностямъ и колебаніямъ и вообще не сдѣлается прочною и законною. Необходимо было уничтожить разновѣріе между побѣдителями и побѣжденными. Къ этому могло побуждать князей и географическое положеніе Вятичей, которые ничѣмъ не были защищены отъ вторженія степныхъ варваровъ. Сперва, какъ извѣстно, сосѣдями Вятичей на юго-востокѣ были Печенѣги; и Вятичи готовы были пользоваться союзомъ ихъ для борьбы съ Русскими князьями (45). Впослѣдствіи на мѣстѣ Печенѣговъ утвердились Половцы. Это были непримиримые враги христіанской Руси. Какъ саранча, нападали они на русскія области, жгли деревни, грабили жителей и уводили ихъ въ плѣнъ. Бывало, говоритъ Владиміръ Мономахъ, «когда весною поселянинъ станетъ пахать землю, то придетъ Половчинъ, убьетъ его стрѣлою, возьметъ лошадь, жену и дѣтей, да и гумно зажжетъ». Половцы готовы были пользоваться всякимъ нестрое-

(45) См. Татищева кн. II, стр. 45.

ніемъ въ Русской землѣ для своихъ вторженій. Одно христіанство могло создать противъ нихъ надежный оплотъ въ безпокойной землѣ Вятичей. И исторія свидѣтельствуеть, что только оно помогло Русскимъ князьямъ утвердить свою власть надъ массою населенія Вятичей, а до того времени, говоритъ Иловайскій, «власть Рюриковичей ограничивалась здѣсь лишь немногими укрѣпленными пунктами» (46). Въ виду этого могли ли Черниговскіе князья оставаться безучастными къ дѣлу просвѣщенія Вятичей, которое брали на себя Печерская обитель и Черниговскіе архипастыри? Профессоръ Е. Голубинскій въ своей Исторіи Русской Церкви не только не отвергаетъ такого участія Черниговскихъ князей, но даже приписываетъ имъ главную инициативу крещенія Вятичей (47). Но если бы просвѣщеніе Вятичей и не совпадало такъ съ выгодами свѣтскихъ владѣтелей, они и тогда не отказались бы отъ содѣйствія ему всѣми зависящими отъ нихъ способами; къ этому, кромѣ прямыхъ интересовъ власти, побуждали князей—высокое уваженіе къ Печерской обители, преданность Черниговскимъ архипастырямъ и собственное ихъ благочестіе.

Черниговскіе князья находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Печерской обители и оказывали инокамъ ея высокое уваженіе и покровительство. Такъ, когда преподобный Антоній Печерскій подвергся преслѣдованію со стороны великаго князя Изяслава Ярославича, подозрѣвавшаго его въ сочувствіи къ Всеволоду; то Святославъ Черниговскій прислалъ за нимъ ночью и взялъ его къ себѣ. Это было въ то время,

(46) Истор. Рязанскаго княжества, на стр. 35.

(47) Вотъ его слова: „По всей вѣроятности, стараніями Черниговскихъ князей и епископовъ христіанство мало-по-малу было водворено между Вятичами“. См. т. 1, пер. 1, на стр. 180.

когда Изяславъ, изгнанный изъ Кіева Всеславомъ, снова утвердился на великомъ княженіи (1068 г.). Антоній ископаль на Болдиныхъ горахъ пещеру и оставался въ Черниговѣ до тѣхъ поръ, пока Изяславъ созналъ свою ошибку и упросилъ святаго старца возвратиться въ Печерскій монастырь (48). Въ столь же близкихъ отношеніяхъ къ Святославу Черниговскому находился и преподобный Θεодосій. Не смотря на то, что Θεодосій обличалъ Святослава за похищеніе имъ у брата своего Кіевскаго престола, онъ всегда съ радостью встрѣчалъ въ своемъ домѣ этого подвижника и повиновался его наставленіямъ. Такъ, «однажды св. Θεодосій пришелъ къ Святославу Ярославичу, когда у него былъ пиръ; кто игралъ на гусяхъ, кто пѣлъ пѣсни, кто плясалъ. Святый мужъ остановился у дверей и сѣлъ, поникнувъ головою. По знаку князя, вдругъ все стихло. Тогда Θεодосій произнесъ тихимъ голосомъ: «А будетъ ли такъ, чада, на томъ свѣтѣ»? У князя показались слезы, и онъ прекратилъ празднество. И послѣ всегда прекращалъ свои увеселенія, когда приходилъ къ нему игумень» (49). Въ 1073 г., при сооруженіи каменной Печерской церкви, Святославъ Ярославичъ былъ самымъ щедрымъ вкладчикомъ; онъ тогда же пожертвовалъ на ея устройство сто гривенъ золота (50 фунтовъ), самъ опредѣлилъ мѣру церкви и своими руками началъ копать для нея ровъ (50). По смерти Святослава, въ Черниговѣ, какъ извѣстно, княжилъ нѣкоторое время Владиміръ Мономахъ. Этотъ глубоко благочестивый и доблестный князь имѣлъ

(48) Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Росс. Церкви, стр. 24—27.

(49) Учебн. руковод. Рождественскаго, на стр. 19.

(50) Печер. Патерикъ: „О созданіи Печерской церкви Пр. Богородицы“.

особенный поводъ сблизиться съ Печерскою обителью,—именно, по случаю чудеснаго своего исцѣленія отъ тяжкой болѣзни. Вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ Печерскомъ Патерикѣ: «Въ тѣ дни разболѣлся Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Усердно лѣчилъ его Армянинъ, но безуспѣшно, и только сильнѣе дѣлался недугъ. Будучи при концѣ жизни, посылаетъ князь молить игумена Печерскаго Іоанна, чтобы онъ понудилъ Агапита прійти къ нему... Игумень призываетъ Агапита и велитъ ему идти въ Черниговъ. И отвѣчаетъ блаженный: «если мнѣ къ князю идти, то и ко всѣмъ идти. Спаси меня, Господи, ради славы человѣческой выйти за монастырскія ворота»... Посланный же князя, видя, что не хочетъ идти инокъ, сталъ молить его, чтобы онъ хотя зелья далъ, и тотъ, будучи принужденъ игуменомъ, далъ ему для больнаго зелья отъ своего кушанья. И только что князь принялъ это зелье, какъ тотчасъ выздоровѣлъ» (51). Послѣ этого Владиміръ Мономахъ посѣтилъ Печерскую обитель и выразилъ къ ней свою признательность большими дарами. Въ другой разъ съ меньшими дарами онъ посылалъ туда своего боярина и, по совѣту преподобнаго Агапита, въ благодарность за чудесное исцѣленіе свое отъ тяжкаго недуга, «раздалъ все свое имѣніе нищимъ». А врачъ, лѣчившій Мономаха, оставилъ міръ и сдѣлался инокомъ Печерскаго монастыря. Владиміръ Мономахъ, подобно дядѣ своему Святославу, являлся защитникомъ угнетенной братіи Печерскаго монастыря. Такъ, когда Печерскій игумень Іоаннъ, за свои обличенія великаго князя Святополка II въ ненасытной его жадности къ богатству, подвергся преслѣдованію и былъ заточенъ въ Туровъ; то Владиміръ Мономахъ возсталъ на защиту

(51) Тамъ же, въ перев. М. Викторовой, стр. 89—91.

преподобнаго старца и заставилъ Святополка возвратить его съ честію въ Печерскій монастырь⁽⁵²⁾. Еще въ болѣе близкія отношенія къ Печерской обители стали Черниговскіе князья во дни Св. Кукши, когда въ стѣнахъ ея заключился блаженный князь Никола Святоша. Теперь чаще, чѣмъ когда-либо, посѣщали эту обитель—отецъ блаженнаго, князь Давидъ Святославичъ, мать его, имѣвшая съ тѣхъ поръ духовнымъ отцемъ своимъ Печерскаго игумена, братья—Ростиславъ, Изяславъ и Всеволодъ, бояре и всѣ близкіе къ этому порфирородному иноку. Если когда, то теперь въ особенности должны были идти изъ Чернигова богатыя пожертвованія въ пользу Печерскаго монастыря. Самъ Никола отдалъ все свое имѣніе на нужды обители; на его средства, какъ говоритъ преданіе, основанъ былъ здѣсь и больничный монастырь, съ церковью во имя св. Николая, Мирликійскаго чудотворца, — при которой самъ онъ провелъ послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни, воздѣлывая малый садъ, имъ же разведенный, и прислуживая болящимъ⁽⁵³⁾.

Въ первой трети XII вѣка, когда Св. Кукша проповѣдывалъ Вятичамъ христіанство⁽⁵⁴⁾, Черниговскую кафедру занимали архипастыри Θεоктистъ и Пантелеимонъ, пользовавшіеся за святость своей жизни высокимъ уваженіемъ у князей и народа. Θεоктистъ сблизился съ семьею Черниговскихъ князей еще въ то время, когда былъ игуменомъ Печерской обители. При немъ вступилъ въ число Печерской братіи и Чер-

⁽⁵²⁾ Тамъ же, на стр. 122.

⁽⁵³⁾ Словарь историческій о святыхъ, прославл. въ Росс. Церкви, стр. 182—183.—Указатель святыхъ и свящ. достопамятностей Кіева, изд. 2, 1853 г., на стр. 40.

⁽⁵⁴⁾ Исторія Русской Церкви, архіеп. Филарета, пер. 1, изд. 3, на стр. 22.

ниговскій князь Никола Святоша. Можетъ быть, эта самая близость отношеній была отчасти причиною и назначенія Θεоктиста на Черниговскую кафедру. Въ Черниговѣ всѣ съ радостью встрѣтили новаго своего архипастыря какъ потому, что еще раньше знали о высокихъ его качествахъ, такъ и потому, что за долговременною болѣзнію предшественника его, епископа Иоанна, давно не видали у себя архіерейскаго служенія; особенно же рада была Θεоктисту княгиня, такъ какъ онъ былъ духовнымъ ея отцемъ. Черниговскій архіепископъ Филаретъ такъ характеризуетъ благочестіе и дружбу Черниговскаго князя Давида Святославича и епископа Θεоктиста: «Князь Давидъ, кроткій, благочестивый, добрый ко всѣмъ, могъ быть утѣшеніемъ для добродѣтельнаго пастыря. Лишившись (1120 г.) сына Ростислава, благочестивый князь и по любви къ сыну, и по благоговѣнію къ св. князьямъ Борису и Глѣбу, изъ которыхъ послѣдній былъ соименный ему, построилъ близъ собора каменный храмъ во имя св. князей Бориса и Глѣба. Блаженный святитель съ радостію освятилъ его. Князь Давидъ готовилъ себѣ въ новомъ храмѣ усыпальницу; такъ онъ помнилъ о смерти! Августа 1 дня, 1123 года, онъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Любившій его святитель, замѣтивъ приближеніе его къ смерти, велѣлъ пѣть канонъ кресту Господню, хранителю отъ духовъ злобы. Въ то время влетѣлъ бѣлый голубъ и сѣлъ на грудь умирающаго; князь скончался, и голубъ отлетѣлъ. Почившаго князя отпѣли въ Спасскомъ соборѣ и положили въ новомъ Борисоглѣбскомъ храмѣ. Любившіе другъ друга князь и святитель не долго

были въ разлукѣ; 6-го Августа почилъ и блаженный епископъ Теокистъ. По рукописнымъ святцамъ и въ канонѣ Кіевскимъ святымъ онъ поставленъ въ числѣ святыхъ Печерской обители и, безъ сомнѣнія, въ пещерахъ ея ожидаетъ дня общаго воскресенія» (55). Конечно, не меньшимъ уваженіемъ въ Черниговѣ пользовался отъ князей и народа и епископъ Пантелеимонъ, который, по словамъ того же преосвященнаго Филарета, «былъ жизни подвижнической и угодившій Господу», почему и въ лѣтописи называется онъ «блаженнымъ» (56). Во время его святительства еще живъ былъ Никола Святоша. Этотъ угодникъ Божій служилъ союзомъ мира между Черниговскими князьями и, къ истинному утѣшенію архипастыря, являлся ихъ примирителемъ даже на полѣ брани (57). О благочестіи же современнаго Пантелеимону Черниговскаго князя Изяслава Давидовича мы читаемъ въ Печерскомъ Патерикѣ слѣдующее: «Братъ блаженнаго Святоши, князь Изяславъ, узнавши о смерти его, прислалъ съ мольбой къ игумену, прося себѣ на благословеніе крестъ отъ парамана Святаго, его подушку и кладку, на которой онъ преклонялъ колѣни. Игумень далъ князю, сказавъ: «да будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей!» Изяславъ же, принявши, честно держалъ у себя и далъ игумену три гривны золота, чтобы не даромъ взять знаменіе братнее. Однажды такъ разболѣлся

(55) Описаніе Черниговской Епархіи, стр. 14—15:

(56) Собран. лѣт. 2, 19, 296.

(57) Такъ, въ 1142 году, когда родные и двоюродные братья Николы Святоши, князья Черниговскіе и Сѣверскіе, воевали Переяславскую область, онъ своимъ появленіемъ въ ставѣ сражающихся прекратилъ войну и остановилъ кровопролитіе. Святитель Пантелеимонъ скончался въ 1142 году; въ томъ же или слѣд. году преставился и благовѣрный князь Никола Святоша.

этотъ князь. что всѣ уже отчаялись за него. И, видя его при смерти, сидѣли возлѣ него жена, и дѣти, и всѣ бояре. Онъ же, приподнявшись немного, попросилъ воды изъ Печерскаго колодца и онѣмѣль. Послали за водой. Игумень же, взявъ власяницу Святошину, отеръ ею гробъ св. Θεодосія и далъ посланному отъ князя, чтобы надѣть ее на него. И прежде чѣмъ вошелъ несшій воду и власяницу, больной вдругъ проговорилъ: «выходите скорѣй за городъ, на встрѣчу преподобнымъ Θεодосію и Николѣ». Когда же вошелъ посланный съ водой и власяницей, князь возопилъ: «Никола, Никола Святоша!» И дали ему пить той воды и надѣли на него власяницу, и онъ тотчасъ выздоровѣлъ. И всѣ прославили Бога и угодниковъ Его. И всякій разъ, какъ Изяславъ дѣлался боленъ, онъ надѣвалъ на себя эту власяницу и такъ выздоравливалъ... Во всякую рать онъ имѣлъ на себѣ эту власяницу и оставался невредимъ. Однажды же, согрѣшивши, не посмѣлъ надѣть ее и былъ убитъ въ битвѣ. И велѣлъ онъ въ той власяницѣ положить себя (58).

Такъ, личные интересы владѣтелей Черниговскаго княжества, ихъ высокое уваженіе къ Печерской обители, сыновняя преданность достойнымъ архипастырямъ и собственное ихъ благочестіе не позволяютъ думать, чтобы они не приняли никакого участія въ просвѣщеніи Вятичей. Мы не знаемъ того, насколько они своею близостью къ Печерской лаврѣ способствовали ускоренію просвѣтительной миссіи Св. Кукши, но благодѣтельное участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ не подлежитъ сомнѣнію уже на основаніи успѣховъ проповѣди Св. Кукши. Безъ видимаго содѣйствія и покровительства князей духовная миссія встрѣтила бы въ землѣ Вятичей непреодолимая для себя препятствія и

(58) Печер. Патер. въ перев. Викторовой, стр. 49—50.

не могла бы сопровождаться просвѣщеніемъ этой языческой страны. Въ этомъ убѣждаютъ насъ слѣдующія обстоятельства христіанской проповѣди въ землѣ Вятчей.

Земля Вятчей, безъ сомнѣнія, не могла быть вполне извѣстна ни преподобному Кукшѣ, ни прочимъ духовнымъ его спутникамъ; притомъ же это была страна, въ то время слабо еще населенная, лѣсная, болотистая и вообще мало доступная для мирнаго путешественника. При такихъ обстоятельствахъ, чтобы не блуждать въ этой «странѣ лѣсовъ», миссіонерамъ необходимы были надежные проводники, близко знакомые съ мѣстностью и ея населеніемъ. Кто же могъ снабдить миссію такими проводниками, а также устроить и облегчить путь ея въ невѣдомой странѣ язычниковъ, какъ не свѣтскіе князья, владѣтели Вятчей?..

Во время просвѣтительной дѣятельности Св. Кукши Вятчи подчинялись уже Русскимъ князьямъ и считали власть ихъ для себя до нѣкоторой степени обязательною; но они не имѣли никакого понятія о духовномъ правѣ надъ ними Черниговскихъ архипастырей, во имя котораго должны были дѣйствовать христіанскіе проповѣдники въ ихъ землѣ. Въ виду преданности Вятчей языческимъ своимъ вѣрованіямъ естественно было ожидать, что они откажутся принять въ своихъ предѣлахъ христіанскую миссію, не захотятъ выслушать ее и на проповѣдниковъ мира и любви Христовой посмотрятъ какъ на самозванныхъ учителей, посягающихъ на вѣковыя, излюбленные преданія ихъ отцевъ и дѣдовъ. Такимъ образомъ, чтобы христіанская миссія нашла себѣ доступъ въ языческой странѣ Вятчей, необходимо было дать ей внѣшній авторитетъ, такъ сказать—ручательство того, что она

дѣйствуетъ не безъ согласія и воли повелителей страны; иначе сказать,—необходимо было, чтобы духовной миссіи сопутствовала княжеская миссія, права и полномочія которой были уже хорошо извѣстны Вятичамъ и имѣли для нихъ свою внушительность.

Миссія Св. Кукши слѣдовала въ землю Вятичей не на годъ, или на два; задача ея была широка и требовала для своего выполненія цѣлыхъ десятковъ лѣтъ. На комъ же лежалъ долгъ матеріальнаго обезпеченія проповѣдниковъ, посреди враждебнаго имъ населенія, какъ не на князьяхъ, собиравшихъ здѣсь дань деньгами и жизненными продуктами? А христіанская миссія нуждалась въ матеріальныхъ средствахъ не для своихъ только членовъ; къ ней, какъ это всегда бываетъ, могли присоединяться и новообращенные изъ язычниковъ, которые чрезъ это самое разрывали всякую связь съ родственниками по плоти и оставались безъ крова и средствъ къ жизни. Всѣ такія лица, какъ сироты въ новомъ, благодатномъ своемъ быту, какъ желанные первенцы въры въ новонасаждаемой церкви Божіей и, быть можетъ, будущія орудія для распространенія и утвержденія христіанства среди невѣрующихъ ихъ соплеменниковъ, имѣли всѣ права на обезпеченіе ихъ средствами той миссіи, которая возродила и призвала ихъ къ новой жизни.

Край Вятичей былъ великъ; онъ обнималъ собою губерніи: Орловскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, часть Владимірской и Московской и, во всякомъ случаѣ, своею обширностью превосходилъ ту часть епархіальной территоріи, въ которой исповѣдывалось христіанство во дни Св. Кукши и блаженнаго епископа Θεоктиста. Поэтому, при водвореніи въ немъ христіанства, не достаточно было руководиться личными силами и духовными дарованіями Чернигов-

ской паствы. Духовные спутники Св. Кукши, предназначенныя къ исполненію священнослужительскихъ обязанностей среди новообращенныхъ христіанъ, при видимыхъ успѣхахъ проповѣди, скоро могли разойтись по мѣстамъ и оставить проповѣдника съ тѣми немногими лицами, коихъ призваніе было шире мѣстнаго настоятельства въ дѣлѣ вѣры. И вотъ, нужно думать, что уже самому просвѣтителю Вятичей приходилось испытывать духовныя силы нѣкоторыхъ изъ чадъ своихъ о Христѣ, свидѣтельствовать о нихъ предъ Черниговскимъ архипастыремъ и препровождать ихъ въ каѳедральный городъ, дабы они могли утвердиться тамъ въ правилахъ вѣры и благочестія и явиться въ послѣдствіи достойными учителями своего народа. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ и вообще при необходимыхъ сношеніяхъ епархіальной власти съ просвѣщаемою страной, незамѣнимую услугу христіанской миссіи могли оказать одни князья, владѣвшіе всѣми путями и средствами сообщенія въ землѣ Вятичей.

Наконецъ, безъ прямого содѣйствія и покровительства Церкви со стороны государства невозможно было надѣяться на успѣхъ христіанской миссіи въ той странѣ, по которой и сами князья не отваживались еще на путешествіе безъ достаточнаго прикрытія себя военною силою (59). Мирные проповѣдники христіанства, при вступленіи своемъ въ землю Вятичей, могли

(59) Владиміръ Мономахъ въ поученіи къ дѣтямъ ставитъ свои походы въ землю Вятичей наравнѣ съ побѣдоносными своими походами противъ Половцевъ, а слѣдующее выраженіе его въ томъ же поученіи: „первѣе къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичъ. посла мя отецъ“, — показываетъ, что путь „сквозѣ Вятичъ“ былъ для князей не совсѣмъ легокъ и безопасенъ. Такъ именно понимаетъ это выраженіе Д. Иловайскій въ своей исторіи Рязанскаго княжества.

быть избиты и ограблены, а съ ними и дѣло, стоившее столько заботъ для Церкви и обѣщавшее такъ много въ интересахъ самаго государства, могло бы разстроиться въ самомъ его началѣ.

Но присутствіе въ духовномъ станѣ Св. Кукши княжеской миссіи, можетъ быть—части княжеской дружины, не набрасываетъ ли тѣнь мірскаго характера на самую дѣятельность просвѣтителя Вятичей,—того характера, котораго всегда чуждалась православная церковь и который такъ не свойственъ русской проповѣди? Изъ того, что было сказано нами о содѣйствіи и покровительствѣ свѣтской власти дѣлу христіанской миссіи въ землѣ Вятичей, не слѣдуетъ еще, чтобы Св. Кукша въ своей проповѣди опирался на свѣтскую власть, на ея мечъ и неразлучный съ нимъ страхъ, какъ это часто случалось съ проповѣдниками Западной церкви. Если бы миссія Св. Кукши имѣла характеръ западныхъ крестовыхъ походовъ, стремившихся силою оружія обращать язычниковъ въ христіанство, въ такомъ случаѣ она должна была бы представлять изъ себя сильный воинскій станъ, могущій грознымъ своимъ видомъ обезоружить слабаго противника, или же предписать ему условія мира съ боя; но движеніе такой силы, съ предводителемъ ея—княземъ во главѣ, не укрылось бы отъ взора лѣтописца, какъ не осталось тайною и то, что во дни св. Владиміра многіе изъ Кіевлянъ приняли крещеніе не столько по собственному желанію и убѣжденію, сколько въ угоду князю и изъ боязни къ нему. Съ другой стороны, и Вятичи были не такого характера, чтобы въ виду угрозы поступиться завѣтною своею стариною, или отказаться отъ нея съ перваго боя: храбрость и упорство ихъ въ борьбѣ были извѣстны всему русскому міру. Трудно было силою оружія ли-

шить ихъ политической независимости, но еще труднѣе было бы заставить ихъ сдѣлаться христіанами противъ воли и убѣжденія. Впрочемъ, что проповѣдь Св. Кукши совершалась не при помощи оружія и не съ угрозою за непринятіе ея, а единственно съ кротостію евангельской любви и христіанскаго убѣжденія, въ этомъ вполнѣ удостовѣряютъ насъ различныя чудотворенія и мученическая кончина самого проповѣдника. Безъ сомнѣнія, Господь не облекъ бы его чудодѣйственною силою и не прославилъ бы самыхъ мощей его нетлѣніемъ, если бы онъ въ своей дѣятельности не явился достойнымъ ученикомъ Христа Спасителя. И православная церковь, чуждаясь мірскаго характера въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія, не отказывалась отъ законнаго содѣйствія ей со стороны свѣтской власти, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовали обстоятельства мѣста и времени. Такъ, одна изъ первыхъ христіанскихъ миссій въ Россіи, вскорѣ послѣ крещенія Кіевлянъ, вошла въ Новгородъ въ сопровожденіи княжеской дружины, что, при нежеланіи многихъ жителей этого города разстаться съ язычествомъ, подало, какъ извѣстно, поводъ говорить впослѣдствіи, «будто Новгородцевъ крестили Путята мечемъ, а Добрыня огнемъ» (60). Съ такимъ же фактомъ присутствія воинской силы въ станѣ духовной миссії встрѣчаемся мы и при утвержденіи христіанства въ городѣ Мценскѣ, во время великаго князя Московскаго Василя Димитріевича и митрополита Фотія (61).

(60) Это было въ 990 году. Въ этой миссії участвовалъ и Неофитъ, бывший впослѣдствіи первымъ епископомъ Черниговскимъ.

(61) См. „Сказаніе о явленіи чудотв. образа Св. Христова Николая въ г. Мценскѣ“, изд. І. Шерапова, стр. 31 и дал.

Относительно времени, въ которое Св. Кукша проповѣдывалъ Вятичамъ христіанство, въ исторической литературѣ существуютъ различныя мнѣнія. Такъ, въ Историческомъ Словарѣ о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, мы читаемъ, что «священномученикъ Кукша началъ проповѣдывать слово Божіе идолопоклонникамъ—Вятичамъ около 1215 года»⁽⁶²⁾. Въ Указателѣ святыхъ и священныя достопамятностей Кіева говорится, что «Св. Кукша проповѣдывалъ Евангеліе въ землѣ Вятичей (въ орловской или калужской губерніи) съ 1215 года»⁽⁶³⁾. Подъ этимъ же годомъ обозначается память священномученика Кукши и въ Крестномъ Календарѣ. Но мнѣніе это не можетъ быть принято нами по многимъ соображеніямъ, опирающимся на несомнѣнныя историческія данныя.

Къ концу XII вѣка земля Вятичей начала, какъ извѣстно, терять уже свою изолированность; жители ея слились въ общую струю Русской народности и утратили самое свое названіе. Если бы Св. Кукша выступилъ на проповѣдь Вятичамъ въ XIII вѣкѣ, т. е. около 1215 года; то современники едва ли бы усвоили ему имя просвѣтителя Вятичей. Притомъ же потеря Вятичами своей народности, по общему признанію историковъ, могла совершиться только при содѣйствіи самаго христіанства. Между тѣмъ многія чудотворенія и знаменія, коими сопровождалась проповѣдь Св. Кукши въ землѣ Вятичей, а также и мученическая его смерть, свидѣтельствуютъ о томъ, что до него царила здѣсь глубокая тьма язычества; и никто не сомнѣвается въ томъ, что первая сѣмена христіанства въ языческой странѣ Вятичей насаждены были рукою этого подвиж-

⁽⁶²⁾ Словарь Истор., изд. 2, 1862 г., на стр. 142.

⁽⁶³⁾ Изд. 2, 1853 г., гл. IV, на стр. 51.

ника Печерской обители. Къ концу XII вѣка въ древней области Вятичей мы встрѣчаемъ несомнѣнные доказательства торжества вѣры Христовой надъ язычествомъ. Въ Рязани съ 1198 года существуетъ уже особая епископія. Орловскій край представляетъ изъ себя нѣсколько удѣльныхъ княжествъ съ христіанскимъ населеніемъ (64). Великіе князья Кіевскіе и Юрій Суздальскій не разъ посѣщаютъ этотъ край, и ни одинъ изъ тогдашнихъ лѣтописцевъ, подобно преподобному Нестору, не называетъ Вятичей «погаными», т. е., язычниками, «невѣдущими истиннаго Бога». Черниговскіе архипастыри свободно путешествуютъ по землѣ Вятичей и не встрѣчаютъ здѣсь никакой вражды со стороны населенія (65). Все это, безъ сомнѣнія, было плодомъ уже просвѣтительной дѣятельности Св. Кукши въ землѣ Вятичей. Наконецъ, относить проповѣдь Св. Кукши къ XIII вѣку болѣе всего не позволяетъ намъ свидѣтельство св. Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго, который въ извѣстномъ сказаніи своемъ о Печерскихъ инокахъ, писанномъ имъ между 1215 и 1226 годами, ставитъ Св. Кукшу наравнѣ съ тѣми великими подвижниками, дѣянія которыхъ сдѣлались уже достояніемъ преданія и были унаслѣдованы имъ во дни пребывания его въ Печерскомъ монастырѣ. Ясно, что Св. Кукша и св. Симонъ не были современниками.

Извѣстный историкъ нашего времени—Соловьевъ полагаетъ, что проповѣдь Св. Кукши въ землѣ Вятичей совершалась во второй половинѣ XI вѣка (66). Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться уже по

(64) Истор. Россійск. Татищева, кн. 11, стр. 298.

(65) Описаніе Черниговской Епархіи, архіеп. Филарета, на стр. 20—22.

(66) Истор. Россіи Соловьева, т. 3, стр. 61—62.

тому одному, что во второй половинѣ XI вѣка Вятичи имѣли еще собственныхъ родовыхъ князей, которые съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою независимость. Если эти князья не мирились тогда съ Русскимъ подданствомъ и не теряли вѣры въ самобытность своего племени, то тѣмъ болѣе они не потерпѣли бы того, чтобы христіанскіе проповѣдники, въ виду ихъ, разрушали завѣтныя ихъ капища и отводили преданный имъ народъ отъ вѣры ихъ отцевъ и дѣдовъ. При такомъ положеніи, христіанскому проповѣднику не представлялось еще возможности проникнуть внутрь страны Вятичей и «многихъ изъ нихъ просвѣтить святою вѣрою», какъ свидѣтельствуемъ о дѣятельности Св. Кукши писатель Печерскаго Патерика (67). Этого не потерпѣлъ бы тогда и самый народъ, глубоко преданный своему язычеству и враждебно относившійся ко всему русскому. Потому-то и профессоръ Е. Голубинскій, въ своей исторіи Русской Церкви, замѣчаетъ, что пока Вятичи пользовались самоуправленіемъ, до тѣхъ поръ нельзя было и думать о распространеніи между ними христіанства (68). Кромѣ того, если бы преподобный Несторъ писалъ свою лѣтопись послѣ того, какъ Св. Кукша, въ извѣстной мѣрѣ, успѣлъ уже распространить между Вятичами христіанство; то онъ не изобразилъ бы ихъ полными язычниками, не знающими истиннаго Бога и живущими по всей языческой старинѣ. Выраженіе Нестора: «се же творять Вятичи нынѣ» — показываетъ, что во дни лѣтописца лучи евангельскаго свѣта не успѣли еще проникнуть въ темную, языческую страну Вятичей. Равнымъ образомъ, молчаніе преподобнаго Нестора о Св. Кукшѣ «въ сказаніи о Печерскихъ чер-

(67) Печ. Патер. на слав. языкѣ, стр. 136—137.

(68) Ист. Р. Церкви, Е. Голубинскаго, на стр. 180.

норизцахъ» свидѣтельствуемъ о томъ, что онъ не зналъ о подвигахъ Св. Кукши среди Вятичей, о его чудесахъ и «различныхъ знаменіяхъ» его проповѣди, которыя притомъ засвидѣствованы были мученическою кончиною и нетлѣніемъ святыхъ его мощей.

Другой отечественный историкъ—Карамзинъ относитъ проповѣдь Св. Кукши и крещеніе Вятичей къ исходу XI или къ началу XII вѣка (69). Въ исходѣ XI вѣка совершилось событіе, имѣвшее огромное вліяніе на судьбу Вятичей,—это Любецкій съѣздъ, возвратившій землю Вятичей законнымъ ея владѣтелямъ—Святославичамъ. Съ этого времени здѣсь начали водворяться новые порядки, предъ которыми должны были пасть своеволіе и самоуправство этого воинственного племени, а вмѣстѣ съ этимъ открывался доступъ къ нему и для христіанскихъ проповѣдниковъ. Тѣмъ не менѣе просвѣщеніе Вятичей проповѣдію Св. Кукши могло совершиться не прежде, какъ были приняты должныя мѣры къ удержанію ихъ въ полной покорности новымъ владѣтелямъ, т. е., когда по землѣ Вятичей успѣла уже раскинуться сѣть городовъ съ княжескими въ нихъ посадниками и тиунами; а для этого требовалось, конечно, болѣе или менѣе значительное время. Точно также и Черниговская епископія, при скудости просвѣтительныхъ своихъ средствъ, не могла въ короткое время организовать духовной миссіи для просвѣщенія многочисленныхъ язычниковъ; она нуждалась въ содѣйствіи Кіево-печерской обители и могла собраться съ силами только по времени. Все это, въ связи съ свидѣтельствомъ преподобнаго Нестора о Вятичахъ, какъ язычникахъ, приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что проповѣдь Св. Кукши и крещеніе Вятичей послѣдовали не въ исходѣ XI вѣка, а въ XII

(69) Истор. Россійскаго Государства, т. 2, прим. 123.

вѣкѣ и притомъ—не въ первомъ его десятилѣтіи, когда живъ былъ еще преподобный Несторъ.

Высокопреосвященный митрополитъ Макарій, въ своей Исторіи Русской Церкви, такъ разсуждаетъ о времени просвѣщенія Вятичей проповѣдію Св. Кукши: «Это—говоритъ онъ—случилось не прежде XII вѣка: потому что къ концу XI и въ началѣ XII вѣка, какъ свидѣтельствуется современный лѣтописецъ, Вятичи были еще язычниками или, по крайней мѣрѣ, твердо держались нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ; но и не позже первой половины XII вѣка; потому что, по словамъ св. Симона, въ тотъ самый день, когда преподобный Кукша и ученикъ его были замучены Вятичами, скончался въ Кіево-печерскомъ монастырѣ преподобный Пименъ постникъ (70). А Пименъ постникъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ и, вѣроятно, старѣйшихъ братій Кіево-печерскаго монастыря еще при игуменѣ Никонѣ (1078—1088), которые приходили къ преподобному Никитѣ затворнику, чтобы своими молитвами освободить его отъ обольщеній діавола; слѣдовательно могъ умереть не далѣе первой половины XII вѣка» (71). Мнѣніе высокопреосвященнаго Макарія составляетъ послѣднее слово исторической науки объ интересующемъ насъ вопросѣ. Этому мнѣнію держатся почти всѣ историческіе писатели, которые имѣли поводъ упоминать о проповѣди Св. Кукши, и въ подтвержденіе его не прибавляютъ ни одного основанія къ тѣмъ, которыя уже высказаны этимъ просвѣщеннѣйшимъ историкомъ и богословомъ нашей отечественной церкви.

Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ въ исторической наукѣ существуетъ еще предположеніе Черниговскаго архі-

(70) Посл. Симона къ Поликарпу; П. Собр. Лѣтоп. 1. 6.

(71) Исторія Р. Церкви, т. 2, стр. 21.

епископа Филарета, который обращеніе Вятичей къ вѣрѣ Христовой относитъ къ первой трети XII вѣка. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ предметѣ въ своей Исторіи Русской Церкви: «Такъ какъ Симонъ, сперва Печерскій инокъ, а съ 1215 года епископъ, говоритъ о Кукшѣ какъ о жившемъ не такъ близко, чтобы не нужно было указывать на голосъ другихъ, и не такъ далеко, чтобы не осталась о немъ живая память, и такъ какъ Вятичи въ концѣ XI вѣка были еще язычниками; то обращеніе Вятичей къ вѣрѣ совершилось, по всей вѣроятности, въ первой трети XII вѣка (72). Тотъ же преосвященный въ Описаніи Черниговской епархіи сближаетъ подвиги просвѣтителя Вятичей Св. Кукши съ временемъ пребыванія на Черниговской кафедрѣ епископа Θεоктиста и, такимъ образомъ, даетъ намъ основаніе полагать начало проповѣди Св. Кукши между 1113 и 1123 годами святительства Θεоктиста (73).

Мы видѣли, что въ лицѣ блаженнаго епископа Θεоктиста Черниговская кафедра, какъ нельзя болѣе, сближалась съ Печерскою обителью и что теперь именно установлялся между ними тотъ тѣсный духовный союзъ, при которомъ вполне естественно было образованіе въ Черниговской епархіи миссіи при содѣйствіи Печерской обители и подъ настоятельствомъ Св. Кукши. Къ этому времени Святославичи съ своей стороны могли также принять всѣ, зависящія отъ нихъ, мѣры къ утвержденію своей власти среди безпокойныхъ Вятичей и придти къ мысли о необходимости распространенія между ними вѣры Христовой. Но при этомъ мы желали бы еще остановиться вниманіемъ на одномъ вопросѣ, именно: когда и при какихъ обстоятельствахъ святительства блаженнаго епи-

(72) Истор. Р. Церкви, пер. 1, стр. 22.

(73) Опис. Черниговской Епархіи, на стр. 14.

скопа Теокиста Св. Кукша оставилъ Печерскую обитель и предпринялъ свое путешествіе въ землю Вятчей? Конечно, за неимѣніемъ на это прямаго отвѣта въ лѣтописяхъ, мы должны будемъ обратиться къ историческимъ соображеніямъ и при помощи ихъ искать возможнаго рѣшенія поставленнаго нами вопроса.

Не легко было Св. Кукшѣ, въ виду проповѣди упорнымъ язычникамъ, осудить себя на всѣ лишенія, скорби, мученія и самую смерть, чего не могла не знать или, по крайней мѣрѣ, не предчувствовать святая душа его. Но не въ этомъ одномъ заключалось величіе нравственнаго его подвига. Блаженный Кукша еще въ стѣнахъ обители настолько воспитался для Неба, что для него, какъ и для великаго Апостола языковъ, было «еже жити—Христось, а еже умрети—пріобрѣтеніе» (74). Мы болѣе всего удивляемся его рѣшимости оставить навсегда Печерскую обитель и проститься съ сонмомъ ея подвижниковъ на вѣки, до будущаго свиданія съ ними въ невечернемъ дни царствія Христова; удивляемся и благоговѣемъ предъ этою рѣшимостью, потому что знаемъ, какая крѣпкая любовь соединяла тогда Печерскихъ иноковъ съ святою обителью и съ сподвижниками по духу. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ и чувствовалъ блаженный Агапитъ Печерскій, когда игумень Іоаннь, по просьбѣ Владиміра Мономаха, побуждалъ его идти, на самое короткое время, въ Черниговъ для поданія цѣлебной помощи этому христіолюбивому князю: «Спаси меня, Господи, ради славы челоуѣческой выйти за монастырскія ворота. Не сдѣлаюсь я отступникомъ отъ обѣта, который далъ передъ Богомъ, чтобы быть мнѣ въ монастырѣ до послѣдняго издыханія. Если же ты из-

(74) Посл. Ап. Павла къ Филиппійцамъ 1, 21.

гонишь меня, — продолжалъ Агапитъ, — я пойду въ другое мѣсто, пока минетъ эта бѣда» (75). Другой Печерскій подвижникъ, св. Симонъ, возванный Провидѣніемъ на святительскій престолъ во Владимірѣ, такъ выражаетъ пламенные чувства свои къ оставленной имъ обители: «На одну крупицу братской трапезы я промѣнялъ бы весь, лежащій передо мною, обѣдъ. Свидѣтель въ томъ мнѣ Господь, что не коснулся бы я никакого кушанья, еслибъ только былъ у меня ломоть хлѣба и чечевица, приготовленные на святую братію»... «Я бы радъ былъ, — говоритъ тотъ же епископъ Симонъ въ письмѣ къ другу своему, Печерскому черноризцу Поликарпу, — оставить свою епископію и работать въ томъ святомъ Печерскомъ монастырѣ. И говорю я это, братъ мой, не для того, чтобы величать самого себя, а чтобы только подѣлиться съ тобою своими чувствами. Святительства нашего власть ты самъ знаешь, и кто не знаетъ меня грѣшнаго, епископа Симона, и этой соборной церкви, красоты Владиміра, и другой, Суздальской церкви, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ на нихъ по всей землѣ той. И всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. А между тѣмъ все это оставилъ бы я... Вѣдаетъ Господь тайное, — истинно говорю тебѣ: сейчасъ же всю эту славу и честь за ничто вмѣнилъ бы, лишь бы коломъ торчать за воротами, валяться соромъ въ Печерскомъ монастырѣ, чтобы люди попирали меня, или сдѣлаться однимъ изъ убогихъ, просящимъ милостыни у воротъ честной лавры. Это лучше было бы для меня временной сей чести; больше желалъ бы я провести одинъ день въ дому Божіей Матери, чѣмъ жить ты-

(75) См. о Св. и блаж. Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, въ Печ. Патерикѣ.

сѣчу лѣтъ въ селеніяхъ грѣшниковъ»... «Оттого я грѣшный, — восклицаетъ еще епископъ Симонъ, — тужу, скорблю и плачу, и желаю тамъ скончаться, чтобы только положеннымъ быть въ той божественной землѣ и принять малую отраду отъ многихъ грѣховъ моихъ» (76). Какъ велика была любовь Печерской братіи къ своей обители и другъ къ другу, объ этомъ свидѣтельствуется еще преподобный Несторъ: «Если который нибудь братъ, — говоритъ онъ, — уходилъ изъ монастыря, въ такомъ случаѣ вся братія сильно печалилась о томъ; посылали за ушедшимъ, и, призвавши его въ монастырь, шли къ игумену, кланялись, просили за него, и принимали съ радостію. Таковы-то были любящіе» (77)! Извѣстны также и чувства Черниговскаго князя Святоши къ святой Печерской обители. Его не могли отвлечь отсюда ни слезы нѣжныхъ родителей, ни просьбы любящихъ братьевъ, ни увѣщанія прежнихъ друзей, оплакивавшихъ въ немъ лучшія свои надежды въ этомъ заманчивомъ мірѣ. Великая благодатная сила соединяла тогда братьевъ этой дивной обители!

Безъ сомнѣнія, такія же чувства соединяли и Св. Кукшу съ Печерскою обителью, — этимъ духовнымъ Едемомъ не земныхъ радостей, и съ сонмомъ Печерскихъ подвижниковъ, — этими свѣтоносными звѣздами на облагодатствованномъ горизонтѣ вѣры, надежды и любви Христовой. Потому мы думаемъ, что Св. Кукша могъ оставить возлюбленную имъ обитель только подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, которыя служили бы для него явнымъ призваніемъ свыше и вмѣстѣ нравственною поддержкою въ борьбѣ съ столь трудною рѣшимостью. Эти обстоятельства мы

(76) Посл. Симона къ Поликарпу.

(77) Сказаніе преп. Нестора о Печ. черноризцахъ.

созерцаемъ въ глубокомъ омраченіи Вятичей и въ скудости просвѣтительныхъ средствъ Черниговской епархіи, о чемъ Св. Кукша могъ узнать отъ блаженнаго епископа Теокиста, — въ высокомъ уваженіи всей Печерской обители къ этому святителю, какъ бывшему духовному ея вождю и благодѣтелю, — въ непосредственномъ ходатайствѣ Теокиста предъ Печерскою братією о необходимой ему помощи въ исполненіи архипастырскаго долга и, наконецъ, въ личныхъ отношеніяхъ къ нему самого Кукши, — въ ихъ богопросвѣщенной дружбѣ. Всего естественнѣе думать, что Св. Кукша рѣшился на этотъ подвигъ и далъ обѣтъ апостольства не въ тиши своей келліи, а въ соучастіи Печерскихъ подвижниковъ, побуждаемыхъ къ тому личнымъ присутствіемъ, ходатайствомъ и просьбою Черниговскаго архипастыря. На это указываетъ отчасти и тотъ крѣпкій духовный союзъ, который сохранялся между Кукшею и Печерскою братією во время отдаленнаго его благовѣстія, до дня мученической его кончины; этого требовало и самое дѣло проповѣди среди язычниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ идти на проповѣданіе слова Божія въ землю Вятичей, Св. Кукшѣ необходимо было получить предварительныя архипастырскія наставленія; нужно было установить самый планъ проповѣди и рѣшить многіе вопросы согласно съ волею того, въ чье духовное вѣдѣніе имѣли поступить всѣ новообращенные изъ язычниковъ. Напримѣръ: откуда начать проповѣдь въ обширной странѣ Вятичей? — насколько можно и должно снисходить къ слабости и неподготовленности новообращенныхъ, этихъ младенцевъ по вѣрѣ, къ высокому образу христіанской жизни? — какъ поступать съ многоженцами, которыхъ такъ много было между Вятичами? — какъ относиться къ ихъ обрядамъ — умы-

канія женъ, сожженія мертвецовъ, празднованія тризны? и т. п. Такъ все склоняетъ насъ къ тому убѣжденію, что рѣшимость Св. Кукши оставить Печерскую обитель и выступленіе его на проповѣдь предшествовались и условливались личнымъ посѣщеніемъ Печерской обители со стороны Черниговскаго архипастыря Теокиста. Между тѣмъ въ исторіи Русской церкви былъ одинъ случай, привлекшій этого святителя въ городъ Кіевъ и, какъ нельзя болѣе, благопріятствовавшій образованію духовной миссіи для просвѣщенія Вятичей. Мы разумѣемъ перенесеніе мощей св. мучениковъ Бориса и Глѣба, происходившее 2-го мая 1115 года. Вотъ краткій очеркъ этого торжества, которое, какъ мы думаемъ, послужило зарею новой, благодатной жизни для обитателей Орловскаго края.

Нетлѣнные мощи св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба погребены были въ Вышгородѣ (78), въ деревянной церкви св. Василя, построенной равноапостольнымъ Владиміромъ. Когда церковь эта сгорѣла, Ярославъ Мудрый надъ гробомъ своихъ братьевъ соорудилъ новый деревянный храмъ, въ который перенесъ изъ-подъ спуда нетлѣнные ихъ мощи, и тогда же, по соглашенію съ митрополитомъ Иларіономъ, постановилъ праздновать въ этотъ день (24 іюля) память мученической ихъ кончины. Спустя 40 лѣтъ послѣ этого, великій князь Изяславъ, на мѣстѣ прежней обветшавшей, построилъ новую деревянную церковь во имя почивавшихъ тамъ св. мучениковъ—князей Бориса и Глѣба. На праздникъ освященія этой церкви и перенесенія мощей присутствовалъ и Черниговскій князь Святославъ Ярославичъ съ епископомъ Неофи-

(78) Село Вышгородъ находится въ 17 верстахъ отъ Кіева вверхъ по теченію Днѣпра, на древней горѣ Хоревцѣ. Это село было любимымъ мѣстопробываніемъ Св. Ольги.

томъ. Это было 2-го мая 1072 г. Такъ, надъ гробомъ св. страстотерпцевъ, почитавшихся главными заступниками Руси, грозою враговъ и поборниками ея воинствъ, въ короткое время смѣнилось три храма и ни одинъ изъ нихъ не соотвѣтствовалъ величію столь прославленныхъ Угодниковъ Божіихъ. Потому, когда Святославъ Черниговскій, занимавшій Кіевскій престолъ по случаю изгнанія Изяслава, вознамѣрился надъ гробами св. мучениковъ построить великолѣпный каменный храмъ, то благочестивое предпріятіе его было встрѣчено общимъ сочувствіемъ въ городѣ Кіевѣ. Храмъ заложенъ въ 1075 году; но едва фундаментъ его былъ выведенъ изъ земли, какъ Святославъ скончался, а съ нимъ надолго остановилась и постройка храма. Уже послѣ Любецкаго съѣзда дѣло это принялъ на себя старшій изъ Святославичей Олегъ, князь Сѣверскій. Искушенный бѣдствіями изгнанія и скитальничества внѣ предѣловъ отечества, этотъ князь желалъ выразить свою благодарность сродникамъ по плоти и небеснымъ покровителямъ своимъ, св. мученикамъ Борису и Глѣбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ богатыми жертвами на довершеніе начатаго его отцемъ храма, быть можетъ, имѣлъ въ виду напомнить Кіевлянамъ и о своихъ правахъ на великое княженіе... Къ 1112 году храмъ былъ оконченъ; но великій князь Святополкъ II, какъ говоритъ св. Димитрій Ростовскій. «завидуя Олегу, не изъявлялъ своего согласія на перенесеніе мощей святыхъ мучениковъ въ ту каменную церковь» (79). Освященіе этого храма послѣдовало уже на закатѣ дней Олега, когда рушились всѣ виды его на великое княженіе и когда великимъ княземъ въ Кіевѣ былъ младшій родственникъ его Владиміръ Мономахъ.

(79) Четьи-Минеи, мѣсяць май, 2 число.

Ко дню освященія, по особому извѣщенію о томъ со стороны великаго князя, собралось такое множество со всей Руси князей, бояръ и всякаго чина и званія людей, что, какъ говоритъ св. Димитрій Ростовскій, «Вышгородъ не могъ вмѣстить въ себѣ собранныхъ властей и народа». Первое мѣсто между всѣми посѣтителями принадлежало, конечно, самому Олегу, главному виновнику праздника, и брату его Давиду Святославичу, которые прибыли на это торжество съ своими сыновьями, вельможами и боярами, а въ ряду собравшихся святителей, послѣ митрополита Никифора, первое мѣсто отдано было Черниговскому епископу Θεоктисту. Тутъ было множество игуменовъ, между которыми первенствовалъ блаженный Прохоръ Печерскій, бывшій преемникомъ Θεоктиста. А быть можетъ, въ сонмѣ священнаго собора, вмѣстѣ съ игуменомъ Прохоромъ, находился и блаженный Кукша.... По освященіи храма, 1 мая, всѣ князья, святители и всѣ сослужившіе имъ пользовались богатымъ угощеніемъ князя Олега, который, кромѣ того, три дня угощалъ трапезою всѣхъ странныхъ и убогихъ. На другой день, 2 мая, происходило торжественное перенесеніе святыхъ мощей Бориса и Глѣба, въ сопровожденіи такого множества усердствующаго народа, что Владиміръ Мономахъ велѣлъ, для очищенія пути освященному собору и князьямъ, везшимъ святые раки мучениковъ на богато украшенныхъ саняхъ, бросать въ густыя волны народа разныя ткани, одежды, драгоценныя мѣха и серебрянники ⁽⁸⁰⁾. Когда же при этомъ между Владиміромъ Мономахомъ и Черниговскими князьями Давидомъ и Олегомъ вышло разногласіе изъ—за того, гдѣ поставить мощи мучениковъ,—посреди ли храма,

⁽⁸⁰⁾ Словарь Историч. о Святыхъ, прославленныхъ въ Р. Церкви, на стр. 40—41.

какъ желалъ того Мономахъ, или же въ правой его сторонѣ, на особо для того устроенномъ и богато украшенномъ мѣстѣ, какъ предполагалъ еще Святославъ и на чемъ настаивали теперь его сыновья; то митрополитъ Никифоръ и прочіе святители, изъ уваженія, конечно, къ строителю храма Олегу, предложили обѣимъ сторонамъ положиться на волю св. мучениковъ и рѣшить споръ жребіемъ. Вынутый на престолѣ жребій былъ Давидовъ и Олеговъ.

Никогда еще Черниговскіе князья, владѣтели Вятичей, не находились въ столь близкомъ общеніи съ Кіевскимъ митрополитомъ и Печерскими подвижниками, какъ въ эти достопамятные дни своего пребывания въ Вышгородѣ и Кіевѣ. Теперь митрополитъ и Печерскій игуменъ пользовались ихъ гостепріимствомъ и, въ свою очередь, съ такимъ же радушіемъ принимали ихъ въ своихъ келліяхъ. Князь Давидъ не разъ посѣщалъ въ Печерскомъ монастырѣ своего нѣжно любимаго сына Николу Святошу, а Олегъ—своего племянника. Оба они съ сыновьями и боярами молились въ святой Печерской церкви, заложенной ихъ отцемъ; лобызали нетлѣнныя мощи великихъ основателей лавры; бесѣдовали съ сонмомъ святыхъ людей Божіихъ; вкушали ихъ трапезу и, безъ сомнѣнія, оставили здѣсь немалыя лепты своей благотворительности. Мы не говоримъ уже о томъ, что это было самое благопріятное время и для ходатайства ихъ предъ митрополитомъ Никифоромъ и Печерскою обителью о поданіи духовной помощи ихъ подданнымъ; не упоминаемъ и о примѣрномъ благочестіи тогдашняго великаго князя, коему притомъ духовныя нужды Вятичей были особенно извѣстны. При нихъ безотлучно находился блаженный епископъ Теокистъ. Если бы сами князья и упустили изъ вида такое ходатайство,

то не могъ забыть архипастырскаго своего долга и призванія епископъ Оеоктисть... Въ числѣ богатыхъ средствъ, затраченныхъ Олегомъ на устроение великолѣпнаго храма въ честь страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, были, конечно, и жертвы подвластныхъ ему Вятичей. Правда, это были жертвы не добровольныя; но и такія даянія не забываются тѣми, къ кому они бывають обращены; они часто снискивають благодать какъ предъ людьми, такъ и особенно предъ всещедрымъ Подателемъ всѣхъ благъ... И вотъ, не подъ влияніемъ ли всѣхъ этихъ обстоятельствъ зародилась и окрѣпла трудная рѣшимость Св. Кукши—оставить все, что было для него самаго дорогаго на землѣ, и слѣдовать въ землю Вятичей?.. По крайней мѣрѣ, болѣе благопріятнаго времени для образованія просвѣтительной миссіи и выступленія Св. Кукши на проповѣдь Вятичамъ не можетъ представить исторія нашей отечественной Церкви.

О проповѣднической дѣятельности Св. Кукши въ землѣ Вятичей мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство св. Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго: «Могу ли я»,—писалъ онъ въ своемъ посланіи къ Печерскому черноризцу Поликарпу,—«умолчать и о семъ священномученикѣ, черноризцѣ того же Печерскаго монастыря, Кукшѣ, о которомъ всѣ вѣдають, како бѣсы прогна и Вятичи крести, дождь сведе и езеро изсуши, и много чудесъ сотвори, и по многихъ мукахъ усѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ Никономъ» (81). Печерскій Патерикъ въ такихъ выраженіяхъ передаетъ это сказаніе св. Симона: «Блаженный

(81) Ркп. посланіе Симона къ Поликарпу.—Истор. Р. Ц. Макарія, т. 2, стр. 22.

священномученикъ, нарицаемый Кукша, единъ отъ отецъ Печерскаго монастыря, всѣмъ знаемъ бѣ, зане Вятчанъ людей невѣрствіемъ помраченныхъ крести, и многихъ вѣрою просвѣти. Многа же и велика чудеса сотвори, бѣсы прогна, дождь съ небесе сведе, езеро изсуши, и ина различна удивительная знаменія послѣдоваша ему. Таже по многихъ мукахъ отъ невѣрныхъ усѣченъ бысть съ ученикомъ своимъ. Таже прозрѣвъ Пимень Постникъ усѣченіе блаженнаго Кукши, отстоящаго далече, посреди церкви Печерскія велегласно возопи: братъ нашъ Кукша въ сей день противо свѣта убіенъ есть. И сія рекъ, преставися во единъ день съ Кукшею святымъ и ученикомъ его» (82). Вотъ все, что сохранила намъ древность о просвѣтителѣ Вятичей. Потому остановимъ наше вниманіе на этихъ немногихъ чертахъ изъ жизни великаго проповѣдника и, при помощи ихъ, постараемся хотя сколько-нибудь приблизиться къ уразумѣнію эпохи религіозно-нравственнаго возрожденія нашихъ предковъ.

Блаженный священномученикъ, нарицаемый Кукша, единъ отъ отецъ Печерскаго монастыря... Какое имя получилъ Кукша въ св. крещеніи и потомъ въ иночествѣ,—это навсегда осталось тайною на землѣ. Св. Церковь причла его къ лику святыхъ угодниковъ Божіихъ подъ тѣмъ именемъ, которое онъ получилъ въ язычествѣ при самомъ рожденіи. Отсюда мы имѣемъ право думать, что онъ родился и воспитался въ средѣ языческой, а не христіанской, и слѣдовательно—своимъ обращеніемъ ко Христу обязанъ былъ не родителямъ, а непосредственному дѣйствию благодати Божіей, призывавшей его къ спасенію для обращенія чрезъ него многихъ невѣрующихъ. Въ виду этого болѣе понят-

(82) Печ. Патер. на стр. 136—137.

ною становится для насъ и великая ревность его о славѣ Божіей: кто самостоятельно созналъ тщетность языческихъ вѣрованій, уразумѣлъ вѣчную истину и плѣнился ея небеснымъ свѣтомъ и красотою; тому естественно желать, чтобы и другіе не оставались во тьмѣ языческаго невѣдѣнія и нечестія. Всего же болѣе освѣщается ревность Св. Кукши предположеніемъ о происхожденіи его изъ племени Вятичей. Вотъ что говоритъ по этому поводу высокопреосвященный Филаретъ Черниговскій: «Языческое имя Кукши и самое званіе проповѣдника Вятичей даютъ право положить, что преп. Кукша самъ былъ урожденцемъ страны Вятичей и любовь святая къ соплеменникамъ, страдающимъ отъ язычества, вызвала его на многострадальный апостольскій подвигъ среди Вятичей» («Русскіе Святые,» 27 ч. Августа). Достопочтенный же авторъ «Исторіи Церкви въ предѣлахъ Калужской губерніи,» населенной, какъ извѣстно, племенемъ Вятичей, рассуждаетъ о происхожденіи Св. Кукши такъ: «Сохраненіе при немъ (просвѣтителѣ Вятичей) языческаго имени, вѣроятно—въ отличіе отъ другихъ своихъ собратій по обители, даетъ разумѣть, что онъ былъ иноплеменникъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, изъ Вятичей. Мы знаемъ, что еще при преподобномъ Антоніѣ монастырь Печерскій имѣлъ до ста братій, которые стеклись со всѣхъ концовъ Россіи, изъ всѣхъ сословій, иные же приходили отъ другихъ народовъ: Антоній изъ Любеча, Θεодосій изъ области Курской, сопредѣльной Вятичамъ, Исаакій изъ Торопца, Ареѳа изъ Полоцка, Ефремъ—Грекъ, Моисей—Угринъ (Мадьяръ)... Слѣдовательно, нѣтъ ничего неправдоподобнаго предположить, что въ такой разнообразной по происхожденію семьѣ Св. Кукша былъ изъ Вятичей. Да и чѣмъ ближе, какъ не этимъ предположеніемъ, можно объ-

яснить себѣ его апостольскую ревность къ просвѣщенію этого племени? Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по замѣчанію ученаго Шафарика, Вятичи, какъ пришлецы съ береговъ Вислы, безъ сомнѣнія, вначалѣ отличались своимъ нарѣчіемъ отъ ближнихъ сосѣдей—Ильменскихъ Славянъ и Сѣверянъ, конечно и Полянъ (Кіевскихъ); и потому необходимо было для проповѣди среди ихъ слова Божія явиться человѣку съ знаніемъ мѣстнаго нарѣчія. Это замѣчаніе ученаго славяниста,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—вполнѣ оправдывается и мѣстными наблюденіями» (83)...

Соглашаясь съ мнѣніемъ упомянутаго автора и его аргументаціей относительно происхожденія Св. Кукши изъ племени Вятичей, съ своей стороны мы можемъ присоединить еще, что если для христіанскаго проповѣдника въ землѣ Вятичей необходимо было знаніе мѣстнаго ихъ нарѣчія, то, въ свою очередь, успѣхамъ его проповѣди могло способствовать также основательное знакомство съ племеннымъ ихъ бытомъ,

(83) „Жители лѣсной полосы уѣздовъ Козельскаго и Монастырскаго называютъ сами себя, а чаще называются отъ своихъ сосѣдей—Полехами, т. е. жителями полѣсья. Полехи доселѣ говорятъ особымъ нарѣчіемъ, о которомъ другіе выражаются насмѣшливо, что они говорятъ какъ-то на—изворотъ. И это замѣчаніе отчасти справедливо: нарѣчіе Полеховъ запечатлѣно особенностію не только произношенія, но и состава рѣчи. Подъ покровомъ его, по всей вѣроятности, таится первоначальное нарѣчіе Вятичей, которые нѣкогда, по свидѣтельству лѣтописца, всѣ были полехами, т. е., жили въ лѣсахъ, покрывавшихъ сплошь занятія ими земли. Необщительный характеръ кладетъ на Полеховъ печать какой-то дикости и нелюдимства, а особенность ихъ нарѣчія, подающая другимъ поводъ къ насмѣшкамъ, усиливаетъ это послѣднее свойство“. См. Истор. Церкв. въ пред. Калуж. губерн. на стр. 10—11 и прим. 32. См. также Истор. очерки г. Болхова, на стр. 29—30.

различными вѣрованіями, нравами и обычаями, чѣмъ, какъ свидѣтельствуемъ преподобный Несторъ, Вятичи рѣзко отличались въ семьѣ своихъ сосѣдей—Русскихъ Славянъ. Равнымъ образомъ мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія и на то обстоятельство, что Св. Кукша навсегда сохранилъ языческое свое имя въ стѣнахъ Печерской обители; а что онъ извѣстенъ былъ здѣсь подъ этимъ именемъ отъ вступленія своего въ святую обитель и до дня мученической своей кончины, въ томъ вполнѣ удостовѣряютъ насъ предсмертныя слова постника Пимена, произнесенныя имъ въ присутствіи всей братіи, среди великой Печерской церкви: «братъ нашъ Кукша въ сей день противу свѣта убіенъ есть». Предположеніе, что за Св. Кукшею оставалось это имя «въ отличіе отъ другихъ его собратій по обители», едва ли можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ этого знаменательнаго факта. Уже одно это обстоятельство свидѣтельствуемъ о предпочтеніи Св. Кукши въ ряду соименныхъ ему Печерскихъ подвижниковъ; но спрашивается: почему же сдѣлано было такое предпочтеніе Св. Кукшѣ при самомъ вступленіи его въ сонмъ Печерской братіи? И опять: почему это названіе осталось за нимъ и тогда, когда онъ успѣлъ уже явить великіе плоды духовныхъ своихъ подвиговъ,—получилъ священный санъ, сдѣлался просвѣтителемъ невѣрныхъ, дивнымъ чудотворцемъ и мученикомъ? Послѣ этого для него, какъ и для многихъ другихъ великихъ его сподвижниковъ, могли бы составить особую характеристику самые его подвиги, какъ характеризуются, на примѣръ,—Матѳеѣй прозорливецъ, Григорій чудотворецъ, Исаія постникъ и многіе другіе... Не указываетъ ли это обстоятельство на то, что первоначальное имя Св. Кукши среди Печерской братіи

было особенно характеристично, именно—какъ имя перваго выходца изъ темной языческой страны, имѣвшей впослѣдствіи просвѣтиться чрезъ него, и вмѣстѣ—какъ имя извѣстное и знаменитое въ самомъ мірѣ, оправданное затѣмъ въ иноческой жизни великими подвигами своего представителя? Мы знаемъ, что нѣкоторые и изъ Русскихъ князей, вступившихъ въ иноческій чинъ, остались навсегда извѣстными подъ прежними языческими своими именами (84). Въ самомъ дѣлѣ, характерное отличіе имени, священный санъ въ средѣ богоносныхъ отцевъ, требовавшій извѣстной степени образованія, въ то время доступнаго весьма немногимъ,—рѣшимость взять на себя трудное дѣло благовѣстія въ странѣ грубаго идолопоклонства, высокое довѣріе къ его силамъ со стороны Печерской обители и церковной іерархіи,—не есть ли все это доказательство того, что Св. Кукша еще въ мірѣ пользовался извѣстностью и былъ не простаго происхожденія?... И вотъ, если достойно вѣроятія предположеніе, что онъ былъ родомъ изъ племени Вятичей, то съ неменьшею вѣроятностью можно допустить и то, что онъ происходилъ изъ какой-нибудь родовой или княжеской фамиліи этого племени, что, въ свою очередь, могло воспламенять въ немъ ревность о спасеніи своихъ единоплеменниковъ и поддерживать въ немъ безстрашіе въ борьбѣ съ упорными врагами вѣры Христовой.

Когда же и при какихъ обстоятельствахъ Св. Кукша могъ сдѣлаться выходцемъ изъ своего племени? Принимая во вниманіе, что Св. Кукша, находясь въ Печерской обители, оказалъ великіе успѣхи въ духовной жизни, а съ другой стороны, что про-

(84) Таковъ, напримѣръ, благовѣрный великій князь Игорь Ольговичъ, умерщвленный Кіевлянами въ 1147 году.

повѣдническая дѣятельность его среди Вятичей, какъ увидимъ въ послѣдствіи, продолжалась въ теченіи многихъ лѣтъ, нужно думать, что оставленіе имъ своей родины и обращеніе въ христіанство послѣдовали въ молодые годы его жизни и, конечно, вызваны были какими-нибудь чрезвычайными обстоятельствами въ его фамильной или личной судьбѣ. И кто знаетъ, не походы ли доблестнаго Владимира Мономаха въ землю Вятичей «на Ходату и сына его и по Корьдну» служили зарею спасенія для Св. Кукши, который, будучи еще тогда молодымъ человѣкомъ, могъ обратитъ на себя благосклонное вниманіе князя своею храбростью и, послѣ пораженія своихъ единоплеменниковъ, тогда же стать въ ряды побѣдосной его дружины!... Но не входя въ дальнѣйшія сужденія о томъ, надъ чѣмъ положено темное покрывало давно минувшихъ дней, скажемъ только, что если Св. Кукша и во время пребыванія своего въ Печерской обители извѣстенъ былъ подъ этимъ именемъ, то тѣмъ съ большимъ удобствомъ онъ могъ пользоваться имъ среди язычниковъ, давая какъ бы чрезъ то разумѣть, что и онъ нѣкогда раздѣлялъ всѣ ихъ заблужденія, пока Господь не озарилъ его своимъ свѣтомъ, — подобно тому, какъ и великій Апостоль языкъ, выступивъ на проповѣдь язычникамъ, отказался отъ іудейскаго имени Савла и остался навсегда извѣстенъ въ Церкви подъ именемъ Павла, которое сближало его съ Римскими гражданами (85).

Всѣмъ знаемъ бы, зане Вятчанъ людей невѣрствіемъ помраченныхъ крести, и многихъ въпрою просвѣтити.. Чѣмъ многочисленнѣе и упорнѣе непріятели, тѣмъ блистательнѣе и славнѣе надъ ними побѣда. Слава и извѣстность Св. Кукши основывались именно на упор-

(85) Дѣянія Апостоловъ, гл. 13, ст. 9 и дал.

ствѣ Вятичей въ язычествѣ и преданности ихъ своимъ обычаямъ. Замѣчаніе же св. Симона, епископа Владимірскаго, что о Св. Кукшѣ «всѣ вѣдаютъ»..., показываетъ, что, и спустя сто лѣтъ по смерти этого проповѣдника, подвиги его были еще хорошо извѣстны; о нихъ болѣе всего, конечно, знали въ Кіевѣ, откуда онъ вышелъ на проповѣдь, а также въ Черниговѣ, коему онъ подчинилъ въ духовномъ отношеніи многочисленный, язычествовавшій дотолѣ, народъ, и наконецъ, — въ землѣ Вятичей, которые считали его своимъ апостоломъ. Эта-то, быть можетъ, извѣстность Св. Кукши во дни Симона и была отчасти причиною того, что онъ не счелъ нужнымъ распространяться въ своемъ посланіи о подвигахъ всѣмъ извѣстнаго проповѣдника; почему и мы такъ мало имѣемъ о немъ свѣдѣній. Впрочемъ, что касается до выраженія — «Вятичи крести;» то мы не можемъ принимать его въ томъ смыслѣ, что теперь всѣ Вятичи приняли св. крещеніе. Думать такъ не позволяетъ намъ какъ мученическая смерть Св. Кукши отъ рукъ невѣрныхъ, такъ и извѣстіе о существованіи язычества въ нѣкоторыхъ пунктахъ этого края до XV вѣка (86). Побѣда Св. Кукши надъ язычествомъ Вятичей состояла въ томъ, что онъ положилъ здѣсь прочное основаніе христіанству крещеніемъ многихъ и, быть можетъ, вліятельнѣйшихъ жителей этой страны, каковы жители городовъ и извѣстнѣйшихъ селеній; послѣ чего свѣтъ вѣры Христовой не только не могъ уже погаснуть здѣсь, но естественно долженъ былъ озарять собою и темныя окрестности отдаленныхъ и мало доступныхъ вначалѣ поселеній. Вообще естественно думать, что распространеніе хри-

(86) См. Сказан. о явленіи чудотворн. образа Св. Николая въ г. Мценскѣ, изд. І. Шерапова.

стіанства въ землѣ Вятичей шло тѣмъ же путемъ, какъ и утвержденіе Русскаго владычества, т. е., посредствомъ городовъ, какъ такихъ пунктовъ, гдѣ сосредоточивалась не только свѣтская власть князей, но и духовное вліяніе Черниговскихъ святителей.

Выраженіе: «и многихъ вѣрою просвѣти»... указываетъ на высшую заслугу Св. Кукши въ отношеніи апостольской его дѣятельности въ землѣ Вятичей. Просвѣщеніе служило прочною гарантією успѣховъ вѣры Христовой въ землѣ Вятичей, — такъ какъ крещенные, но не утвержденные въ вѣрѣ, легко могли еще увлечься языческою стариною и явиться отступниками отъ вѣры Христовой, а кто просвѣтился вѣрою, тотъ не только самъ не послѣдуетъ мраку, но постарается и другихъ привлечь отъ тьмы и заблужденія къ свѣту и истинѣ. Это обстоятельство проливаетъ свѣтъ и на самый характеръ проповѣднической дѣятельности Св. Кукши. Ясно, что онъ искалъ не массы крещаемыхъ, а живой и дѣятельной вѣры; полагалъ свои обязанности не во внѣшнемъ привлеченіи язычниковъ къ христіанству, а въ приведеніи ихъ къ внутреннему союзу со Христомъ; не спѣшилъ крещеніемъ тѣхъ, кои выражали желаніе креститься, а старался оглашать ихъ словомъ истины, раскрывая высокія обязанности христіанина и освѣщая предъ ними путь новой жизни... Отсюда мы имѣемъ право заключать, что при Св. Кукшѣ въ землѣ Вятичей построены были и первые христіанскіе храмы, безъ которыхъ не могли обойтись просвѣщенные вѣрою и въ которыхъ они освящались таинствами и молитвою. Столь широкіе плоды проповѣднической дѣятельности Св. Кукши свидѣтельствуютъ, что съ нимъ во благовѣстїи имени Христова трудились и многія другія лица, или, — что это была, подъ настоятельствомъ Св.

Кукши, правильно организованная миссія для просвѣщенія Вятичей, какъ о томъ было уже замѣчено нами въ своемъ мѣстѣ.

Многа же и велика чудеса сотвори... Чудеса, которыми сопровождалась проповѣдь Св. Кукши въ землѣ Вятичей, восполняли его славу и возбуждали удивленіе современниковъ. Конечно, здѣсь была и личная заслуга проповѣдника: Господь не одарилъ бы его силою чудотвореній, если бы онъ не стяжалъ пламенной вѣры въ Бога и не достигъ высокаго нравственнаго совершенства. Но въ данномъ случаѣ чудеса были допущены Промысломъ не столько для прославленія самого Угодника Божія, сколько для вразумленія и обращенія язычниковъ. Истина всегда имѣла и будетъ имѣть могущественное вліяніе на человека. Однако исторія и ежедневный опытъ свидѣтельствуютъ, что многіе смежаютъ предъ нею глаза, закрываютъ сердце, проповѣдуютъ явную ложь и желаютъ, чтобы и другіе соглашались съ ними. Отъ чего же зависитъ это? Отъ того, что не у всѣхъ людей одинаково развита любовь къ истинѣ, а нѣкоторые и на самую истину пріучаются смотрѣть глазами узкой выгоды и жалкой корысти,—отъ того, что сердце многихъ людей омрачено плотскими пожеланіями и сдѣлалось недоступно для высшихъ и святыхъ чувствованій, а воля укрѣпилась въ превратномъ, эгоистическомъ направленіи и не имѣетъ въ самой себѣ достаточно твердости, чтобы избрать другое направленіе. На такомъ нравственномъ уровнѣ находились и Вятичи въ то время, когда явился къ нимъ съ христіанскою проповѣдью блаженный Кукша. Для того, чтобы проповѣдываемая истина нашла доступъ къ ихъ уму и сердцу, необходимо было потрясти ихъ внѣшнія чувства, поразить ихъ необыкновенными знаменіями

и чудесами, словомъ—необходима была проповѣднику божественная помощь. «Осѣненный благодатию свыше, —говорится о Кукшѣ въ Словарѣ Историческомъ о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви,— онъ творилъ многія чудеса» и «изумленные чудною его силою язычники начали принимать ученіе Св. проповѣдника и креститься». Въ этомъ отношеніи просвѣщеніе Вятичей напоминаетъ собою чудесныя дѣйствія при обращеніи ко Христу многихъ другихъ племенъ и цѣлыхъ народовъ, равно какъ и самыя сверхъестественныя дѣйствія насажденія Церкви Божіей на землѣ.

Бѣсы прогна... Это выраженіе имѣетъ тотъ смыслъ, что Св. Кукша своею проповѣдію, обращеніемъ невѣрныхъ ко Христу и построеніемъ въ ихъ землѣ христіанскихъ храмовъ сокрушилъ и привелъ въ запустѣніе языческіе кумиры, прекратилъ идолослуженіе и освободилъ цѣлый край отъ господства темной силы. Хотя во дни Св. Кукши и не всѣ Вятичи просвѣщены были крещеніемъ; но какъ ночной мракъ постепенно слабѣетъ и разсѣвается въ виду появляющагося на горизонтѣ дневнаго свѣтила, такъ и царство сатаны падаетъ и рушится предъ всеильнымъ крестомъ Спасителя, когда онъ прочно бываетъ водруженъ въ сердца вѣрующихъ.

Дождь съ небесе сведе... Когда въ царствѣ Израильскомъ, во дни Ахава, усилилось идолопоклонство; тогда, по повелѣнію Божію, обличителемъ всеобщаго нечестія явился пророкъ Илія, изъ города Өесвы. Онъ пришелъ къ Ахаву и отъ лица Божія сказалъ ему: «Живъ Господь Богъ Израилевъ! Не будетъ въ слѣдующіе годы ни росы, ни дождя, пока я не скажу». И заключилось небо на три лѣта и шесть мѣсяцевъ. Ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ землѣ Израилѣтянъ, пока они не раскаялись въ своемъ нечестіи и

грозный пророкъ не свелъ имъ дождь съ неба. Тоже, безъ сомнѣнiя, было и въ землѣ Вятичей во время проповѣди Св. Кукши,—т. е. долговременная засуха предшествовала сведенiю дождя съ неба. И въ самомъ дѣлѣ, если бы небо Вятичей не было предъ тѣмъ заключено и земля ихъ не нуждалась давно въ живительной влагѣ, то сверхъестественное дѣйствiе это не потрясло бы язычниковъ, не показалось бы для нихъ чудомъ и, слѣдовательно, не возбудило бы въ нихъ вѣры въ Бога и довѣрiя къ проповѣднику. Чудесное сведенiе дождя необходимо понимать въ связи съ голодными годами въ землѣ Вятичей или, по крайней мѣрѣ, съ долговременною засухою, грозившею уничтожить всѣ плоды жатвы и лишить жителей страны матеріальнаго благосостоянiя. При такихъ обстоятельствахъ, истощивъ тщетныя мольбы къ своимъ богамъ, Вятичи, естественно, могли обратиться къ проповѣднику новой религiи съ обѣщанiемъ креститься, если онъ умолитъ своего Бога объ избавленiи ихъ отъ настоящихъ и грядущихъ золъ. Впрочемъ, возможно также предполагать и то, что народныя бѣдствiя подавали поводъ къ возстанiю противъ христіанскаго проповѣдника, а кудесники, пользуясь настроенiемъ народа, самыя бѣдствiя могли объяснять гнѣвомъ боговъ за отчужденiе отъ нихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ только чрезвычайныя знаменiя могли вразумить заблуждающихся и спасти проповѣдника отъ руки враговъ его.

Езеро изсуши... Вѣсть о чудесномъ низведенiи христіанскимъ проповѣдникомъ дождя съ неба быстро распространилась между Вятичами и, безъ сомнѣнiя, многихъ изъ нихъ привлекла ко Христу. Какимъ же образомъ посредствомъ изсушенiя озера въ данной мѣстности возможно было достигнуть тѣхъ же резуль-

татовъ, и чѣмъ именно могло быть вызвано это чудесное дѣйствіе со стороны Св. Кукши? Нѣтъ сомнѣнія, что какъ сведеніе дождя съ неба, такъ и изсушеніе озера послѣдовало въ виду многихъ свидѣтелей, изъ которыхъ если не всѣ, то большая часть тогда же увѣровала въ истиннаго Бога. А это заставляетъ насъ предполагать, что изсушенное озеро находилось не въ глухомъ и малолюдномъ мѣстѣ, а вблизи какого-нибудь города, и что оно почему-нибудь привлекало къ себѣ огромныя толпы язычниковъ и было всѣмъ имъ хорошо извѣстно. Послѣднее предположеніе находитъ для себя достаточное подтвержденіе въ самыхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ Вятичей. Мы имѣли уже случай упоминать, что въ числѣ обожаемыхъ ими стихій была и вода, которую они олицетворяли въ образѣ Купала; упоминали также и о томъ, какія празднества устраивались ими въ честь этого божества; кромѣ того, какъ извѣстно, всѣ озера и рѣки, по суевѣрному представленію нашихъ предковъ, наполнены были низшими божествами, носившими общее названіе *Водяныхъ*. Такимъ образомъ, можно думать, что и изсушенное Св. Кукшею озеро имѣло для Вятичей религіозный характеръ. Изсушить такое озеро значило уже поколебать вѣру язычниковъ въ силу ихъ боговъ, заставить ихъ усумниться въ существованіи стихійныхъ божествъ и прекратить самыя ихъ сборища у этого мѣста, для чего Св. Кукша могъ воспользоваться однимъ изъ народныхъ праздниковъ. Да иначе и быть не могло. Въ многолюдной языческой странѣ проповѣднику необходимо было пользоваться всякимъ стеченіемъ народа, въ особенности же религіозными сборищами, чтобы имѣть возможность во-время и съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать на язычниковъ словомъ своего убѣжденія

и потрясающими знаменіями. Кромѣ того, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что изсушенное Св. Кукшею озеро имѣло для Вятичей особенное, чрезвычайное значеніе, такъ что вѣсть объ уничтоженіи его затрогивала интересы всего языческаго племени и могла потрясти язычество въ самомъ его основаніи. Къ такому взгляду приводятъ насъ слѣдующія соображенія.

Промыслъ Божій не допустилъ бы этого чуда, если бы съ нимъ не соединялись высшія цѣли вразумленія и обращенія язычниковъ. Изсушеніе озера обыкновеннаго, населяемаго низшими божествами, въ виду котораго происходили религіозныя игрища извѣстной мѣстности, могло бы произвести впечатлѣніе только на свидѣтелей этого чуда, или же, въ большей мѣрѣ, на окрестныхъ жителей. Въ такомъ случаѣ обитатели и другихъ мѣстностей были бы вправѣ, для своего вразумленія, ожидать отъ христіанскаго проповѣдника того же чуда; чрезъ что чудесныя дѣйствія вообще низводились бы на степень простаго доказательства истинности проповѣдываемаго ученія... Но св. Симонъ упоминаетъ объ изсушеніи Кукшею озера, какъ о единственномъ и, слѣдовательно, заслуживающемъ особеннаго вниманія чудесномъ его дѣйстви. Ясно, что этотъ чрезвычайный родъ знаменія допущенъ былъ Промысломъ при исключительныхъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, озлобленные язычники, желая погубить проповѣдника новой, враждебной имъ вѣры, ввергли его въ озеро и собрались торжествовать надъ нимъ и его ученіемъ свою побѣду... При такихъ обстоятельствахъ изсушеніе озера было величайшимъ посрамленіемъ язычниковъ и вмѣстѣ, какъ нельзя болѣе, давало имъ чувствовать силу Божію, призывавшую ихъ къ спасенію. Не потому ли ожесточеннѣйшіе изъ

враговъ Св. Кукши, подвергнуши его разнаго рода мученіямъ, среди которыхъ Господь видимо хранилъ своего апостола, прибѣгли наконецъ къ вѣрнѣйшему средству умерщвленія его посредствомъ меча?... Впрочемъ, съ неменьшею вѣроятностью можно предполагать и то, что иссушенное озеро составляло собою предметъ особеннаго языческаго чествованія, служило религіознымъ ихъ центромъ и привлекало къ себѣ поклонниковъ со всей страны. Вятичи, какъ извѣстно, принадлежали сперва къ группѣ западныхъ Славянъ, которые имѣли обыкновеніе устраивать свои святилища въ мѣстахъ глухихъ и уединенныхъ, то на недоступномъ островѣ, то въ глуши лѣсовъ, въ виду озеръ и болотъ. Впослѣдствіи, поселившись у береговъ лѣсной Оки, но бывъ открыты здѣсь Козарами, они долго держались своихъ лѣсовъ и, какъ показываютъ изслѣдованія русской археологіи, иногда строили себѣ жилища изъ плотовъ среди уединенныхъ озеръ и непроходимыхъ топей (87). Роковыя обстоятельства вызвали ихъ изъ лѣсовъ и заставили укрѣпиться въ городахъ, но первобытныя жилища не забывались еще, такъ какъ съ ними соединялись племенные и религіозныя преданія. Можетъ быть, упоминаемое озеро составляло одинъ изъ такихъ центровъ съ завѣтнымъ капищемъ и находилось вблизи столичнаго города, гдѣ жили князья Вятичей и откуда распространялось вліяніе ихъ на все племя. Иссушеніе такого озера рав-

(87) Въ Сѣвскихъ болотахъ, въ первой половинѣ нашего столѣтія, открыты были плоты первобытной постройки, указывающіе именно на такой образъ первоначальнаго поселенія нашихъ предковъ. По преданію, близъ г. Мценска находилось также озеро, которое вытекавшую изъ него рѣчку Мецну дѣлало многоводною; а Мценскъ былъ выдающимся городомъ въ землѣ Вятичей.

нялось прекращенію нечестія въ цѣлой странѣ и могло обезпечить успѣхъ христіанства, но за то поднимало противъ проповѣдника всѣхъ тѣхъ, кто упорно стоялъ еще за языческую старину. И вотъ, не было ли это чудо послѣднимъ подвигомъ Св. Кукши на землѣ, снискавшимъ ему мученической вѣнецъ славы?...

И ина различна удивительная знаменія послѣдоваша ему... Подъ именемъ знаменій въ древней Россіи извѣстны были различныя явленія на небѣ и на землѣ, какъ-то: кометы, затменія солнца и луны, появленіе нѣсколькихъ солнцевъ на небесномъ сводѣ, страшный градъ, ужасныя бури, засуха, голодъ, опустошительныя лѣсныя пожары, долгіе и непроглядные туманы, падежъ скота, смертоносныя повѣтрія и проч. Эти ли необыкновенныя явленія сопутствовали христіанскому проповѣднику въ землѣ Вятчей, какъ предваряющая и располагающая благодать Божія, или другія чудесныя дѣйствія, совершенныя имъ въ мірѣ нравственномъ и физическомъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ упоминаетъ св. Симонъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу, — во всякомъ случаѣ язычники не могли не видѣть въ этомъ силы Божіей, призывавшей ихъ устами проповѣдника-чудотворца къ новой благодатной жизни, и только тѣ, кого обуялъ мракъ нечестія, кто, имѣя глаза, не видитъ и, имѣя уши, не слышитъ, только такіе могли упорствовать еще въ заблужденіи и требовать казни разрушителю своихъ капищъ. Такими средствами устроилось спасеніе нашихъ предковъ. Поистинѣ, идѣже умножися грѣхъ, ту избыточествова и благодать!

Таже по многихъ мукахъ отъ невѣрныхъ успѣченъ бысть съ ученикомъ своимъ (Никономъ)... Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о личности мучителей и убійцъ

Св. Кукши; но самое ихъ дѣло показываетъ, что это были люди, глубоко преданные языческимъ своимъ вѣрованіямъ и съ ненавистію смотрѣвшіе на распространеніе въ ихъ краѣ новаго, христіанскаго ученія. Ихъ не тронули кроткія увѣщанія христіанскаго проповѣдника, не убѣдили и самыя его чудотворенія, о которыхъ они не могли не слышать отъ своихъ единоплеменниковъ, цѣлыми массами обращавшихся ко Христу и принимавшихъ крещеніе. Успѣхи вѣры Христовой только увеличивали ихъ злобу и вооружали ихъ противъ смиреннаго проповѣдника и чудотворца. Составитель «Историческаго Словаря о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви», полагаетъ, что мучителями и убійцами преподобнаго Кукши были жрецы Вятичей. «Озлобленные за сокрушеніе ихъ кумировъ,--говоритъ онъ, — жрецы Вятичей подвергли преподобнаго Кукшу разнымъ истязаніямъ и потомъ отсѣкли ему голову...» (88). Дѣйствительно, если кому, то особенно жрецамъ естественно было поддерживать въ своей странѣ мракъ языческаго нечестія и не допускать въ нее христіанскаго ученія, которое должно было лишить ихъ прежняго положенія и вліянія на народъ. Но мы имѣли случай упоминать, что у Вятичей, равно какъ и у другихъ Славянъ на Руси, не существовало особаго жреческаго сословія, или касты, и что посредничество между богами и народомъ, состоявшее главнымъ образомъ въ жертвоприношеніи, принадлежало у нихъ главамъ семействъ и старшимъ въ родѣ. Поэтому главными врагами христіанскаго ученія въ землѣ Вя-

(88) Словарь Истор. о Святыхъ... Изд. 2, 1862 г., на стр. 142. Въ Указателѣ святыни и священныхъ достопамятностей Кіева замѣчено, что „жрецы Вятичей вооружили противъ Св. Кукши невѣрныхъ, и они отсѣкли голову ему и ученику его.“ Изд. 2, 1853 г., на стр. 51.

тичей и убійцами Св. Кукши необходимо признать народныхъ старѣйшинъ и, быть можетъ, потомковъ тѣхъ самыхъ князей, которые ознаменовали себя такимъ упорствомъ въ борьбѣ съ Русскимъ владычествомъ. Лишившись политическаго значенія въ своей странѣ, эти князья, или народные старѣйшины, надѣялись, по крайней мѣрѣ, удержать за собою влияние во внутреннемъ быту своего племени; между тѣмъ распространявшееся въ ихъ землѣ христіанство отнимало у нихъ и эти послѣднія надежды. Имъ оставалось теперь или увѣровать во Христа и вмѣстѣ съ массою подчиниться руководству новыхъ учителей, или же отстаивать свои права и вступить въ открытую борьбу съ проповѣдниками новаго ученія, какъ личными своими врагами. Страсть властолюбія омрачила ихъ разумъ; язычество льстило ихъ чувственности;—и вотъ они ищутъ смерти просвѣтителя своего края.

Если же Св. Кукша, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, происходилъ изъ племени Вятичей; то это обстоятельство только усиливало къ нему вражду и жажду мести въ невѣрныхъ единоплеменникахъ, между которыми притомъ могли находиться и сродники его по плоти.

Вмѣстѣ съ блаженнымъ Кукшею пострадалъ и ученикъ его Никонъ. Кто былъ этотъ достойный ученикъ, откуда родомъ, гдѣ и когда сошелся онъ съ своимъ учителемъ,—объ этомъ не дошло до насъ никакихъ извѣстій. Впрочемъ изъ того, что Кіево-печерская лавра совершаетъ память о немъ вмѣстѣ съ Св. Кукшею и постникомъ Пименомъ⁽⁸⁹⁾, мы имѣемъ достаточное основаніе заключать, что онъ принадлежалъ также къ сонму ея подвижниковъ и вступилъ

⁽⁸⁹⁾ См. выше Словарь Историческій о Святыхъ.

въ близкое духовное общеніе съ преподобнымъ Кукшею еще въ то время, когда этотъ святой отецъ подвизался въ стѣнахъ Печерской обители. Далѣе, такъ какъ св. Симонъ не называетъ Никона священномученикомъ, а только ученикомъ; то не подлежитъ сомнѣнію и то, что онъ не имѣлъ священнаго сана, а былъ простымъ послушникомъ или келейникомъ при Св. Кукшѣ, подобно ему, можетъ быть, происходившимъ изъ племени Вятичей и вмѣстѣ съ нимъ оставившимъ свою родину, чтобы водвориться въ стѣнахъ блаженной обители. Въ такомъ положеніи естественно могла установиться крѣпкая любовь между этими двумя святыми. Мысль о предстоявшей разлукѣ съ облагодатствованнымъ учителемъ, въ виду апостольскаго его призванія, для любящаго и преданнаго ученика казалась страшнѣе всѣхъ опасностей труднаго и далекаго благовѣствованія и потому не удержала его въ стѣнахъ святой обители. Сдѣлавшись же неразлучнымъ спутникомъ Св. Кукши, Никонъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ его подвиговъ, чудесъ и знаменій въ землѣ Вятичей, и въ послѣдствіи раздѣлилъ съ нимъ всѣ мученія и самую смерть за Христа Спасителя, почему и ублажается Церковію вмѣстѣ съ своимъ учителемъ въ 27 день августа мѣсяца, т. е. въ день мученической ихъ кончины.

Кто бы изъ насъ не поинтересовался знать: какимъ образомъ эти праведники впали въ руки враговъ своихъ и при какихъ обстоятельствахъ постигла ихъ мученическая кончина?—какимъ истязаніямъ подверглись они отъ невѣрныхъ и гдѣ именно были устѣчены и пролили кровь свою?—пытался ли кто либо изъ

(90) Слова постника Пимена: „Братъ нашъ Кукша въ сей день противу свѣта убіенъ есть“ М. Викторова переводитъ такъ: „Братъ нашъ Кукша убитъ нынче на разсвѣтѣ“. См. на стр. 39.

вѣрныхъ защитить ихъ отъ мученій и избавить отъ смерти, или же въ часъ смертный окружали ихъ одни враги и никто взоромъ своимъ не явилъ къ нимъ дружескаго состраданія?—кто изъ двухъ святыхъ первымъ отошелъ къ Господу подъ ударами меча—учитель ли, противъ котораго направлена была вся злоба враговъ Христова ученія, или же ученикъ, какъ единственный его стражъ и защитникъ въ виду козней враговъ?... Но на всѣ эти и подобные вопросы нѣтъ отвѣта ни въ исторіи, ни въ мѣстномъ преданіи. Мы знаемъ только, что тѣло священномученика Кукши не осталось въ поруганіи у язычниковъ, а сдѣлалось достояніемъ вѣрующихъ, и изъ этого заключаемъ, что если въ данную минуту козни враговъ Св. Кукши и восторжествовали надъ усердіемъ къ нему вѣрующихъ, то это усердіе и любовь спѣшили уже къ нему на помощь и успѣли избавить святое тѣло его отъ поруганія язычниковъ. Свидѣтельство Пимена постника, что Св. Кукша былъ убитъ «на разсвѣтѣ» (90), даетъ разумѣть, что враги его какъ бы торопились исполненіемъ своихъ козней надъ праведникомъ, или боялись, чтобы взошедшее надъ землею солнце не разбудило спящихъ его друзей и не привлекло ихъ къ мѣсту его мученій. Можетъ быть, злые язычники и воспользовались именно соннымъ состояніемъ друзей Св. Кукши, чтобы уловить свою жертву, въ другое время недоступную для нихъ, и, измучивъ ее въ теченіе ночи, предали смерти, не дождавшись полного разсвѣта...

Нетлѣннымъ мощамъ св. мученика не суждено было почивать на мѣстѣ просвѣтительной его дѣятельности. По завѣщанію ли самого Кукши, выраженному имъ еще при прощаніи съ братією Печерскаго

монастыря, или, по желанію этой братіи, онѣ, какъ нужно думать, съ благословенія митрополита и при содѣйствіи Черниговскаго архипастыря, тогда же доставлены были въ Печерскій монастырь и благоговѣнно положены въ «ближнихъ» или Антоніевыхъ пещерахъ, гдѣ и доселѣ пребываютъ въ нетлѣннѣи. Хотя мы не вправѣ изслѣдовать пути Божіи; но трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы нетлѣніе мощей преподобнаго Кукши было допущено Промысломъ для утѣшенія скорбѣвшей о разлукѣ съ нимъ Печерской братіи и для убѣжденія ихъ въ его праведности: разлучившись съ нимъ тѣломъ, они были близки къ нему по духу, и если бы жизнь его въ мірѣ, до вступленія въ обитель, имѣла свои темныя стороны, то она была заглаждена великими подвигами на виду всѣхъ... Въ нетлѣннѣи мощей Св. Кукши необходимо признать послѣднюю и неумолкающую проповѣдь его въ землѣ Вятичей, подѣ вліяніемъ которой слабые и колеблющіеся могли утверждаться въ вѣрѣ, а упорствующие въ нечестіи—обращаться отъ пагубнаго своего пути къ познанію истины. Подѣ вліяніемъ такой проповѣди, самые убійцы Св. Кукши могли убѣдиться теперь въ тщетности своихъ усилій, и хотя поздно, но, быть можетъ, исповѣдали Христа, такъ явно чудодѣйствующаго въ лицѣ Своихъ угодниковъ. Если же такое именно значеніе имѣло нетлѣніе мощей Св. Кукши для Вятичей, то едва ли было забыто вѣрующими изъ нихъ и самое мѣсто мученической его кончины. Орошенное кровію мученика и чудотворца, оно не могло не привлекать къ себѣ благоговѣннаго вниманія вѣрующихъ и не сохранять о себѣ памяти въ потомствѣ. Теперь, послѣ многовѣковой смѣны человѣческихъ поколѣній, изъ-за политическихъ бурь и невзгодъ, мы не видимъ этого священнаго для

насть мѣста; но можно думать, что оно, и въ безвѣстности для насъ, продолжаетъ чититься подъ сводами какой-нибудь древней святыни, по преимуществу привлекающей къ себѣ благоговѣйныхъ поклонниковъ изъ области древнихъ Вятчей....

Пимень Постникъ, прозрѣвъ устыченіе блаженнаго Кукши, отстоящаго далече, посреди церкви Печерскія велегласно возопи: „Братъ нашъ Кукша въ сей день противу свѣта убіенъ есть“! Пимень постникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ преподобныхъ иноковъ Печерской обители, которые вступили въ нее еще при первыхъ ея основателяхъ—Антоніѣ и Θεодосіѣ и своею жизнію вполнѣ оправдывали высокій образъ этихъ богоносныхъ отцевъ. Онъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ заложенія и окончательнаго устройства великой Печерской церкви, равно какъ и многихъ другихъ чрезвычайныхъ знаменій благословенія Божія надъ святою обителью. Служа всегда примѣромъ самаго строгаго воздержанія, онъ пріобрѣлъ среди братіи славу великаго постника и удостоился отъ Господа дара исцѣленій и предвѣдѣнія, почему называется еще прозорливымъ. Св. Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій, свидѣтельствуетъ, что «этотъ старецъ еще за два года прозрѣлъ свое отшествіе къ Господу, о многомъ другомъ пророчествовалъ и недужныхъ исцѣлялъ» (91). Въ частности, изъ Печерскаго Патерика мы знаемъ, что когда преподобный Никита затворникъ подвергся искушеніямъ отъ діавола, такъ что пересталъ вовсе молиться Богу и, читая однѣ ветхозавѣтныя книги, не хотѣлъ даже говорить и слышать о святомъ Евангеліи и другихъ книгахъ Новаго Завѣта;

(91) Кіево-печер. Патер. въ перелож. на русскій языкъ М. Викторовой, стр. 39.

то въ числѣ великихъ отцевъ, исцѣлившихъ его своими молитвами отъ козней діавола, былъ и преподобный Пименъ постникъ (92). Впослѣдствіи, когда онъ былъ игуменомъ Печерскаго монастыря (93), здѣсь случилось слѣдующее происшествіе. «Одинъ инокъ, неизвѣстный по имени, являлся постникомъ и притворялся цѣломудреннымъ; въ тайнѣ же ѣлъ и пилъ, и худо препровождалъ лѣта жизни своей... Въ одинъ день, совсѣмъ здоровый, онъ умеръ безъ причины, и такой смрадъ былъ отъ тѣла, что никто не могъ приблизиться къ нему. И страхъ напалъ на всѣхъ. Насилу вытащили его, но отпѣвать не могли: положили тѣло особо, и ставши поодаль, творили обычное пѣніе; иные же затыкали ноздри свои. Вынесши, положили его внутри пещеры той. Много разъ слышался и вопль горькій, какъ будто кто—нибудь мучилъ умершаго брата... Игуменъ Пименъ былъ въ великомъ недоумѣніи отъ такой страшной вещи и со слезами молилъ Бога о спасеніи души брата. И было ему отъ Бога видѣніе, и слышалъ онъ: «Такъ какъ уже здѣсь многіе грѣшныя положены были, и всѣ прощены были ради угодившихъ Мнѣ святыхъ, лежащихъ въ пещерѣ сей; то и этого окаяннаго душу помиловалъ Я ради Антонія и Θεодосія, рабовъ Моихъ, и молитвою спасшихся съ ними черноризцевъ, и вотъ тебѣ знаменіе измѣненію: смрадъ обратился въ благовоніе». Услышавъ это, игуменъ исполнился радости, созвалъ всю братію и, рассказавъ имъ о явленіи, пошелъ съ ними къ пещерѣ, чтобы увидѣть случившееся. И обоняли всѣ благоуханіе отъ тѣла умершаго брата, и ни ма-

(92) Въ сонмѣ этихъ старцевъ онъ занимаетъ первое мѣсто послѣ игумена Никона. См. тамъ же, на стр. 85.

(93) Между 1132 и 1141 г.г. См. Описаніе Кіево-Печерской Лавры, изд. 2, стр. 133.

лѣйшаго злосмрадія и вопля не было слышно. И всѣ насладились сладкаго запаха и прославили Бога и святыхъ Его угодниковъ, Антонія и Θεодосія, за спасеніе брата» (94). Во время игуменства Пимена подвизались въ Печерскомъ монастырѣ—«преподобный Онисифоръ пресвитеръ, сподобившійся отъ Бога дара прозорливости, такъ что видѣлъ въ сердцѣ всякаго человѣка, согрѣшенія его»,—преподобные Спиридонъ и Никодимъ просфорники, изъ коихъ первый угасилъ своею мантиею пламя въ загорѣвшейся храминѣ, и многіе другіе богоподобные отцы (95). Всѣ они были современниками и сподвижниками Св. Кукши въ стѣнахъ Печерской обители; и однако-жъ никому изъ нихъ, кромѣ постника Пимена, не былъ открытъ день и часъ мученической его кончины. Это даетъ намъ основаніе думать, что между этими двумя святыми была особенно тѣсная дружба, которой не могло ослабить ни время, ни дальнее разстояніе ихъ другъ отъ друга. Какъ бы залогомъ благодатной ихъ дружбы служить и то, что оба они почилы въ одинъ день и одновременно предъ небеснымъ Судіею и Мздовоздаятелемъ (96). Такимъ образомъ, если кому, то особенно Пимену извѣстна была скорбь души Св. Кукши при разлукѣ съ Печерскою обителью и его пламенное желаніе «быть положеннымъ въ той божественной землѣ», о которой, въ свое время, «скорбѣлъ, тужилъ и плакалъ» съ высоты святительскаго престола и св. Симонъ, епископъ Владимірскій (97). И вотъ, какъ вѣрный хранитель завѣтовъ священной дружбы, озаренный небеснымъ

(94) Печ. Патер. въ переводѣ М. Викторовой, стр. 29—32.

(95) Тамъ же, стр. 145—147.

(96) Въ Словарѣ Историческомъ о Святыхъ Пименъ постникъ называется другомъ преподобнаго Кукши. См. на 189 стр.

(97) Печ. Патер. въ переводѣ М. Викторовой, стр. 32.

откровениѣмъ, Пименъ постникъ не скрываетъ богодарованной ему тайны, а спѣшитъ на средину соборнаго храма и оттуда *велогласно* возвѣщаетъ о ней братіи, чтобы своевременно приняты были мѣры къ исполненію завѣтнаго желанія ихъ собрата и мученика. Долгъ святой дружбы исполненъ,—и Пименъ тогда же простился съ братіею до будущаго свиданія въ новой обители Отца небеснаго.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ принята была вѣсть въ Печерской обители о смерти Св. Кукши и что потомъ предпринято было братіею для скорѣйшаго доставленія святаго тѣла его въ монастырь; но не подлежитъ сомнѣнію, что святые чувства, соединявшія Пимена съ блаженнымъ Кукшею, были общи у него со всею братіею, такъ какъ, по словамъ современника ихъ преподобнаго Нестора, здѣсь «жили всѣ въ постоянной любви» (98). Тѣлесная разлука не только не ослабляла въ нихъ этого благодатнаго союза, а напротивъ—возгрѣвала и усиливала его общими молитвами и предстательствомъ,—тѣмъ болѣе, что самые труды благовѣстія на дальнемъ востокѣ могли быть предприняты Св. Кукшею только при глубокомъ сочувствіи и дѣятельномъ содѣйствіи ему въ томъ со стороны всей братіи. Это былъ великій борецъ за имя Христово, посланный отъ обители въ страну невѣрныхъ и пребывавшій тамъ, какъ агнецъ среди волковъ. Его успѣхи принимались здѣсь съ радостію и благословеніями; его печалями скорбѣла вся братія; и всѣ вѣсти о немъ возвѣщались въ виду молитвеннаго общенія братіи, какъ и эта послѣдняя вѣсть о мученической кончинѣ, предупрежденная осо-

(98) Сказаніе препод. Нестора о Печерскихъ черноризцахъ. Тамъ же, на стр. 10.

беннымъ откровеніемъ свыше и возвѣщенная съ церковнаго амвона самимъ игуменомъ Пименомъ.

И сія рекъ, преставися во одинъ день съ Кукшею святымъ и ученикомъ его, т. е. въ 27 день августа мѣсяца, какъ свидѣтельствуеть о томъ св. Церковь установленіемъ въ этотъ день памяти о нихъ. Высокопреосвященный Макарій, въ своей Исторіи Русской Церкви, опредѣляя время проповѣди Св. Кукши, заключаетъ, что «Пимень постникъ, какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ и, вѣроятно, старѣйшихъ братій Кіево-печерскаго монастыря еще при игуменѣ Никонѣ (1078—1088), могъ умереть не далѣе первой половины XII вѣка» (99). Въ Описаніи Кіево-печерской лавры, на которое ссылается и высокопреосвященный Макарій, находится болѣе опредѣленное указаніе на время смерти постника Пимена, а слѣдов. и священномученика Кукши, — именно, здѣсь сказано, что Пимень — постникъ былъ игуменомъ лавры съ 1132 г. и скончался въ 1141 году (100). Такимъ образомъ

(99) Исторія Русской Церкви, т. 2, стр. 21.

(100) Описаніе Кіево-печерской лавры, изд. 2, стр. 133. — Преосвященный Черниговскій Филаретъ колеблется въ опредѣленіи времени проповѣди и мученической кончины Св. Кукши: въ сочиненіи „Русскіе Святые“ онъ говоритъ, что Св. Кукша „окончилъ свой подвигъ мученически въ самомъ началѣ 12 вѣка, ок. 1110 года“ (по Мѣсяцеслову архимандрита Сергія — „въ 1113 г.“), а въ Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи предмета, относитъ проповѣдь Св. Кукши къ первой трети 12-го вѣка. Относительно же личности Пимена замѣчаетъ: „Пимень прозорливый и постникъ, скончавшійся въ одинъ день съ Кукшею, почиваетъ въ Антоніевой пещерѣ (опис. лавры 107. 108); а Пимень постникъ и игумень покоится въ Θεодосіевой пещерѣ (опис. лавры 287. 294. 132). Потому напрасно смѣшиваютъ (христ. чт. 1855 г. 1, 289) послѣдняго съ первымъ, — хотя они были почти современниками“.

время проповѣднической дѣятельности Св. Кукши въ землѣ Вятичей можно полагать между 1115 и 1141 гг., —періодъ, вполне достаточный для того, чтобы насадить и утвердить здѣсь христіанство.

Доселѣ мы останавливали вниманіе наше на проповѣди Св. Кукши безотносительно къ какой-нибудь отдѣльной мѣстности въ обширной области Вятичей. Но изъ того, что Св. Кукша, по всей справедливости, стяжалъ себѣ высокое названіе просвѣтителя Вятичей, не слѣдуетъ еще, чтобы онъ съ своею чудодѣйственною проповѣдію обошелъ всю эту страну и вездѣ, на всѣхъ ея пунктахъ, оставилъ неизгладимые слѣды апостольской своей дѣятельности. Думать такъ, не смотря на 25-ти лѣтній періодъ проповѣди, не позволяетъ какъ самая обширность территоріи Вятичей, такъ и мученическая кончина проповѣдника отъ руки язычниковъ, не дозволившая ему окончить просвѣтительнаго своего подвига. Такимъ образомъ, естественно, возникаетъ вопросъ: входилъ ли Орловскій край въ завѣтную черту проповѣднической дѣятельности Св. Кукши?—или, что то же: имѣемъ ли мы право считать его своимъ просвѣтителемъ? Само собою разумѣется, что за неимѣніемъ точныхъ историческихъ указаній о пунктахъ проповѣднической дѣятельности Св. Кукши въ землѣ Вятичей, мы можемъ придти къ положительному рѣшенію поставленнаго вопроса только тогда, когда будетъ доказано, что Орловскій край ни въ какомъ случаѣ не могъ остаться за чертой просвѣтительной дѣятельности Св. Кукши и если, притомъ, будутъ открыты здѣсь очевидные слѣды его благовѣствованія. Итакъ переходимъ къ соображеніямъ объ этомъ, столь важномъ для насъ, предметѣ.

Хотя мы не имѣемъ историческихъ свѣдѣній о тѣхъ путяхъ, коими распространялось христіанство въ землѣ Вятичей; тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что просвѣтительная дѣятельность Св. Кукши началась не съ центральныхъ поселеній Вятичей, а съ какой-нибудь пограничной ихъ мѣстности, жители которой, вслѣдствіе своего сосѣдства съ христіанскимъ населеніемъ, являлись болѣе или менѣе подготовленными къ принятію христіанства. Только при такомъ условіи христіанскому проповѣднику представлялась возможность безпрепятственно пользоваться сношеніемъ съ епархіальною властію и постепенно пролагать себѣ дорогу внутрь языческой страны. Спрашивается: какая же изъ порубежныхъ мѣстностей въ области Вятичей наиболѣе благопріятствовала успѣхамъ первоначальной проповѣди и, такъ сказать, стояла на очереди христіанскаго просвѣщенія?

Обозрѣвая предѣлы Вятичей, мы находимъ, что къ востоку отъ нихъ жили инородцы, не входившіе въ составъ Русскаго государства и всецѣло погруженные во мракъ язычества; почему эта окраина, во дни Св. Кукши, была вовсе не доступна для христіанской миссіи. Къ сѣверу отъ Вятичей лежало княжество Суздальское, а къ западу Смоленское,—оба съ своими особыми центрами—политическимъ и епархіальнымъ. Ясно, что и эти послѣднія окраины не могли представлять удобствъ для христіанской проповѣди, предпринимавшейся по инициативѣ Черниговской іерархіи, такъ какъ онѣ разобщали проповѣдника съ Черниговомъ,—этимъ политическимъ и епархіальнымъ центромъ Вятичей, лишали его необходимаго покровительства со стороны свѣтской и духовной власти и ставили въ зависимое положеніе отъ чуждыхъ, даже враждебныхъ сосѣдей. Такимъ обра-

зомъ, географическое положеніе Вятичей и необходимыя условія первоначальной проповѣди въ ихъ странѣ приводятъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что просвѣтительная дѣятельность Св. Кукши могла и должна была начаться съ южныхъ поселеній Вятичей, т. е. со стороны Орловскаго края, какъ такой мѣстности, которая была вполне открыта для сношенія христіанскаго проповѣдника съ покровительственными центрами и, слѣдовательно, стояла на очереди христіанскаго просвѣщенія.

Въ жизнеописаніи преподобнаго Θεодосія Печерскаго говорится, что когда онъ былъ еще юношею и вмѣстѣ съ матерью жилъ въ городѣ Курскѣ, то ежедневно посѣщаль церковь Божию ⁽¹⁰¹⁾. «Узнавши же, что въ одной церкви не служатъ всякій день обѣдни за недостаткомъ просфоръ, онъ самъ сталъ трудиться надъ приготовленіемъ оныхъ» ⁽¹⁰²⁾. Значитъ, городъ Курскъ, находящійся въ 70-ти верстахъ отъ южной границы Орловской губерніи, былъ несомнѣнно христіанскимъ городомъ еще въ первой половинѣ XI-го вѣка, т. е. почти за сто лѣтъ до начала проповѣди Св. Кукши. Въ то же время исповѣдывалось христіанство и въ другихъ, сосѣднихъ съ Курскомъ, городахъ. Такъ, въ житіи того же преподобнаго Θεодосія мы читаемъ: «и иде въ инъ градъ, недалече сущъ отъ того (Курска), и обита у пресвитера» ⁽¹⁰³⁾. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что Новгородъ-Сѣверскъ, отстоящій всего на 60 верстъ отъ Орловской губерніи, былъ христіанскимъ городомъ со времени самаго основанія своего при Ярославѣ Мудромъ. Просвѣтительное значеніе этого города для обитателей

⁽¹⁰¹⁾ „Хождаше въ церковь Божию по вся дни“.

⁽¹⁰²⁾ Словарь Истор. о Свят., просл. въ Росс. Церкви, стр. 249.

⁽¹⁰³⁾ Ркп. житіе пр. Θεодосія, Несторъ.

Орловскаго края должно было особенно увеличиться съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался столицею Сѣверскаго княжества и резиденціею владѣтелей Вятичей. Все это свидѣтельствуеть о томъ, что ко времени Св. Кукши югозападныя границы нынѣшней Орловской губерніи были уже окружены христіанскими поселеніями и представляли всѣ удобства для озаренія ихъ свѣтомъ евангельскаго ученія. Что Орловскій край служилъ передовымъ постомъ проповѣднической дѣятельности Св. Кукши и опорю для дальнѣйшихъ успѣховъ вѣры Христовой въ землѣ Вятичей, съ этимъ соглашается и преосвященный Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, когда говоритъ: «Курскъ былъ христіанскимъ городомъ еще въ юные годы преподобнаго Θεодосія; но близкія къ Курску поселенія Вятичей,—Мценскъ, Брянскъ, Козельскъ, оставались языческими, пока не явился къ Вятичамъ преподобный Кукша» (104).

Въ западныхъ уѣздахъ Орловской губерніи, откуда, по всей вѣроятности, началъ свою проповѣдь преподобный Кукша (105), сохраняется преданіе о ка-

(104) Исторія Русской Церкви, пер. 1. изд. 3, на стр. 22.

(105) Думать такъ заставляютъ насъ многія географическія и историческія данныя. Извѣстно, что лучшими и удобнѣйшими путями сообщенія въ древней Руси считались рѣки; между тѣмъ западные предѣлы Орловской губерніи, орошаемые рѣкою Десною, пользовались всѣми удобствами для сношенія какъ съ Новгородъ — Сѣверскомъ, столицею владѣтелей Вятичей, такъ съ Черниговомъ, мѣстопробываніемъ епархіальныхъ архіереевъ, и съ самымъ Кіевомъ, этою духовною родиною Св. Кукши. Нѣтъ сомнѣнія, что Св. Кукша, на своемъ пути изъ Кіева, былъ въ Черниговѣ. Здѣсь, при личномъ свиданіи съ епископомъ Θεоктистомъ, ему надлежало установить планъ первоначальной проповѣди и собрать просвѣтительныя для нея средства. Отсюда не могъ онъ не посѣтить и Новгородъ—Сѣверска, который долженъ былъ доставить ему не-

комъ-то необыкновенномъ человѣкѣ *Кукъ*, предъ которымъ разступались лѣса и горы и который передвигалъ рѣки и озера (106). Имя этого таинственнаго богатыря и самыя его дѣйствія какъ нельзя болѣе напоминаютъ намъ просвѣтителя Вятичей. Правда, личность Куки въ народномъ воображеніи представляется какою-то грозною и разрушительною; но не такъ ли именно и должны были смотрѣть упорные язычники на христіанскаго проповѣдника, который ниспровергалъ ихъ священные кумиры, уничтожалъ заповѣдныя рощи, изсушалъ заветныя озера? Мы знаемъ, что многіе изъ Кіевлянъ, принявшихъ крещеніе при св. Владимірѣ, сожалѣли о разрушенномъ Перунѣ и желали спасти его отъ потопленія въ Днѣпрѣ; что же удивительнаго, если и многіе изъ новообращенныхъ Вятичей раздѣляли взглядъ язычниковъ на дѣйствія своего просвѣтителя, уничтожавшаго предметы прежняго ихъ идолопоклонства? Подъ впечатлѣніемъ необыкновенныхъ знаменій и чудесъ, совершаемыхъ христіанскимъ проповѣдникомъ, они теряли вѣру въ языческихъ боговъ и принимали св. крещеніе; но это не препятствовало многимъ изъ нихъ выражать сожалѣніе объ истребленіи священныхъ памятниковъ прежняго ихъ нечестія, съ которыми они связаны были заветными преданіями старины и самымъ семейнымъ и общественнымъ бытомъ. Такимъ образомъ нравственная обходимыя средства для дальнѣйшаго пути и служить внѣшнюю гарантіей самой проповѣди среди Вятичей. Такимъ образомъ, по всѣмъ соображеніямъ, рѣка Десна являлась естественнымъ путемъ Св. Кукши отъ Кіева до западныхъ предѣловъ Орловскаго края. Этимъ путемъ направлялся въ землю Вятичей Святославъ Ольговичъ; по этому же пути слѣдовали за нимъ и его соперники—Черниговскіе князья Давидовичи съ великимъ княземъ Изяславомъ II. Все это было спустя пять лѣтъ по смерти Св. Кукши.

(106) См. Истор. Очерки г. Орла, на стр. 120.

раздвоенность новообращенныхъ христіанъ легко могла отразиться и въ самомъ ихъ взглядѣ на личность Св. Кукши. Впрочемъ, если мы вникнемъ въ ходъ историческихъ событій, слѣдовавшихъ за проповѣдью Св. Кукши; то, независимо отъ этого преданія о Кукѣ, откроемъ болѣе ясныя слѣды апостольской дѣятельности Св. Кукши въ предѣлахъ Орловскаго края.

Спустя пять лѣтъ по умерщвленіи Вятичами великаго своего просвѣтителя, священномученика Кукши, ихъ область становится театромъ кроваваго междоусобія въ семьѣ Чернигово-Сѣверскихъ князей, въ которомъ принялъ дѣятельное участіе и великій князь Кіевскій Изяславъ Мстиславичъ. Это обстоятельство помогло впервые раздвинуться дремучимъ лѣсамъ Вятичей предъ взоромъ русскаго лѣтописца и заставило его познакомиться съ населеніемъ Орловскаго края, который до того времени представлялъ изъ себя темную, едва примѣтную точку на политическомъ горизонтѣ Русскаго государства; оно же открываетъ здѣсь и первые слѣды христіанства, насажденнаго проповѣдническою дѣятельностью Св. Кукши. Въ 1146 году, великій князь съ Черниговскими своими союзниками, князьями Владиміромъ и Изяславомъ Давидовичами, изъ г. Путивля предпринялъ походъ противъ владѣтеля Вятичей, Сѣверскаго князя Святослава Ольговича. Во время этого похода они прошли значительную часть нынѣшней Орловской губерніи, съ юга на сѣверъ, до самаго Карачева; на пути встрѣчались имъ города и села. Между тѣмъ лѣтописецъ, зорко слѣдившій за движеніемъ любимаго своего князя въ непріязненной ему странѣ, ни одною чертою своего разсказа не дѣлаетъ намека на то, чтобы Вятичи въ это время держались еще своего язычества; тогда какъ преподобный Несторъ, описывая ихъ бытъ, съ грустью,

достойною святаго мужа, укоряетъ ихъ всѣхъ «въ невѣдѣнїи истиннаго Бога». Не явный ли это признакъ того, что какъ Кіевскій князь, такъ и просвѣщенные его союзники смотрѣли на Вятичей, какъ на людей одной съ ними вѣры и богопочтенія?... Соперникъ Изяслава покидаетъ свою страну и спасается изъ ней бѣгствомъ; великій князь съ храброю своею дружиною вступаетъ въ Карачевъ; жители этого города выходятъ къ нему на встрѣчу и принимаютъ его «со всякою честію»... Какая же это могла быть честь, кромѣ той, которая вполнѣ была достойна главы христіанскаго государства, одного изъ доблестнѣйшихъ преемниковъ св. Владиміра? Въ чемъ именно она выразилась со стороны жителей г. Карачева,—въ смиренномъ ли поднесеніи ему, по православному русскому обычаю, *хлѣба—соли*,—въ торжественномъ ли звонѣ церковныхъ колоколовъ, какъ встрѣчаетъ и доселѣ православныхъ своихъ государей русская земля, или же въ той умилительно-христіанской встрѣчѣ, къ которой прибѣгли впослѣдствіи жители Пскова для утolenія грознаго гнѣва царя Иоанна Васильевича,—лѣтописецъ умалчиваетъ объ этомъ; но для насъ важно и то его извѣстіе, что эта честь не была отвергнута первороднымъ сыномъ Церкви и исходатайствовала Карачевцамъ «милость и миръ»... Православные Кіевляне, эти первенцы и насадители вѣры Христовой въ цѣлой Россіи, прожили здѣсь съ благочестивымъ своимъ княземъ въ теченіе нѣкотораго времени; они лицомъ къ лицу видѣли неизвѣстныхъ имъ дотолѣ лѣсныхъ обитателей, и не нашли въ ихъ жизни, нравахъ и обычаяхъ ничего рѣзкаго, противнаго собственному ихъ христіанству, о чемъ, конечно, не преминулъ бы замѣтить лѣтописецъ этого похода... Урядившись съ своими союзниками относительно добычи и покорен-

ной области, Изяславъ удалился въ престольный свой Кіевъ, а въ Карачевѣ остался на княженіи одинъ изъ Черниговскихъ его союзниковъ—Святославъ Всеволодовичъ. Ужели-жъ въ это время городъ Карачевъ, могшій сдѣлаться уже княжескою резиденціею, хотя бы и временною, оставался еще въ язычествѣ, безъ церкви, духовнаго пастыря и христіанской паствы?.. Если же невозможно допустить этого относительно Карачева, то тѣмъ съ большею вѣроятностію нужно признать, что и г. Елецъ былъ тогда уже вполне христіанскимъ городомъ, потому что въ немъ еще съ 1144 года встрѣчаются и преемственно княжатъ потомки Святослава Ярославича,—именно Владиміръ Ярославичъ, женившійся въ этомъ году на одной изъ дочерей Всеволода Мстиславича (107), и Андрей Ростиславичъ, пріѣзжавшій въ 1147 году изъ Ельца въ г. Черниговъ (108). Впрочемъ наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ того, что въ 1146 году вѣра Христова исповѣдывалась уже въ предѣлахъ Орловскаго края, служатъ высказанныя «лучшими» изъ Вятичей убѣжденія по поводу сдѣланнаго имъ предложенія со стороны Черниговскихъ князей—выдать имъ или убить Сѣверскаго владѣтеля, Святослава Ольговича, когда онъ снова появится въ землѣ Вятичей. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ дѣлалось это коварное предложеніе и получился многозначительный для насъ отвѣтъ Вятичей.

По уходѣ великаго князя изъ Карачева, бывшіе союзники его, Черниговскіе князья Давидовичи, узнали, что Святославъ Ольговичъ получилъ значительныя подкрѣпленія отъ Суздальскаго князя Юрія Долгорукаго и намѣренъ силою возвратить то, что они

(107) Татищевъ, кн. II, стр. 278.

(108) Тамъ же, стр. 304.

успѣли отнять у него съ помощью Изяслава Кіевскаго. Не надѣясь устоять въ открытой борьбѣ съ предпріимчивымъ Ольговичемъ, они созываютъ къ себѣ на сѣздъ «лучшихъ» Вятичей и предлагаютъ имъ такія козни: «Святославъ, — говорили они, — васъ не любитъ и области вашей не жалѣетъ, а раззоряетъ ее — точно не свою область; онъ такой же врагъ и вамъ, какъ намъ: старайтесь какъ-нибудь обманомъ поймать или убить его и дружину его перебить, а имѣніе его пусть будетъ вамъ». Недостойное предложеніе это не было принято лучшими людьми области Вятичей; они дали такой отвѣтъ новымъ своимъ повелителямъ: «Вы всѣ наши государи, и намъ равны; кто нами владѣетъ, тому мы вѣрны и покорны, не взирая на милость и немилость, — разсуждая, что самъ Богъ опредѣлилъ васъ надъ нами, и не безъ ума, по Апостолу, мечъ въ наказаніе виновнымъ, и отмщеніе злымъ и оборону обидимымъ носите, а намъ руку свою поднять на Господа не можно, и никогда того въ насъ и праотцахъ нашихъ не бывало» (109). Послѣ этого, по требованію Давидовичей, Вятичи дали имъ клятву въ вѣрности и получили отъ нихъ посадниковъ въ свои города — Мценскъ, Брянскъ и многіе другіе, кромѣ Карачева, гдѣ, какъ мы уже упоминали, сѣлъ на княженіи союзникъ Давидовичей Святославъ Всеволодовичъ. Давидовичи остались довольны покорностью Вятичей и «вельми ихъ похвалили»; но, по уходѣ ихъ, Вятичи не исполнили своей клятвы и перешли на сторону прежняго своего владѣтеля, какъ только появился онъ съ войскомъ въ ихъ землѣ, — «и за то, — продолжаетъ лѣтописецъ, — ихъ многіе клятвoprеступствомъ порицали».

Итакъ, послѣ того, что говорили «лучшіе Вятичи» изъ Мценска, Брянска и другихъ городовъ

(109) Татищевъ, кн. II, стр. 298.

князьямъ Давидовичамъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эти города, по крайней мѣрѣ въ лицѣ «лучшихъ» своихъ представителей, т. е., старѣйшинъ, или родоначальниковъ, были уже просвѣщены вѣрою Христовою; но этого мало.... Тамъ, гдѣ во всей своей силѣ удерживается еще родовое начало, младшіе члены рода признаютъ надъ собою полную власть своихъ старѣйшинъ и подчиняются имъ не только въ дѣлахъ внѣшней политики, но и въ семейномъ своемъ быту, и даже въ дѣлѣ самой религіи. Задача перваго христіанскаго проповѣдника въ землѣ Вятичей въ томъ именно и состояла, чтобы привлечь на сторону христіанства ихъ лучшихъ людей, или старѣйшинъ, а младшіе члены рода уже по тому одному откажутся отъ своего заблужденія, что они привыкли подчиняться имъ во всемъ и считали ихъ своими представителями предъ божествомъ. Не будь такой подчиненности среди Вятичей, Давидовичи не стали бы полагаться на клятву лучшихъ ихъ людей и, конечно, не довѣрили бы своихъ посадниковъ ни жителямъ Мценска, ни обитателямъ Брянска. Все это заставляетъ насъ признать въ указанныхъ городахъ довольно крупныя, вполне сложившіяся христіанскія общины, т. е., съ христіанскими храмами и духовными пастырями. Да иначе—откуда, какъ не изъ церковнаго богослуженія, совершаемаго въ христіанскихъ храмахъ, и могли бы лучшіе изъ Вятичей знать Св. Писаніе и пользоваться имъ при разсужденіи о предрержащей власти?... Грамотность въ то время составляла еще большую рѣдкость для мірянъ даже такихъ городовъ, какъ Кіевъ и Черниговъ; тѣмъ менѣе она могла проникнуть въ темныя дебри Вятичей и озарить собою хотя бы даже лучшихъ людей г. Мценска...

Но можемъ ли мы поручиться за то, что лѣтописецъ буквально передаетъ слова Вятичей по поводу коварнаго предложенія имъ Давидовичей? По крайней мѣрѣ, не прибавилъ ли онъ къ общимъ ихъ выраженіямъ о покорности этимъ князьямъ собственнаго разсужденія о значеніи верховной власти, на основаніи хорошо извѣстнаго ему апостольскаго ученія о предрержащихъ властяхъ?... А если такъ, то такимъ же образомъ приведенное нами мѣсто изъ лѣтописи можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ христіанскаго просвѣщенія Вятичей? Не настаиваемъ на томъ, чтобы въ данномъ случаѣ лѣтописецъ наблюдалъ полное безпристрастіе повѣствователя и, такъ сказать, объективность самаго факта. Возможно, что онъ, на этотъ разъ, отступилъ отъ прямой своей задачи—передать фактъ такъ, какъ онъ былъ, и принялъ на себя нѣкоторую роль христіанскаго моралиста. Таковую именно роль онъ могъ взять на себя какъ потому, что вообще не былъ расположенъ къ Черниговскимъ князьямъ, такъ и еще болѣе—въ виду ихъ низкой политики, столь несогласной съ честью и достоинствомъ христіанскихъ князей. Влагая въ уста Вятичей,—этихъ лѣсныхъ обитателей, долгое время жившихъ въ отчужденіи отъ всего русскаго православнаго міра,—зрѣлое христіанское сужденіе о государственной власти, вопреки льстивому и оскорбительному для христіанской совѣсти предложенію Давидовичей, лѣтописецъ тѣмъ самымъ надѣялся унижить нравственный авторитетъ послѣднихъ не только въ глазахъ Кіевлянъ, но и всего русскаго христіанскаго міра и такимъ образомъ выразить имъ свою личную месть. Допустимъ это... Пусть отвѣтъ Вятичей о покорности Давидовичамъ, въ видахъ лѣтописца, послужилъ поводомъ, такъ сказать—темою для болѣе

полнаго раскрытія имъ обязанностей по отношенію къ предержавшей власти (хотя нельзя сказать того, чтобы и Ольговичъ пользовался расположеніемъ лѣтописца; обѣ эти вѣтви дома Святослава Ярославича—Ольговичи и Давидовичи—были не любимы въ Кіевѣ, а въ дѣлѣ обладанія Вятичами Святославъ Ольговичъ былъ даже неправъ по отношенію къ Давидовичамъ; слѣдовательно, лѣтописцу не было особенныхъ побужденій настаивать здѣсь на власти Ольговича, тѣмъ болѣе, что и великій князь стоялъ на сторонѣ Давидовичей)... Но въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важно то, какъ смотрѣлъ самъ лѣтописецъ на Вятичей, т. е.,—какъ на христіанъ или язычниковъ? А что онъ признавалъ за ними имя и достоинство христіанъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы влагать имъ въ уста словъ Св. Писанія и зрѣлыми христіанскими ихъ понятіями о власти государей обличать нелюбимыхъ имъ, коварныхъ Давидовичей. Взглядъ лѣтописца на Вятичей, какъ на христіанъ, болѣе или менѣе утвердившихся въ евангельскихъ понятіяхъ, раздѣляли и тѣ «многіе» изъ его современниковъ, которые «порицали Вятичей клятвopреступствомъ» за то, что они не сдержали своей клятвы Давидовичамъ. Ясно, что эта клятва была христіанская, а не языческая; иначе она не бросила бы мрачнаго пятна на честь Вятичей и не подала бы повода для «многихъ» порицать ихъ этимъ страшнымъ для христіанина преступленіемъ. Если же, какъ нужно думать, самъ лѣтописецъ не раздѣляетъ взгляда «многихъ» своихъ современниковъ на измѣну Вятичей Давидовичамъ, какъ на нарушеніе страшной христіанской клятвы; то это, безъ сомнѣнія, потому, что самая клятва была исторгнута у нихъ силою власти и об-

стоятельствъ, о чемъ не всѣ могли тогда судить безпристрастно и основательно; притомъ же она дана была въ такомъ смыслѣ, что, въ случаѣ возвращенія къ нимъ Ольговича, не дѣлала ихъ клятвопреступниками предъ Давидовичами, такъ какъ они сами говорили послѣднимъ: «Всѣ вы (т. е. Давидовичи и Ольговичи) наши государи, и намъ равны; кто (изъ васъ) нами владѣетъ, тому мы вѣрны и покорны»... Давидовичи не могли не понять смысла этихъ словъ; если же они повидимому довѣрились клятвѣ Вятичей и «свельми похвалили ихъ», то въ этомъ образѣ дѣйствій нельзя не видѣть нѣкоторой уступчивости съ ихъ стороны Вятичамъ, къ которой побуждали ихъ политическія обстоятельства, а также и жалкаго намѣренія — посредствомъ лести привязать ихъ къ своему дому... Конечно, плоды такой политики были непрочны: при первомъ появленіи Святослава Ольговича въ предѣлахъ Орловскаго края, обитатели его перешли на сторону прежняго своего повелителя, а посадники Давидовичей должны были немедленно оставить свои посты (въ Мценскѣ, Брянскѣ и др. городахъ) и со стыдомъ бѣжать въ Черниговъ.

Такъ, спустя пять лѣтъ по смерти Св. Кукши, мы находимъ несомнѣнные слѣды торжества христіанства надъ язычествомъ въ предѣлахъ Орловскаго края, именно — въ городахъ Брянскѣ, Карачевѣ, Мценскѣ и Ельцѣ. Тоже должно сказать и о *Кромахъ*, подлѣ которыхъ, въ 1147 году, былъ подписанъ и утвержденъ крестнымъ цѣлованіемъ мирный договоръ Святослава Ольговича съ Черниговскими его родственниками ⁽¹¹⁰⁾, и о *Сіовскѣ* и *Болдинѣ*, т. е. Сѣвскѣ и Болдыжѣ (что нынѣ село Дмитровскаго

⁽¹¹⁰⁾ Татищевъ, кн. II, стр. 303.

уѣзда), мимо которыхъ проходилъ, въ 1146 г., великій князь Кіевскій Изяславъ II съ Черниговскими князьями (111), а также о Вщижѣ (что нынѣ село Брянскаго уѣзда), съ 1156 года сдѣлавшемся удѣльнымъ княженіемъ въ Сѣверской области (112), и о Трубчевскѣ, имѣвшемъ своихъ князей уже около 1185 г. (113), и наконецъ о Ливнахъ, гдѣ въ XII вѣкѣ княжили сыновья Глѣба Ростиславича: Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ и Святославъ (см. Труды Орл. уч. арх. комм. 1893 г. в. в. 3—5). Кому же принадлежитъ высокая, равноапостольная честь насажденія и утвержденія въ этихъ городахъ христіанства, какъ не священноиноку Кіево-печерскаго монастыря и другу Черниговскаго архипастыря Θεоктиста, Св. Кукшѣ, подвизавшемуся здѣсь въ евангельскомъ благовѣстїи вмѣстѣ съ неразлучнымъ своимъ спутникомъ и ученикомъ преподобнымъ Никономъ? Другаго проповѣдника вѣры Христовой въ языческой странѣ Вятичей не представляетъ намъ ни исторія, ни преданіе, а «о священномученикѣ и черноризцѣ Печерскаго монастыря Св. Кукшѣ всѣ вѣдаютъ. — говоритъ совоспитанникъ его по обители и одного столѣтія съ нимъ по жизни, св. Симонъ, епископъ Владимірскій, — како бѣсы прогна и Вятичи крести, дождь сведе и езеро изсуши и много чудесъ сотвори, и по многихъ мукахъ усѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ Никономъ.» Тогда, во дни св. Симона, когда просвѣтительная дѣятельность Св. Кукши была еще на памяти у всѣхъ, безъ сомнѣнія, многіе знали и то мѣсто, гдѣ этотъ праведникъ пролилъ кровь свою за ревность о славѣ Божіей, и тѣхъ людей, которые, не взирая

(111) Татищевъ, кн. II, стр. 295.

(112) Карамзинъ, т. II, стр. 319.

(113) Тамъ же, т. III, стр. 57.

на видимыя знаменія вседѣйствовавшей въ немъ благодати Божіей, рѣшились обагрить свои руки въ крови великаго своего благодѣтеля. Теперь же, когда цѣлыхъ семь вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ времени просвѣщенія нашихъ предковъ проповѣдію Св. Кукши, это мѣсто и эти люди покрыты для насъ глубокимъ историческимъ мракомъ. И мы не осмѣлились бы, даже отчасти, приподнимать непроницаемую завѣсу давно прошедшаго, если бы въ одномъ изъ городовъ нашей епархіи не почиталась память и не ублажалось имя священномученика Кукши болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ изъ обширной области древнихъ Вятичей.... Этому городу усвоено въ лѣтописяхъ грозное названіе *Меченеска*, — какъ бы носителя того орудія, подъ которымъ долженъ былъ преклонить свою голову великій просвѣтитель Вятичей, — того грознаго *меча*, на который указывали „лучшіе Вятичи“, въ томъ числѣ и жители этого города, какъ на символъ предержавшей власти, и который въ рукѣ Святителя Христова Николая, на чудотворномъ его образѣ, представляетъ какъ бы угрозу для самихъ жителей г. Мценска, можетъ быть, за одно изъ величайшихъ преступленій, когда либо омрачавшихъ ихъ городъ въ длинный періодъ его существованія... И дѣйствительно, мирный и строго благочестивый теперь, этотъ городъ былъ нѣкогда грознымъ и неприступнымъ. Естественныя твердыни его, — въ видѣ самородной каменной горы, круто поднимающіяся надъ берегами *Зуши* и ея притока *Мечны* или *Мецны*, съ высоты которыхъ красуется теперь одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ храмовъ въ цѣлой епархіи, — служили нѣкогда центромъ самобытности Вятичей, ихъ мощнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ Русскими князьями за независимость, опорю ихъ язычества и, можетъ быть, даже резиденціею

страшнаго князя Ходаты, побѣду надъ которымъ Владиміръ Мономахъ приравниваетъ къ блестящимъ своимъ походамъ противъ Половцевъ... Потому-то и владѣтель этого города Святославъ Ольговичъ, во время борьбы своей съ Черниговскими князьями, приближался къ нему не безъ осторожности и нѣкотораго смущенія... И лѣтописецъ 1152 года, говоря «о взятіи Юріемъ Георгіевичемъ Вятичей», счелъ долгомъ упомянуть о Мценскѣ, какъ будто давая тѣмъ замѣтить, что въ этомъ городѣ заключается главная сила обладанія Вятичами (114). А что древнее язычество Вятичей дѣйствительно имѣло здѣсь свою опору и центръ, это видно изъ того, что оно продолжало существовать въ городѣ Мценскѣ до XV вѣка, и только въ 1415 году уступило съ своей стороны полную побѣду христіанству (115). Въ это же самое время явилась здѣсь и чудотворная икона Святителя Хри-

(114) Библіотека Россійская Историческая, ч. I, стр. 223.

(115) Объ этомъ многознаменательномъ событіи въ исторіи города Мценска такъ записано въ древней рукописи, впервые напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ 1825 года и потомъ въ Русской Библіотекѣ за 1834 годъ (ч. I, стр. 361—362): „Въ лѣто 6923 (1415) правящу скипетры Великаго княжества Василя Димитріевича и брата его Андрея Димитріевича въ предѣлахъ и градѣхъ и во всѣхъ весѣхъ, невѣрующихъ просвѣщаху во Христову вѣру. Во градѣ Мценскѣ мнози (бѣша) невѣрующіи во Христа Бога нашего. Тогда послани быша отъ князей великихъ вои, со многимъ воинствомъ, и отъ митрополита Фотія пресвитеръ. Живущіи Мценяне устрашишася, и ратоваша на нихъ, и одержими бяху слѣпотою. Ови же прихождаху, и увѣщеваху и (ихъ) ко святому крещенію. Десятыя недѣли по пасцѣ, въ пятокъ пріемъ святое крещеніе Мценяне—Ходаны, Юшинки и Зикии, и прозрѣша; и обрѣтоша крестъ Господень, яко камень изсѣченъ, и образъ Святителя Николая, яко воинъ, въ руцѣ имущъ ковчегъ, въ немъ же залогъ тѣла и крови Господня. Во градѣ вѣроваху, всякихъ недугъ свободавшеся; окрестъ страны живущіи прихождаху, всякія

стова Николая, на которой онъ изображенъ какъ-бы грознымъ воиномъ, съ мечемъ въ одной рукѣ, и многопечительнымъ пастыремъ, подобно Св. Кукшѣ, предлагающимъ другою рукою дары небесной благодати... Но какъ говоритъ древнее сказаніе объ этомъ событіи, подтверждаемое и мѣстнымъ преданіемъ, эта святая икона собственно не явилась, а была тогда *обрѣтена*... Слѣдовательно, она и раньше этого времени существовала въ городѣ Мценскѣ, только, по особеннымъ обстоятельствамъ, до полного просвѣщенія города христіанствомъ была сокрыта въ томъ мѣстѣ, которое и доселѣ указывается преданіемъ. И достойно примѣчанія, что рѣзной образъ Святителя Николая, какъ древнѣйшая святыня Мценскихъ христіанъ, былъ обрѣтенъ вмѣстѣ съ огромнымъ камнемъ, особой породы, служившимъ, по всей вѣроятности, такою же святынею для запоздалой языческой колоніи въ г. Мценскѣ. А что этотъ камень имѣлъ для жителей Мценска (конечно, не христіанскаго, а языческаго населенія) особенно важное значеніе,—это вполнѣ усматривается изъ того, что онъ какъ обрѣтенъ былъ одновременно съ христіанскою святынею въ потаенномъ мѣстѣ (по минованіи военной опасности для всего города Мценска), такъ неприкосновенно и сохранился вмѣстѣ съ нею, въ теченіе четырехъ съ половиною вѣковъ, подъ сводами христіанскаго храма до послѣдняго времени, когда ему придана была форма

болѣзни свободяхуся, и создаша церковь десятиа недѣли пятка". См. „Сказаніе о явленіи чудотворной иконы Святителя и Чудотворца Николая во градѣ Мценскѣ, собранное изъ достовѣрныхъ источниковъ и составленное Мценскимъ соборнымъ протоіереемъ Ильею Соколовымъ“, С. П. Б. Синод. Типогр. 1858 г. и „Сказаніе о явленіи чудотворнаго образа Св. Николая въ связи съ успѣхами христіанства въ г. Мценскѣ“, сост. Г. П., изд. I, 1876 г.

животворящаго креста въ одномъ изъ церковныхъ кіотовъ Николаевскаго собора. И кто теперь въ состояніи устранить предположеніе, что обѣ эти святыни—христіанская и языческая—древнѣе 1415 года и, слѣдовательно, могли достигать своею древностью до временъ Св. Кукши? Преданіе поясняетъ еще, что на обрѣтенномъ камнѣ былъ легкій знакъ креста: кто знаетъ,—не былъ ли этотъ знакъ начертанъ рукою того, кто впервые научалъ *Мецилянъ* кланяться вмѣсто дерева и камня кресту, на чемъ бы ни былъ онъ изображенъ?... Если же жители г. Мценска такъ долго упорствовали въ язычествѣ, то понятно, съ какимъ ожесточеніемъ они должны были отнестись къ проповѣди Св. Кукши въ ихъ землѣ, и особенно, когда онъ явился въ ихъ родномъ городѣ, увѣнчанный уже лаврами христіанской побѣды надъ язычествомъ! И вотъ, на что не рѣшились многіе, на то пошли отчаянные представители племенной самобытности и ожесточеннѣйшіе изъ язычниковъ одного города въ землѣ Вятичей... И не потому ли, какъ бы въ нѣкоторое возмездіе, этому самому городу суждено было удивить весь Русскій православный міръ своимъ застарѣлымъ, упорнымъ язычествомъ, продолжавшимъ существовать здѣсь до временъ митрополита Фотія?... Не безъ основанія, конечно, въ кругу сосѣдей сложилось и это мнѣніе относительно древнихъ обитателей г. Мценска: «коли амчанинъ къ тебѣ на дворъ, — выноси скорѣе святыхъ вонъ»!... Наконецъ, знаменательно и самое намѣреніе благочестивыхъ жителей г. Мценска избрать небеснымъ патрономъ христолюбиваго своего «Братства» Св. Кукшу и посвятить его имени одинъ изъ престоловъ древнѣйшаго во всемъ городѣ храма. Не есть ли это тайное, благодатное влеченіе христіанскаго

чувства къ тому, кто первый принесъ сюда благоую вѣсть о небесной Истинѣ, примирившей Небо съ землею и доставившей высшее утѣшеніе и сладостнѣйшую надежду въ сей юдоли несмолкающаго плача и непремѣняемыхъ скорбей? Не есть ли это внушеніе свыше, для достойнаго прославленія Угодника Божія, на мѣстѣ великихъ его подвиговъ, и для исходатайствованія у него небесной помощи въ виду новой опасности для святой вѣры, или лучше— для ея послѣдователей, готовыхъ увлекаться теперь всякимъ вѣтромъ лжеименнаго разума, взимающагося на вѣчный Божественный разумъ? О, если бы великій просвѣтитель всего нашего края былъ съ нами не только облагодатствованнымъ своимъ духомъ, но и прославленнымъ тѣломъ, почивающимъ вдали отъ насъ,— тамъ, откуда изшелъ къ намъ онъ, полный апостольской ревности о славѣ имени Христова,— куда возвратился онъ, увѣнчанный безсмертнымъ мученическимъ вѣнцемъ, и гдѣ, уже болѣе семи вѣковъ, безъисходно пребываетъ нетлѣнными своими мощами! Но не исповѣдимы судьбы Божіи.... Пусть же святая пещера, гдѣ сіяетъ своею благодатию великій учитель и, можетъ быть, соплеменникъ нашъ, послужить спасительнымъ для насъ урокомъ въ борьбѣ за имя Христово, безъ которой невозможно наслѣдовать вѣчнаго спасенія и которая, въ премудрыхъ путяхъ Промысла Божія, имѣетъ продолжиться дотолѣ, пока пребудетъ на землѣ воинствующая Церковь Христова. Въ сознаніи же немощи и безсилія на трудномъ пути воинствованія къ царству славы, будемъ молиться дивному просвѣтителю нашему словами одного восточнаго инока: «О, Кукша мученикъ, правило для священниковъ, украшеніе постникамъ и преподобнымъ! ты какъ апостоль скончался среди проповѣди евангельской съ ученикомъ»

твоимъ; наставь и меня твоими молитвами на путь спасенія». (Русск. Свят., соч. Филарета, архіеп. Черниг.).

Велико было преступленіе нашихъ предковъ предъ Кіево-печерскою братією, пославшею къ нимъ на проповѣдь одного изъ богоносныхъ своихъ подвижниковъ и принявшею его отъ нихъ замученнымъ. Но мученическая кончина Св. Кукши, увѣнчавшая его чудеснымъ нетлѣніемъ мощей, не только не отдалила блаженныхъ иноковъ Печерской обители отъ обитателей преступнаго края, а напротивъ, какъ это бываетъ у людей Божіихъ, еще тѣснѣе соединила ихъ съ ними въ священныхъ интересахъ вѣры и христіанскаго благочестія. Рѣка Десна, по которой шествовалъ въ нашу «страну лѣсовъ» блаженный Кукша и по которой доставлены были нетлѣнныя мощи его въ Кіевъ, служила удобнымъ путемъ для сношенія новообращеннаго края съ своею просвѣтительницею, а Чернигово-Сѣверскіе князья, наслѣдовавшіе иногда великокняжескій Кіевскій престолъ, являлись самыми близкими посредниками и печальниками о духовныхъ нуждахъ своихъ подданныхъ предъ богомудрыми Печерскими иноками. И вотъ, почти одновременно съ сокрушеніемъ идоловъ, въ нашемъ краѣ возникаютъ монастыри и расцвѣтаетъ иноческая жизнь по образцу Кіевскихъ подвижниковъ, какъ живой протестъ грубому язычеству, истлѣвающему въ похотяхъ прелестныхъ. Извѣстно, что въ XIII вѣкѣ существовалъ уже въ Брянскѣ Петропавловскій монастырь съ архимандритомъ во главѣ. Жители г. Мценска считаютъ своему Петропавловскому монастырю болѣе семи столѣтій. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что для иночества находились тогда же пріюты и въ другихъ нашихъ городахъ, особенно такихъ, какъ Карачевъ, Труб-

чевскъ и Елецъ, которые имѣли своихъ князей, обыкновенно всегда и вездѣ покровительствовавшихъ иноческой жизни. А когда этотъ свѣточъ высшей, облагодатствованной жизни подъ напоромъ человѣческихъ страстей, проявившихъ всю свою силу въ смутное безгосударственное время, готовъ былъ померкнуть; кто оживилъ его среди обитателей Орловскаго края, какъ не та же Кіево-печерская лавра, выславшая къ намъ изъ стѣнъ своихъ преподобнаго Прокопія, который не только возстановилъ стертую съ лица земли Площанскую обитель (116), но и способствовалъ тому, что наши Карачевскіе, Брянскіе и Трубчевскіе лѣса покрылись новыми пустынями и многочисленными скитами? Въ настоящее время трудно и едва ли возможно перечестъ всѣ благодѣянія, излитыя на Орловскій край Кіевомъ и его великою лаврою. Въ примѣръ того, какъ Кіево-печерская лавра была близка къ нашимъ князьямъ и отзывчива къ духовнымъ ихъ запросамъ и нуждамъ, укажемъ на слѣдующій случай. Въ 1288 году Брянскій князь Романъ Михайловичъ заболѣлъ глазами и лишился зрѣнія. Куда же обращается онъ за исцѣленіемъ? Въ такомъ несчастіи онъ посылаетъ своего Петровскаго монастыря архимандрита и нѣсколькихъ священниковъ въ Кіевскій Печерскій монастырь, съ богатыми дарами, и проситъ прислать въ Брянскъ икону Печерской Божіей Матери, предъ которою надѣется получить исцѣленіе. Просьба благочестиваго князя была уважена Печерскою братією. Когда св. икона находилась уже вблизи Брянска, ослѣпшій князь, вышедшій въ срѣтеніе ея въ сопровожденіи епископа и освященнаго собора, велегласно воззвалъ предъ нею: «О, пречудная Владычице Богородице, Мати Христа Бога нашего! Дай мнѣ, Госпоже, очами узрѣть свѣтъ

(116) См. Орлов. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 6.

и Твой чудотворный образъ. Елико и далѣ узрю съ мѣста сего на всѣ четыре стороны, толико придамъ къ дому Твоему и созижду храмъ и обитель, идѣже Ты возлюбила мѣсто». Князь получилъ прозрѣніе и на томъ же мѣстѣ немедленно построилъ Свѣнскій Успенскій монастырь (117). И съ своей стороны обитатели Орловскаго края, благоговѣя предъ Кіевомъ и его святыней, не разъ приходили къ нему на помощь своими матеріальными силами и средствами. Между прочимъ Кіевскій митрополитъ Максимъ, оставляя навсегда въ 1299 году Кіевъ, опустошенный и постоянно угрожаемый Татарами, удалился со всѣмъ своимъ клиромъ въ Брянскъ, гдѣ и прожилъ нѣкоторое время. Когда Кіеву стала грозить опасность отъ Литовскаго завоевателя Гедимина, Брянскіе князья поспѣшили къ нему на помощь и сразились за него на р. Ирпени; а по завоеваніи Кіева Литвою дали князю его Станиславу убѣжище въ своей волости (118). Тяготѣніе къ Кіеву обитателей Орловскаго края было такъ велико, что когда имъ предстояло избирать политическую зависимость между Московскимъ государствомъ и Литовскимъ, то они охотнѣе склонились на сторону послѣдняго, лишь бы не разрывать съ исконнымъ центромъ духовнаго своего тяготѣнія—Кіевомъ. Впослѣдствіи, въ 1499 году, Орловскій край былъ завоеванъ Москвою и около двухъ вѣковъ находился въ политическомъ разъединеніи съ Кіевомъ; но за то, съ присоединеніемъ и сего послѣдняго города къ Великороссіи, вѣковыя симпатіи къ нему нашихъ предковъ оживились съ новою силою, и рѣка Десна отъ Брянска до Кіева разомкнулась для желанныхъ

(117) См. „Историч. очерки г. Брянска“. Орель, 1884 г., стр. 21—24.

(118) Карамзинъ, IV, 238; Соловьевъ, 3, стр. 305.

сношеній между ними. Между тѣмъ въ это самое время Кіево—печерская лавра находилась въ большой тревогѣ и опасеніи за самое свое существованіе. Угрожаемая со стороны Поляковъ, Крымскихъ Татаръ и особенно Турокъ, неоднократно вторгавшихся въ Малороссію, она обращала свой взоръ къ предѣламъ Орловскаго края и въ немъ надѣялась найти себѣ безопасное убѣжище. Въ 1680 году, марта 8-го дня, Кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель отъ лица всей лавры билъ челомъ Московскому государю — «по случаю наступающихъ безвременій военныхъ, пожаловать имъ гдѣ-либо пристанище имѣть въ Великороссійской державѣ до времени тихаго, какъ-то при Брянску, или въ Трубчевску, яко дальней сторонѣ отъ мятежей войсковыхъ», и благочестивый Царь Θεодоръ Алексѣевичъ, двумя грамотами отъ 19 мая 1680 г. и 22 марта 1681 года, пожаловалъ въ вѣдѣніе Кіево-печерской лавры Трубчевскій Чолнскій и Брянскій Свѣнскій монастыри «со всякими строеніями, заводами, вотчинами, крестьянами, бобылями, скотомъ и хлѣбными припасами». Съ этого времени за Свѣнскимъ Успенскимъ монастыремъ усвоено было названіе «Ново-Печерскаго», и Кіево-печерская лавра вступила во владѣніе всѣми его вотчинами, расположенными въ уѣздахъ — Брянскомъ, Трубчевскомъ, Сѣвскомъ, Дмитровскомъ и Мценскомъ. въ которыхъ, по вѣдомости 1744 года, считалось монастырскихъ крестьянъ 9108 душъ мужескаго пола (119). Хотя Чолнскій и Свѣнскій монастыри были предоставлены Кіево-печерской лаврѣ «для тогдашнихъ воинскихъ временъ, ради раззоренія и запустошенія отъ непріятелей маетностей Кіево-печерскаго монастыря, пока монастырскія отчины его совершенно населятся и придутъ въ преж-

(119) См. Описаніе Свѣнскаго мон., архим. Герооѣя.

нее свое достояніе», однако лавра продолжала владѣть ими до 20 апрѣля 1786 года, когда указомъ Св. Синода они переданы были въ вѣдомство Сѣвской епархіи. Такъ Орловскому краю суждено было своимъ достояніемъ вознаградить ту самую обитель, которая нѣкогда, во дни Св. Кукши, трудилась надъ обращеніемъ языческихъ обитателей его въ христіанство и послѣ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, не щадила для нихъ просвѣтительныхъ своихъ средствъ. Тогда она служила нашимъ предкамъ отъ своихъ сокровищъ туне, ради славы имени Христова; теперь же, во дни ея нужды и лишеній, пришли къ ней на помощь отдаленные, но благодарные потомки ихъ. И исполнилось въ отношеніи Кіевопечерскихъ подвижниковъ и обитателей Орловскаго края святое слово Апостола языковъ: «Аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ» (120)? Впрочемъ, и «пожиная тѣлесная», Кіевопечерская лавра чрезъ просвѣщенныхъ своихъ иноковъ, особенно въ лицѣ настоятелей Трубчевскаго Чолнскаго и Брянскаго Сѣнскаго Новопечерскаго монастырей, продолжала въ предѣлахъ Орловскаго края «сѣять духовная»,—снабжала монастыри и приходскія церкви церковными книгами, святыми иконами и разными священными принадлежностями храмовъ Божіихъ. Церковныя книги Кіевской печати встрѣчаются въ 17-мъ в. не только въ западныхъ уѣздахъ Орловскаго края, но и въ восточныхъ, какъ напримѣръ—Мценскомъ и Ливенскомъ. Всего же болѣе, въ минувшіе вѣка, назидались обитатели Орловскаго края чрезъ свое паломничество въ Кіевъ на поклоненіе нетлѣннымъ мощамъ Угодниковъ Божіихъ. Многочисленные пашпорты, хранящіеся при дѣлахъ Сѣвской Духовной

(120) I. Коринѣ. 9, 11.

Консисто́рии, свидѣтельствуютъ, какъ широко распро-
странено было въ 18 вѣкѣ это паломничество между
нашими иноками и инокинями, священниками и кли-
риками, равно какъ и между мірянами, цѣлыми мас-
сами направлявшимися тогда, какъ и теперь, въ слав-
ный благодатію Кіевъ. И теперь, когда прошли
новые удобные пути сообщенія, кто исчислитъ
паломниковъ, устремляющихся со всѣхъ градовъ
и весей Орловской губерніи въ Кіевопечерскую
обитель, и оцѣнить то великое религіозно-воспи-
тательное значеніе, какое она имѣла и всегда со-
хранить за собою своими дивными пещерами? Особен-
но же для насъ, обитателей Орловскаго края, должна
быть дорога одна изъ этихъ пещеръ, въ которой болѣе
уже семи сотъ лѣтъ пребываетъ нетлѣнными своими
мощами просвѣтитель нашъ—Св. Кукша. Пусть же и
святой образъ его, такъ чтимый во градѣ Мценскѣ,
будетъ украшеніемъ храмовъ нашихъ во всѣхъ
городахъ и весяхъ Орловской губерніи, и не только
храмовъ, но и домашнихъ жилищъ нашихъ, въ коихъ
мы славимъ Господа и исповѣдуемъ вѣру въ Него,
завѣщанную намъ апостоломъ нашимъ, священномуч-
ченикомъ Кукшею, и засвидѣствованную въ истин-
ности своей дивнымъ нетлѣніемъ мощей его (121).

(121) Память Св. Кукши каждый годъ торжественно празд-
нуется жителями г. Мценска (27 августа) со времени открытія
„Братства Священномученика Кукши при Богоявленской церкви,
на старомъ кладбищѣ, въ г. Мценскѣ“,—послѣдовавшаго 28 фев-
раля 1876 года. Съ этого же времени установилось и особенное
чествованіе образа Св. Кукши въ г. Мценскѣ, такъ что почти нѣтъ
здѣсь дома, гдѣ бы не находился образъ сего Угодника Божія,
во имя коего, на средства Братства, устроенъ и *притѣль* при
Богоявленской церкви.

СОДЕРЖАНІЕ.

Древніе обитатели Орловскаго края.—Ихъ языческія вѣрованія, нравы и обычаи.—Причины медленнаго проникновенія въ нимъ христіанства.—Кіево-печерскій монастырь и его блаженныя иноки во дни Св. Кукши.—Непосредственное участіе Печерской обители и Черниговскихъ архипастырей въ просвѣтительной миссіи Св. Кукши.—Содѣйствіе этому дѣлу Чернигово-Сѣверскихъ князей.—Время проповѣди Св. Кукши въ землѣ Вятичей.—Обстоятельства, при которыхъ онъ принялъ на себя подвигъ апостольства и оставилъ Печерскій монастырь.—Свидѣтельство св. Симона, епископа Владимірскаго, о крещеніи Вятичей Кукшею и совершеніи имъ многихъ чудесъ.—Подробное разсмотрѣніе свидѣтельства св. Симона о личности Св. Кукши, просвѣтительной его дѣятельности и совершенныхъ имъ чудесахъ въ землѣ Вятичей.—Мученическая кончина Кукши и его ученика Никона.—Нетлѣнныя мощи Св. Кукши.—Прозрѣніе постникомъ Пименомъ и извѣщеніе имъ Печерской братіи о днѣ и часѣ мученической кончины Св. Кукши.—Положеніе Орловскаго края въ отношеніи просвѣтительной миссіи Св. Кукши.—Слѣды апостольской дѣятельности Св. Кукши въ предѣлахъ Орловскаго края.—Нѣкоторыя соображенія о мѣстѣ мученичества Св. Кукши въ связи съ судьбою города Мценска.—Религіозно-воспитательное значеніе Кіево-печерской лавры для Орловскаго края и духовное тяготѣніе его къ Кіевской святынѣ въ послѣдующее время.

Одн. Шест. Вилостека г. Орла
Отдел выдачи
№ _____
ИМЕНА Т. КИРИЛОНОВ

